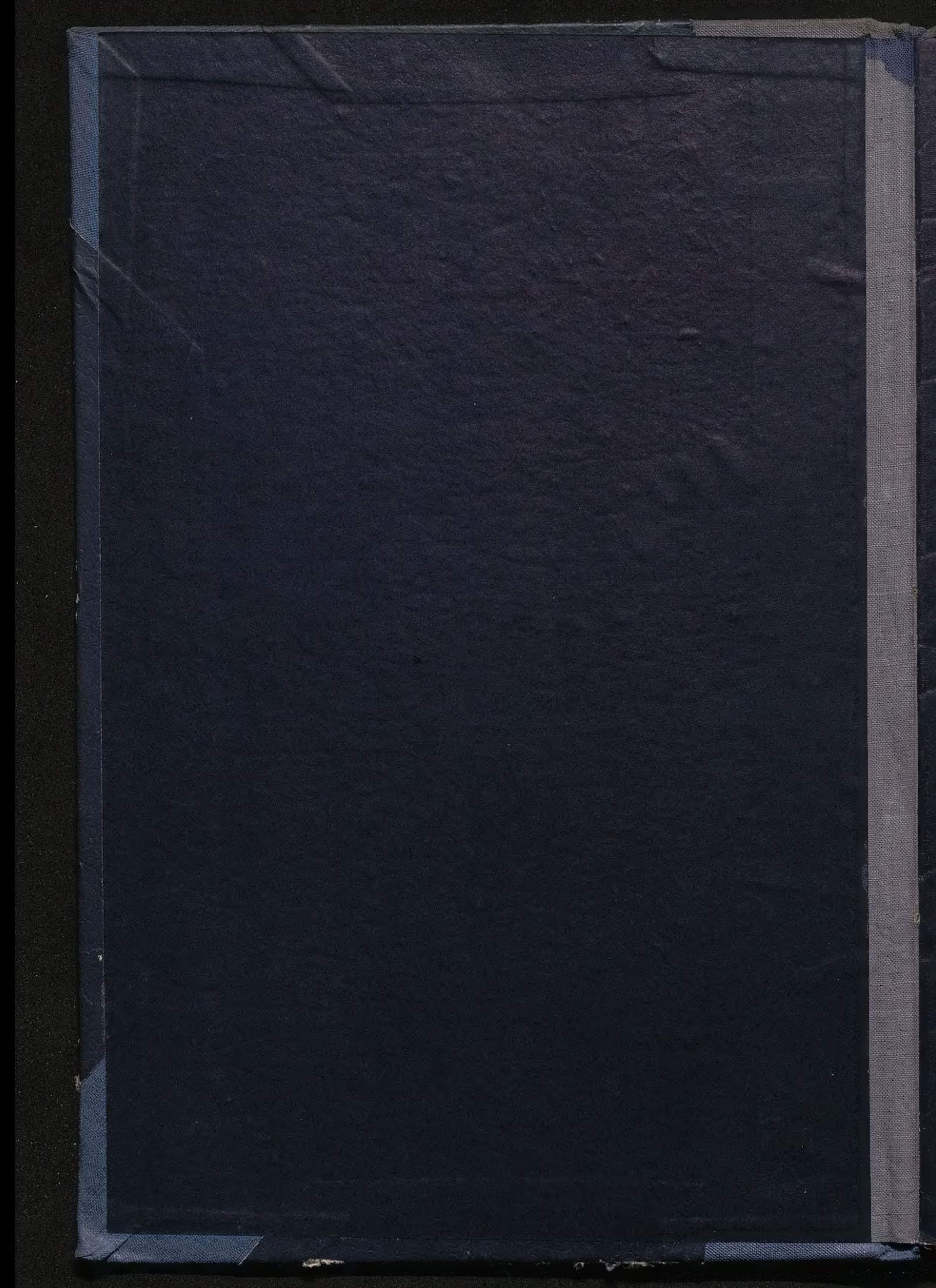
ПЯТЬ ЛЕТ
СБ. СТАТЕЙ

ПЯТЬ ЛЕТ

СБОРНИК СТАТЕЙ И ВОСПОМИНАНИЙ ПОСВЯЩЕННЫХ ПЯТОЙ ГОДОВЩИНЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ХАРЬКОВ.
1922.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПЯТЬ ЛЕТ

СБОРНИК СТАТЕЙ И ВОСПОМИНАНИЙ.

ИЗДАН В ПЯТУЮ ГОДОВЩИНУ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ АГИТПРОПОМ ХАРЬКОВСКОГО ГУБЕРНСКОГО КОМИТЕТА К. П. (б.) У.

1922

С. Гладнев

ОКТЯБРЬ и МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

Февральская революция, революция разразившаяся в обстановке мировой войны, возложила на передовой отряд организованных пролетариев России особенно ответственные задачи—наша партия наряду с защитой своего лозунга—«превращение империалистической войны в гражданскую войну» должна была бросить и отстаивать новый лозунг—«рабочая революция в России является прологом мировой социальной революции».

Все усилия нашей партии направлены были именно к тому, чтобы превратить начавшуюся в феврале революцию из буржуазно-демократической в рабоче-крестьянскую, вернее к тому, чтобы вырвать широкие массы пролетариата и крестьянства из под растлевающего влияния либерально - социалистического блока Милюковых, Керенских, Церетелли, Либерданов и направить их энергию на борьбу за лозунги русской, а вместе с тем и мировой пролетарской революции.

Позиция нашей партии по вопросу об интернационале, об отношении к рабочим партиям, к рабочему движению в отдельных странах определялась ее собственной позицией во время войны. Те три течения (социалпатриотов, пацифистского «центра» и революционных интернационалистов), которые определились с особенной яркостью на полулегальных международных конференциях в Циммервальде (9—12 сент. 1915 г,) и Киентале (24—30 апреля 1916 г.), в связи с этими конференциями с еще большей выпуклостью и резкостью выявились в России.

Еще за несколько месяцев до февральской революции—в тезисах своих, помещенных в № 47 «Социал-Демократа» (от 13 окт. 1915 г.)—Ц. К. нашей партии устами тов. Ленина заявил, что

> ...Задача пролетариата России—довести до конца буржуазно-демократическую революцию в России, *дабы* разжечь социалистическую революцию в Европе. *)

Прозорливым своим оком уже тогда тов. Ленин предвидел и в тезисах своих с полной уверенностью заявлял:

> «...Не подлежит никакому сомнению, что победа пролетариата в России дала-бы необыкновенно благоприятные условия для развития революции в Азии и в Европе. **)

На вопрос, что сделала-бы наша партия, если-бы революция поставила ее у власти *тотчас*, тов. Ленин отвечает:

> 1) «Мы немедленно предложили-бы мир *всем* воюющим народам;

---

*) «Несколько тезисов» — Соц-Дем. № 47. 13 окт. 1915 г. Перепечатано в сборнике «Против течения» стр. 302—04. *(курсив автора)*.

**) См. там-же.

мы огласили-бы наши условия мира, состоящие в немедленном освобождении *всех* колоний и *всех* угнетенных и неполноправных народов; 2) мы немедленно начали-бы и довели-бы до конца освобождение народов, угнетенных великороссами; 3) мы ни на минуту не обманываемся, что такие условия были-бы *неприемлемы* не только для монархической, но и для республиканской буржуазии Германии, и не только для Германии, но и для капиталистических правительств Англии и Франции. *)

Подобная чрезвычайно четкая и ясная обрисовка основных задач и линии поведения российского пролетариата при победоносном ходе революции в России дала повод русским меньшевикам тогда-же,—а дружной своре меньшевиков всех стран (Шейдемановцам и «независимцам» в Германии, лонгетистам во Франции и т. д.) и впоследствии—утверждать, будто тов. Ленин ударился в Бакунизм в смысле своеобразного революционного славянофильства, в смысле признания российского пролетариата избранным носителем революции.

Как-бы в ответ на эти извращения противников тов. Ленин в своем знаменитом «прощальном письме к швейцарским рабочим» 8 апр. (нов. ст.) 1917 г., т. е. через 4 недели после начала февральской революции в России, между прочим писал:

> Русскому пролетариату выпала на долю великая честь *начать* ряд революций, с об'ективной неизбежностью порожденных империалистической войной. Но нам абсолютно чужда мысль считать русский пролетариат избранным революционным пролетариатом среди рабочих других стран. Мы прекрасно знаем, что пролетариат России менее организован, подготовлен и сознателен, чем рабочие других стран. Не особые качества, а лишь особенно сложившиеся исторические условия сделали пролетариат России, на известное, быть может, очень короткое время, застрельщиком революционного пролетариата всего мира. *)

Далее тов. Ленин давал следующую чрезвычайно трезвую и вместе с тем блестящую характеристику роли России в развитии мировой революции.

> «Россия—крестьянская страна, одна из самых отсталых европейских стран. *Непосредственно* в ней не может победить *тотчас* социализм. Но крестьянский хахарактер страны, при громадном сохранившемся земельном фонде дворян-помещиков, на основе опыта 1905 г. *может* придать громадный размах буржуазно-демократической революции в России и сделать из нашей революции *пролог* всемирной социалистической революции, *ступени* к ней**).

Этот взгляд на российскую революцию, как на пролог мировой социалистической революции, красной нитью проходит также и во всех выступлениях тов. Ленина и ЦК нашей партии в период февральской революции. Это находит себе отражение в той весьма краткой но своей яркостью и резкостью поразившей речи, которую произнес Ильич приехав в Питер на площади перед Финляндским вокзалом, где собраны были делегации петербургских рабочих. Тот же основной мотив гораздо подробнее развити им в «Письмах о тактике» (письмо 1-е—и единственное) и в брошюре: «Задачи пролетариата в нашей революции» (проект платформы пролетарской партии).

***) См. собр. соч. Ленина. Том XIV часть II, стр. 406.

*) Собр. сочин. Н. Ленина, том XIV часть II, стр. 406.

**) Там-же, стр. 407.

В своей приветственной речи на Всероссийской апрельской конференции большевиков (24 апр. 1917 г.) тов. Ленин между прочим заявил:

> «На долю российского пролетариата выпала великая честь начать, но он не должен забывать, что его движение и революция составляют лишь часть всемирного революционного пролетарского движения, которое, например, в Германии, наростает изо дня в день все сильнее и сильнее. Только под этим углом зрения мы и можем определять наши задачи»*).

Это рассматривание своих задач под углом зрения всего мирового пролетарского движения в целом, это систематическое подчинение интересов застрельщика мировой социальной революции, его авангарда—российского пролетариата — интересам всего развития социальной революции пролетариата—это и есть то, что глубоко разнит и отделяет нас от сменовеховской интеллигенции и от всяких вообще советских «патриотов». Вполне естественно поэтому, что все статьи и речи, писанные и сказанные в самый разгар событий октября 1917 года, так или иначе сводились к формулировке задач данного момента, как одной из составных частей общей великой пролетарской задачи—*всемирной социалистической революции*.

Если интересами мировой социальной революции наша история руководствовалась в дни октябрьского переворота, то еще менее упускался из виду общий курс на мировую революцию позднее, в один из самых тяжелых для нашей партии и для рабоче-крестьянской России моментов—при мирных переговорах в Бресте и при подписании брестского мирного договора.

*) Н. Ленин. Собран. сочинений. Том XIV, часть II, стр. 413.

Самые разногласия, возникшие внутри нашей партии по вопросу о подписании брестского договора и об отношении к этому договору, показали, что одинаково и сторонники подписания мира, во главе с тов. Лениным, и ярые противники этого подписания (сторонники «революционной войны») во главе с т.т. Бухариным, Пятаковым и Осинским, исходили исключительно из интересов мировой социальной революции и ее развития. Этими же интересами руководились и т.т. Троцкий, Урицкий и другие, защищавшие третью точку зрения — «ни мир, ни война».

Лишь впоследствии история наглядно показала, что интересы советских республик, а вместе с тем и мировой революции лучше всего соблюдены были тем тяжелым путем международной Голгофы, за который сразу высказался тов. Ленин и за которым по постановлению VII с'езда нашей партии и IV с'езда Советов пошла наша страна.

Основной задачей нашей партии при захвате власти в октябре 1917 года и после того при подписании брестского мира было перебросить искры рабочего бунта на Запад, зажечь там пожар социальной революции.

Нельзя сказать, чтобы волны революционного движения не передавались через фронты на запад. Уже в декабре 1917 года настроение рабочих масс в крупнейших центрах Германии и Австрии было достаточно революционным, если не для вооруженного восстания, к которому они были не подготовлены, то во всяком случае для массовой политической забастовки протеста против непрекращавшейся войны.

Но тут именно на сцену выступили тушители революционного духа, глушители революционного сознания рабочих масс—профессиональные предатели рабочего дела—соглашательские вожди, которые искусными сво-

ими маневрами сумели сломить забастовку.

Лишь значительно позднее, почти ко дню первой годовщины Октября, наступило крушение отдельных звеньев в крепкой цепи срединной коалиции. Это крушение, носившее в Турции формы простой военной катастрофы, в Болгарии, Австрии и Венгрии приняло формы революций. Подобный же характер революции носило и крушение германского империализма, которое причудливая в своих фантазиях старушка история приурочила ко дню первой годовщины нашей Октябрьской революции.

С полным основанием тов. Ленин в своей речи на VI с'езде Советов (8 ноября 1918 г.) мог заявить:

> ...«никогда мы не были столь близки к международной пролетарской революции, как теперь. Мы доказали, что ставя ставку на международную пролетарскую революцию, никакие жертвы не могут быть слишком малы. Мы величайшие жертвы—национальные и экономические, — приносили не даром».*)

На следующий день получено было из Берлина по прямому проводу известие о бегстве Вильгельма II и о провозглашении германской социалистической республики, возглавляемой блоком социал-предателей и социал-соглашателей и, руководимой, как оказалось впоследствии, старыми, преданными старому режиму чиновниками кайзера.

Подобно тому, как за год до того—в декабре 1917 г.—врагам революции из лагеря германских социал-патриотических вождей удалось потушить первые попытки рабочего бунта и сорвать всеобщую забастовку протеста в Берлине, в Вене и в прочих крупных центрах, и теперь—в ноябре и декабре 1918 г.—ими делалось все возможное, чтобы локализовать пожар, чтобы потоками лжи и клеветы на Советскую Россию, чтобы путем умаления действительной силы рабочих масс добиться их дезорганизации, чтобы отвлечь их от революции.

В этот период с наглядностью обнаружилась справедливость того прогноза и диагноза, который ставился наиболее вдумчивыми и прозорливыми из числа революционных марксистов уже и до того—а именно: буржуазия удержалась от окончательной гибели и полнейшего крушения исключительно только милостью социал-патриотических и социал-пацифистских вождей рабочего класса.

Совет Народных Уполномоченных, в который вошло по 3 матерых социал-патриота (Эберг, Шейдеман и Ландсберг) и независимцы (Гаазе, Дитман и Барт), очень скоро сумел себя скомпрометировать в глазах широких революционных масс Германии. После выхода из его состава независимцев (28-го дек. 1918 г.) и после включения в его состав Густава Носке, чье имя успело стать нарицательным в глазах рабочих всего мира, вопрос о революционности германского правительства, о революционных достижениях германских рабочих отпал сам собой.

Очень скоро для рабочих всего мира, и в первую очередь для российских, возлагавших на германскую революцию и германские советы особенно большие надежды, стало ясно, что германские советы имеют с российскими общего только название, ибо социалисты большинства в Германии, пользуясь огромным авторитетом своих вождей в глазах рабочих, имея в своих руках почти всю рабочую печать и весь аппарат профсоюзов, ускоренным темпом ликвидировали те советы рабочих депутатов, какие в период революционного угара первых дней после крушения кайзеризма при участии и содействии тех же шейдемановцев повсюду возникали и создавались.

---

*) Н. Ленин. Собр. Сочин. том XV, стр. 555.

В тех немногих местах (Бремен, Гамбург, Галле, Лейпциг), где рабочая масса в деле ликвидации советов рабочих депутатов не шла покорно по указке социал-предателей, где были хотя-бы робкие попытки оставить советы и дать им окрепнуть и развиться, в этих случаях в дело вмешивался «социалист» Носке. Для подавления самого мирного рабочего «бунта» и для разгона и упразднения Советов им посылались особые военные карательные экспедиции с монархическими офицерами во главе.

Если грузинские меньшевики управляли Грузией, облыжно пользуясь сплошь да рядом авторитетом фальсифицированного ими и существовавшего при них все время Совета рабочих депутатов, то меньшевики германские действовали более открыто и разгоняли рабочие Советы вооруженной рукой.

Особенно кровавые формы столкновения между посылаемыми Носке карательными экспедициями и революционными рабочими приняли помимо Берлина (январь и март 1919 г.), Бремена (февраль 1919 г.), Рейнской провинции (апрель 1919 и март 1920 г.) Лейпцига (май 1919 г.) еще в Баварии.

В силу целого ряда своеобразных обстоятельств, на которых мы здесь останавливаться не будем, часть Баварии, экономически отсталой по сравнению с другими частями Германии, организовала у себя в марте 1919 г. советскую республику. Не станем останавливаться на ходе событий в этой советской республике, оказавшейся недолговечной и созданной вопреки предостережениям нашей коммунистической организации. Интересующийся читатель найдет подробный по этому вопросу материал в изданной уже и на русском языке брошюре тов. П. Вернера*). Здесь мы отметим только тот факт, что падение баварской советской республики вызвано было не только и не столько натиском раздавивших ее 1-го мая 1919 г. белогвардейских частей Носке, сколько предательством соглашателей, участвовавших в создании этой советской республики, но трусливо бросивших ее, как только ей стала угрожать опасность.

Основной смысл систематического удушения германскими социал-предателями и соглашателями рабочей революции становится ясным, если, не ограничиваясь одной только политической стороной событий, вникнуть в суть создавшейся в Германии экономической обстановки борьбы классов. Октябрьский переворот в России явился—об этом зачастую забывают—не только следствием той чисто политической борьбы за власть, какая велась в Петреграде и которая 25 окт. (7 ноября) разрешилась в пользу пролетариата. Эта борьба в течение ряда месяцев велась в области промышленности на почве не овладения предприятиями со стороны рабочих, в всего лишь под лозунгом к о н т р о л я н а д п р о и з в о д с т в о м. Под этим лозунгом развивалась и обострялась в обстановке надвигающегося Октября классовая борьба, намечались главнейшие противоречия между исконными вековыми врагами в этой борьбе—между буржуазией и пролетариатом.

Иное дело в Германии. Там еще во время войны социал-предательские вожди с.-д. партии и профсоюзов впряглись в колесницу военного капитализма и более или менее открыто, под лозунгом «гражданского мира», приспособляли и умеряли требования организованных рабочих применительно к интересам крупного капитала.

Мирное сотрудничество германских рабочих вождей, с одной стороны, и вершителей судеб германской промышленности—с другой, нашло свое завершение к самому моменту крушения власти кайзера. Еще за пару недель до 9-го ноября 1918 г., чувствуя непрочность доживавшего последние свои дни старого режима,

*) *П. Вернер*. Баварская советская республика.

нуждаясь в новой опоре взамен рушащегося правительства кайзера, германские капиталисты в лице руководителей крупнейших своих об‘единений собрались на конференцию совместно с вождями профдвижения. Делегация капиталистов возглавлялась Гуго Стиннесом, а делегация профсоюзов—Карлом Легином, председателем об‘единения германских т.-наз. «свободных» или соц.-демокр. профсоюзов.

Для конференции этой особенно характерно то, что рабочие вожди не менее капиталистов боялись крушения капитализма под напором революционной рабочей стихии. Путем совместно выработанного соглашения, короли промышленности и профсоюзные чиновники старались закрепить «гражданский мир» между капиталом и трудом в то время, как по всей Германии разгорался пожар революции, подымались волны пролетарской стихии.

Согласно этому соглашению германское профсоюзное чиновничество, являющееся, по меткому выражению т. Зиновьева, *эмиссаром буржуазного общества в лагере пролетариата*, облегчило классу капиталистов разрешенне одной из труднейших задач—демобилизации промышленности.

Единственная видимость уступки со стороны капиталистов заключалась в их согласии на установление 8-ми часового рабочего дня, самочинно введенного уже однако революцией. В этом вопросе «уступка» предпринимателей сводилась к формальному признанию положения фактически создавшегося и закрепленного вдобавок особым законодательным актом революционного правительства.

Соглашение, заключенное 15-го ноября 1918 г., в большей мере содействовало ликвидации германской революции, нежели все зверские подвиги кровавого Носке. Оно упрочило положение германских капиталистов и путем создания арбитражных судов и т. под. отняло у рабочих масс повод к революционным действиям.

Не в меньшей мере, нежели в Германии, социалпредатели повинны в ликвидации революции и в подавлении советской республики в Венгрии. Путем прямой государственной измены, привлекая к себе на помощь иностранных оккупантов, не гнушаясь даже помощи кровавых героев наших дней—правительства боярской Румынии,—венгерские социал-демократы помогли потопить в пролетарской крови начавшую-было упрочаться советскую власть в Венгрии.

Что сами венгерские меньшевики вскоре должны были уступить место неприкрытым реакционерам и монархистам, что Венгрия и по сей день еще является ареной разгула белого террора—несомненная историческая заслуга социалпредательских вождей.

Гибель советской Венгрии означала собою ликвидацию мировым капиталом одного из наиболее ярких пожаров, зажженных искрами российской революции в пороховом погребе современной Европы.

Но ни это поражение международного пролетариата, ни целый ряд других, знаменующих собою вехи на бурном пути мировой революции за последнее пятилетие не могут служить доказательством ликвидации этой революции, как о том мечтают вожди мирового капитала, как того практически добиваются социал-предатели и социал-соглашатели всех стран.

Наоборот, истекшие пять лет с достаточной наглядностью показали, что не приходится говорить о конце мировой революции при том небывалом в истории количестве горючего материала, какое подготовлено десятилетиями «мирного» развития международного капитализма, с его хищной эксплоатацией колоний, им захваченных, с его тенденциями империалистического расширения, с его методами усиленного выматыва-

ния сил у трудящихся по последнему слову научной техники.

Столкновения труда и капитала по об'ему и силе не ослабевают и не уменьшаются. Столкновения эти принимают самые грандиозные и совершенно неизвестныя прежде размеры, как последствие войны.

Война не принесла никому тех результатов, какие от нее ожидались, и прежде всего,—в результате войны усилилось недовольство своим положением, усилился бунт против гнета империализма как со стороны колониальных народов, так и со стороны «белых рабов»—пролетариев Европы и Америки — всеобщие забастовки, борьба за более высокий уровень заработной платы и проч. приняла по своей интенсивности грандиознейшие размеры. Это одинаково относится ко всем капиталистическим странам, совершенно независимо от того, принадлежала-ли к числу воюющих или нейтральных, побежденных или победителей.

Этот размах и глубина социальных конфликтов и классовых битв последних лет являются прямым последствием победоносной рабочей революции в России. Но помимо чисто моральной точки опоры международное рабочее движение против капитала ощущало острую потребность в об'единяющем и руководящем центре, в своего рода генеральном штабе мировой революции.

Такого рода боевой центр создан был в марте 1919 года в Москве на I-ом конгрессе III-го коммунистического Интернационала.

I-й конгресс был чрезвычайно скромным началом. В сущности говоря, это было еще только ядро будущей межнународной организации революционного пролетариата.

Состоявшиеся за последние годы конгрессы коммунистического Интернационала, в особенности II конгресс (летом 1920 г.), превратили Исполком Коминтерна в настоящий главный штаб мировой революции.

II конгресс Коминтерна особенно важен тем, что внес начала строгой организованности и дисциплины в ряды коммунистических партий различных стран. Без такой дисциплины Исполкому Коминтерна невозможно было-бы осуществлять действительное руководство отдельными партиями и III Интернационал из международной организации боевого действия неминуемо превратился-бы в безформенную рыхлую организацию, выносящую на многолюдных международных с'ездах пышные резолюции, но совершенно бессильную и распыленную лишь только заходит речь о том, чтобы перейти от слов к делу. Таков был II социалистический Интернационал, окончательно обанкротившийся и показавший полное свое бессилие в момент разразившейся в 1914 году империалистической войны.

Опыт разрешения Исполкомом Коминтерна внутренних трений и непорядков в отдельных коммунистических партиях Запада (напр. в германской—весною этого года и во французской—сравнительно недавно), а также и в РКП (случай с заявлением 21 члена бывш. рабочей оппозиции в апреле этого года) показывает, что этот центральный аппарат международного коммунистического движения пользуется огромнейшим авторитетом и тем самым вполне соответствует той ответственной задаче, какая на него возлагается историей.

На предстоящем IV конгрессе Коминтерна с докладом об итогах 5-ли лет пролетарской диктатуры и перспективах мировой революции выступит тов. Ленин.

Нет сомнений, что со свойственной ему ясностью он укажет на то, что в настоящее время мировое революционное движение пролетариата переживает известный период упадка. Менее всего это может или должно в какой бы то ни было мере смущать русских рабочих, которые за истекшие пять лет со времени

Октябрьского переворота неоднократно испытывали на себе превратности исторических судеб и которые отлично знают, ибо не раз убеждались в этом на практике, что старушка история ворожит в нашу пользу. Сколько раз уже положение рабоче-крестьянской власти казалось совершенно безвыходным и безнадежным—но каждый раз в конечном счете победа оказывалась на нашей стороне.

В ярком свете бросаемом вперед на исторические судьбы народов и классов мощным прожектором исторического материализма ясно видно, что окончательная победа международного пролетариата неминуема.

Пусть буржуазия отдельных стран делает попытку открыто (Венгрия, Италия) или скрыто (Англия, Германия) перейти в наступление. Пусть наши попытки создать единый рабочий фронт обороны против наступления буржуазии всех стран не удались, а привели пока лишь к усилению социал-предателей.

Вместе с великим вождем германских рабочих Ф. Лассалем мы скажем злорадствующим нашим врагам и малодушествующим нашим друзьям:

— «С высоких горных вершин науки раньше можно увидеть зарю нового дня, нежели снизу, в водовороте обыденной жизни.

«Наблюдали-ли вы когда-нибудь с высокой горы за восходом солнца?

«Пурпурная полоса кровавым цветом окрашивает край горизонта, возвещая наступление нового дня, туманы и облака всплывают, сгущаются и стремятся на встречу зари, затмевая на мгновение ее лучи. Но нет той силы на земле, которая смогла бы остановить медленный и величественный восход самого солнца, и час спустя, оно стоит на небесном своде, видимое всему миру, ярко сияя и согревая.

«То, что составляет один час в естественном зрелище смены каждого дня, есть одно или два десятилетия в еще более величественном зрелище всемирно-исторического восхода солнца *).

Это не значит, конечно, что подобно некоторым меньшевистским путанникам и ханжам мы из этой неминуемости «восхода солнца», из неизбежности развития и роста мировой революции мы можем сделать тот вывод, что революция эта все равно придет и разовьется, а потому наша роль сводится к нулю.

Опыт октябрьского переворота и пяти лет ожесточенной обороны нашей власти на внешнем и внутреннем, на военном и хозяйственном фронтах научили и не могли не научить нас тому, что только при крайнем напряжении всех сил и воли пролетарского класса и его коммунистического авангарда победа сама по себе исторически неизбежная реально давалась нам в руки.

Уроки октябрьского переворота усиленно изучаются нашими заграничными товарищами.

Рабочие Зап. Европы и Америки лучше многих русских товарищей понимают, что то стратегическое отступление, которое принуждены мы были проделать со времени X с'езда РКП в пределах наших советских республик, является прямым последствием медленного развития и наростания революции на Западе. Передовой российский авангард принужден равняться на отсталые кадры рабочих прочих стран.

Но точно также, как устами своего вождя—тов. Ленина—наша партия в свое время заявила, что это отступление (Н Э П) предпринято «всерьез, надолго, *но не навсегда*», точно также и рабочий класс Запада чувствует и сознает, что его отсталость в смысле революционных достижений лишь временная, что мировая революция—*перед новой волной*.

---

*) *Ф. Лассаль.* Программа работников. Изд. «Донск. Речи» 1905 г. стр. 48.

Л. Троцкий.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И IV КОНГРЕСС КОМИНТЕРНА.

— 4-й конгресс коммунистического Интернационала должен собраться в момент юбилейный для Советской власти—в пятилетие ее

Юбилей, конечно, дело чисто формальное, календарное, а события не располагаются по календарю. Пятилетие Советской власти не представляет какого-либо законченного исторического периода в истории, тем более в нашу революционную эпоху, когда все изменяется, течет и все еще далеко не находится в покое и не скоро найдет свои законченные формы. Тем не менее, вполне понятно стремленние каждого сознательного человека, тем более коммуниста, отдать себе отчет в том, что произошло, и проанализировать положение, которое создалось вот к этой календарной формальной дате, к пятилетнему юбилею Советской власти, и, стало быть, к 4-му конгресу Коминтерна.

Третьего дня мне пришлось быть в партийной ячейке завода бывш. Бромлей. Там один из товарищей, член ячейки, поставил вопрос: «в какой стране пролетарская революция была бы наиболее выгодна с точки зрения интересов коммунистов»? Подумавши немного, я ответил, что с этой отвлеченной точки зрения надо сказать, что наиболее выгодна была бы революция в Соединенных Штатах Северной Америки. Почему?—Вполне понятно. Это страна, наиболее независимая в хозяйственом смысле. У нее сельское хозяйство и промышленность в такой степени уравновешивают друг друга, что страна может, в случае, скажем, какой-нибудь бешеной блокады, вести вполне самостоятельное существование. Затем это страна—самая богатая, располагающая первой в мире индустриальной техникой, страна, имеющая в руках около половины, а, может быть, немного менее видимого золотого запаса.

Конечно, если бы пролетариат в этой стране взял в свои руки власть, то материальные основы, организационно-технические предпосылки для социалистического строительства у него были бы превосходны.

Вторая по очереди страна—Англия и Великобритания, а Россия—в этом порядке—оказалась бы если не в последней очереди (потому что есть Азия, есть Африка), то по крайней мере в пределах Европы она занимала бы одну из последних очередей. Но если мы возьмем положение, как оно сложилось сегодня, то мы должны сказать, что в Соединенных Штатах в этой сильнейшей, крупнейшей, решающей, руководящей капиталистической стране предпосылки политические, т. е. предпосылки, лежащие в плоскости создания планомерной партии классов, наименее подготовлены. История стала разматывать клубок революции с нашей страны, и за эти пять лет мы оказались вы-

нужденными проделывать работу социалистического строительства в наиболее отсталой в хозяйственном смысле стране, при сохранении смертельно нам враждебного капитала в странах капиталистических, несравненно экономически нас превосходящих.

Это основной факт, и из него проистекала страшная напряженность нашей гражданской войны.

Здесь, если мы захотим сделать наш основной вывод, мы должны будем с похвалою сказать о нашей партии, что она дала колоссальный пример пролетариату всех стран, как бороться за власть и как, овладевши ею, отстаивать эту власть при помощи мер самых твердых, где нужно, суровой, беспощадной диктатуры, не останавливаясь ни перед какими решительными, попирающими буржуазное лицемерие, мерами, раз дело идет о том, чтобы обеспечить за революционным пролетариатом государственную власть.

И по учебнику русской революции, который надо бы написать, будут учиться рабочие всех стран в течение ближайших лет. Делали ли мы ошибки или нет в гражданской войне (разумеется, их можно найти), в общем мы проделали наиболее классическую часть нашей революционной работы. В хозяйственной работе мы не раз говорили об ошибках, которые обусловили необходимость для нас отступлений и большого отступления, которое известно у нас под именем НЭП. Факт, что мы пошли с самого начала по известному пути вперед, потом отступили и ныне закрепляемся на известных позициях, чрезвычайно нарушает перспективу не только у наших врагов, но и у многих из наших друзей. Благожелательные нам корреспонденты и многие коммунисты, европейские и американские, первым вопросом ставят, как при поездке нашей делегации в Геную, так и теперь, что вот в Москве многое изменилось (а многие посещали Москву в 19 и 20 г.г.) и что теперь она стала слишком похожа на европейские и американские города, и где вообще гарантия того, что вы, русские коммунисты, остановитесь и развитие направите в сторону коммунизма, а не капитализма?.. Где гарантии? Общее впечатление такое при поверхностном наблюдении, как будто социалистические завоевания, сделанные в первый период—сейчас стихийно, автоматически куда-то уползают, рассыпаются, и не видно той силы, которая способна была бы их задержать.

— Можно повернуть конечно вопрос с другого конца и можно сказать так: забудем на минуту, что мы пошли по линии так называемого военного коммунизма и затем отступили на нынешнею позицию. Возьмем положение, как оно есть сегодня, и сравним с тем, что было 25-го октября или накануне 1917 г. Если нас иностранные наши благожелатели или коммунисты, европейские или американские, подвергнут допросу, то мы скажем: железные дороги, шахты, заводы, фабрики находились тогда в руках у частных собственников. Огромное пространство земли и недр земных находились в руках у частных собственников, теперь все железные дороги; подавляющее большинство, или во всяком случае все важнейшие заводы и фабрики; все ценнейшие недра земли находятся в руках государства, которое, в свою очередь, является собственностью рабочего класса, опирающегося на крестьянские массы. Это тот факт, который мы имеем перед собою в результате 5-ти лет. Было наступление и отступление, но вот итог: в результате 5-ти лет важнейшие средства промышленности и производства и значительная часть средств сельско-хозяйственного производства находятся в непосредственном ведении и управлении рабочего государства. Это есть основной факт. Но чем было вызвано отступление? Вопрос очень существенный, ибо сам

факт отступления нарушает перспективы. Как вы себе представляли порядок, ход национализации средств промышленности и организацию социализма? Во всех наших старых книжках наших учителей и наших собственных, мы всегда говорили и писали, что рабочий класс, овладев государственной властью, будет шаг за шагом национализировать, начиная с наиболее подготовленных средств производства и переводя их на социалистические основы. Остается ли это правило в силе до сего дня? Безусловно. Но на 4-м конгрессе, где будет обсуждаться вопрос о коммунистической программе, на вопрос, должен ли рабочий класс, который овладеет властью в Англии или во Франции, начать с того, чтобы разбить аппарат организаций технических средств торгового хозяйства и заменить их универсальным учетом,—мы скажем: нет. Рабочий класс должен овладеть методами буржуазного оборота, методами калькуляции, методами биржевого и банкового оборота и постепенно, в меру своих технических сил и подготовленности, переходить на плановые начала, Это есть основной урок, который мы должны снова преподать рабочим всего мира. Это есть важнейшее отличие пролетарской революции, которая произошла в России, от революции, какая будет, скажем, в Америке. Там, до завоевания власти, рабочему классу придется преодолеть колоссальнейшие трудности, но когда он овладеет властью, то давление тех фронтов, на которых нам пришлось бороться, будет меньше, потому что наша страна с мелкой буржуазией, с отсталым кулачеством пережила революцию по-другому, и наша революция обрушилась на буржуазию врасплох. Мы разоружили буржуазию не столько до 25 октября и в ночь с 25 на 26-ое, сколько в течение 3-х лет после 25 октября, когда буржуазия, помещики и офицерство расчухали в чем дело и при помощи европейского капитала начали с нами борьбу. В Европе мы имеем процесс, глубоко отличный от нашего, там подготовка и вооружение контрреволюционных банд происходит сейчас параллельно с подготовкой и закалом коммунистических партий к этой борьбе, и эта борьба будет гораздо напряженнее до их 25 октября. Не после, а до.

Социализм только тогда, разумеется, получит свое практическое, а не теоретическое оправдание, когда на единицу рабочей силы он даст большее количество продуктов для удовлетворения общественных потребностей. И тот факт, что Советская Россия является одной из самых бедных стран Европы,—о чем нам говорили французские представители в Генуе, повторяя в грубой и наглой форме, что нам нечего учить Европу, ибо Россия-де приведена в полное растройство,—что мы предпочли-бы за 5 лет Советской власти дать доказательство эмпирического характера, т.-е. показать Европе хозяйство более высокое, чем то, которое мы получили в 17 году. Этого нет, но это уже относится целиком за счет расходов самой революции. Ни одна из революций не совершалась без понижения хозяйственного уровня страны и буржуазно-консервативный историк французской революции Тэн констатирует, что через 8 лет после великой французской революции французский народ был беднее, чем накануне революции. Это есть факт.

Вот почему мы видим в нашей стране гораздо больше обломков капитализма, чем социалистического строительства. Мал масштаб,—вот то, что мы еще раз должны повторить на 4 конгрессе Коминтерна. Пять лет по отношению к задаче смены капитализма социализмом, задаче величайшего исторического размаха, когда социализм строился или делались попытки строить его в стране наиболее отсталой (тогда как великая французская революция развернулась в стране самой передовой на европейском континенте и стоявшей

выше всех остальных, кроме Англии, (отделенной проливом), не могла дать необходимых изменений в общественной жизни.

Вот, в общих грубых чертах те выводы, которые мы разовьем от имени нашей партии на 4-м конгрессе, там, где мы должны будем спросить наших европейских и американских товарищей и вместе с тем и самих себя:—как же обстоит положение с шансами развития европейской мировой революции, ибо совершенно очевидно, что темп нашего дальнейшего строительства будет в огромной степени зависеть от развития революции в Европе и Америке.

Распадается ли европейский и мировой капитализм, или же он обнаруживает жизнеспособность? В 1920 г. мировое хозяйство переживало ужасающий кризис, кризис, какого не знала история капитализма. Кризис этот начался весною 1920 года, овладел всей Европой, в первой половине 1921 года достиг невероятной глубины и остроты. Третий конгресс собрался именно в момент, когда кризис охватил весь мир, когда в Америке было 5—6 миллионов безработных, в Англии—около 2 миллионов и т. д. И вот у многих товарищей было представление, что это есть последний фатальный кризис, который будет разлагать капиталистическое хозяйство все больше и больше, и в результате этого кризиса вырастет пролетарская революция, гражданская война и завоевание власти. Отсюда, из такой психологии, и выросла тактика мартовских дней в Германии.

По этому вопросу у нас была идейная борьба не только с европейскими товарищами, но и в наших собственных рядах. А сейчас Коминтерн издает, в качестве официального документа для 4-го конгресса, экономический доклад тов. Варга, который весь построен на том, что перелом конъюнктуры произошел во второй половине 1921 года, а кончился в первой половине 1922 года.

На третьем конгрессе в центре внимания стояла германская партия с ее мартовской политикой, которая заставила Интернационал дать новые лозунги, установить новые вехи и заявить, что задача европейских коммунистов состоит не в том, чтобы сегодня или завтра завоевать власть, а чтоб завоевать большинство рабочего класса и тем создать политическую предпосылку для завоевания власти. Германская партия этот урок усвоила очень хорошо. Во Франции мы, политически, несомненно, отстали от Германии. Я говорю о самой коммунистической партии. Это выразилось в том, что французская коммунистическая партия, передовая часть рабочего класса, почти на днях, в прошлом месяце, повторила, хотя и в меньшем масштабе, мартовские ошибки германской партии. Вообще, товарищи, Интернационал прекрасная вещь. И обучение одной партии другой партией тоже вещь незаменимая. Но надо сказать, что каждый рабочий класс имеет тенденцию на своем собственном горбу проделать все ошибки. Интернационал может только оказать содействие в том смысле, чтобы на этом самом горбу осталось несколько меньше рубцов, но без рубцов дело обойтись никак не может.

Это мы наблюдали на днях во Франции, в портовом гор. Гавре, где конфедерация труда так-называемых унитарных, т.-е. революционных профсоюзов, находящаяся в тесных отношениях с коммунистической партией, призвала рабочий класс к всеобшей забастовке после расстрела трех рабочих-стачечников. Но никакой всеобщей стачки не вышло. Если в Германии в марте во всеобщей стачке (так-называемой) участвовала $^1/_4$, $^1/_5$ или $^1/_6$ часть рабочего класса, то во Франции во всеобщей стачке участвовала еще более мелкая дробь французского пролетариата. И если по французской печати просмотреть, как это дело было сделано, то приходится десять раз почесать за-

тылок, констатируя, как молоды и неопытны коммунистические партии Западной Европы.

На четвертом конгрессе мы будем иметь французскую партию в виде еще борящихся партий, приблизительно, то же, что мы имели на третьем конгрессе в лице германской коммунистической партии. Тогда, в прошлом году, Коминтерн сыграл крупную роль, поскольку ускорил восстановление единства партии и тем оказал величайшую услугу ее дееспособности. Я полагаю, что с запозданием, примерно, на пять четвертей французская коммунистическая партия проделает то, что проделала в марте германская коммунистическая партия.

В Италии дело стоит еще острее. В сентябре 1920 года от старой социалистической партии откололось коммунистическое крыло, приблизительно одна третья часть старой социалистической партии, а старая социалистическая партия, в составе тогдашнего центра и правого крыла продолжала существование. Под натиском буржуазии, которая передала исполнительную власть в руки фашистских банд, реформисты переходили все более и более направо и стремились войти в правительство. Это привело к расколу социалистической партии между правым крылом и между так-называемой группой Сератти. Партия Сератти заявила на своем конгрессе о присоединении к Коминтерну. Мы будем иметь на конгрессе две партии: нашу итальянскую коммунистическую партию и партию Сератти, который, проделавши большой круг, хочет ныне войти в Коммунистический Интернационал. Большинство этой партии, несомненно, стремится в него для подлинной революционной работы.

Еще несколько слов об Англии. Там коммунистическая партия является все еще успешно действующим агитационно-пропагандистским обществом, а не партией, которая непосредственно могла бы вести за собою массы. Но в Англии обстановка слагается или складывается в благоприятную для нас сторону за пределами самой коммунистической партии в рабочем классе в целом.

Сегодня получена телеграмма о том, что правительство Ллойд-Джорджа вышло в отставку. Это было единственное правительство старше нашего, а считалось, что мы являемся наименее устойчивым из всех правительств. Это любезный подарок Ллойд-Джорджа к нашему юбилею, чтобы нас не огорчать. Это, очевидно, означает новые выборы в Англии. Новые выборы означают борьбу трех основных группировок: это консерваторы, унионисты, независимые либералы, при чем не исключены шансы, что у власти окажется каолиция рабочей партии и независимых либералов.

Во Франции национальный блок, во главе с Пуанкаре, похож на политику Ллойд-Джорджа и ничем от него не отличается, хотя английский корреспондент Гарден говорил мне, что политика Ллойд-Джорджа от политики Пуанкаре отличается, как небо от земли. И в то время, как Ллойд-Джорж в России пользуется большою популярностью, Пуанкаре пользуется большой ненавистью. На это я ему ответил, что Ллойд-Джордж по праву оспаривает ненависть у Пуанкаре со стороны наших рабочих масс. Этим он до последней степени был изумлен и обещал об этом открытии сообщить в английской печати.

В двух главных странах Европы— Англии и Франции—сейчас происходит перемена режима, в Англии происходит, а во Франции подготовляется ликвидация режима, который вырос из войны и из победы, которую одержали эти страны. И внутренняя раскачка, величайшее расшатывание устойчивости государств, восстановленных или полувосстановленных после войны, происходит сейчас и открывает более широкие пер-

спективы для коммунистической партии.

Но, товарищи, это все положительные факты, которые мы учитываем, но из всего, что я говорил, вытекает, что мы стоим в Европе еще в периоде подготовки организации внутреннего пересмотра коммунистических партий, их закала и борьбы за влияние на рабочую массу. Это значит, что мы, Советская Республика, должны будем дать коммунистическим партиям Европы еще годик-два и три года для подготовительной работы к завоеванию власти, а эта подготовительная работа более трудна, чем у нас, потому что там враг более умелый и разумный, и мы наблюдаем во всех европейских странах создание контр-революционных банд—фашизма, того, чего у нас не было. Фашизм перестал быть явлением чисто итальянским. Фашизм распространяется во всех странах. В Германии—это Оргеш и банды, которые только меняют вывеску. Во Франции фашизм имеет вывеску роялизма. Во Франции есть партия роялистов, во главе которой стоит Леон Додэ, сын писателя Альфонса Додэ. Леон Додэ—это злобный гороховый шут, в роде нашего Пуришкевича.

И так во всех странах. Одно это уже дает некоторое представление о тех колоссальных трудностях, через которые придется проталкиваться коммунистическим партиям даже после того, как они завоюют большинство рабочего класса. Но они его еще не завоевали. Они его должны завоевать. Стало быть, мы стоим перед процессом абсолютно не безнадежным, но длительным.

Параллельно будет итти и величественный процесс нашего социалистического накопления, нашего социалистического строительства, и с этой точки зрения нам во всех отношениях нужно от бивуачного образа жизни переходить к устойчивому оседлому образу жизни, от работы наспех и кое-как переходить к систематической и методической работе. Нам нужно от нашей абсолютной универсальности переходить,—в чем я с тов. Бухариным вполне согласен,—к специализации, переходить к утончению знаний во всех областях и более всего бороться против того типа, который наша история за эти 5 лет создала—это тип на все способного, все знающего, со стороны глядящего и всем указывающего.

Я жил в эмиграции в Вене несколько лет и там есть такое слово, которого, кажется, ни на каком языке больше не найдешь—«кибиц». Запомните это слово—оно пригодится нам. Это слово обозначает человека, который, видя, что два человека играют в шахматы, обязательно подсядет,—и всегда он знает самый лучший ход; а если с ним сядешь играть, то он окажется профаном после первого же хода. И это, конечно, относится не только к шахматной игре, а к чему угодно—и к вопросам техники, мастерских и т. д., и т. д. Вот у нас эта болезнь «кибица» имеет очень большое распространение. И это, повторяю, вытекает из всей нашей обстановки. Нас бросают и туда, и сюда, и жнецом, и гребцом, и в дуду игрецом! Это бивуачное положение было терпимо, было неизбежно, но поскольку идет длительная работа восстановления хозяйства республики, постольку переход к планомерной работе играет колоссальную роль, и выдвигается огромной важности вопрос о воспроизводстве нашей собственной партии, о возрождении ее рядов, пополнении убыли за счет молодого поколения.

Это новое поколение, уже выросшее в рамках устойчивости советской власти, не мыслит себя иначе, чем советским, оно ищет руководства, оно группируется вокруг клуба, оно тяготеет к культуре—это поколение партия может целиком взять в свои руки.

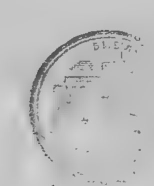
Это вовсе не для красного словца я говорю. Я говорю, что вопрос о воспитании молодежи является сейчас вопросом жизни и смерти для нашей партии.

На 4 конгрессе Коминтерна, где мы будем оценивать международную обстановку еще раз, где придется снова давать отсрочку европейской революции, мы скажем, что за эти полтора года, протекшие после 3-го конгресса, мы на своих ногах устояли и что мы устоим, во-первых, потому, что мы научились владеть государственной властью и маневрировать ею, а, во-вторых, потому, что мы научились и научаемся овладевать основным капиталом нашей партии.

Новой правительственной власти на европейском горизонте раньше, чем через некоторое, очень большое, число месяцев, или некоторое, хотя бы небольшое, число лет, не появится, и наша работа, конечно, будет протекать в лучшей обстановке, чем за прошлые пять лет, но все же мы не застрахованы от новых рецидивов капиталистического неистовства против нас, вплоть до восстановления фронтов. Сейчас обострение революционного давления в Европе может оказаться сигналом к новому удару по Советской России. Практика возникновения пролетарской власти в Германии,—а история все-таки, очевидно, будет разворачиваться из этого клубка, от России через Германию на запад,—поставила перед нами задачи, далеко выходящие за пределы нашего внутреннего строительства. Для этого нам необходимо обновление наших партийных кадров, создание могущественного резерва молодежи. И если мы повторим коммунистическим партиям: «вы, европейские коммунисты, прежде чем перед вами встанет ребром завоевание власти, уйдите в массы, учитесь исправлять свои ошибки, учитесь овладеть массами!»—то мы нашей собственной партии скажем: «перед нами молодая партия, которой мы должны овладеть, для удержания в своих руках Советской цитадели до тех пор, пока пролетарская революция овладеет Европой, а затем и всем миром».

С. Диманштейн.

О МЕЛКО-БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ.

В современных сложных условиях капиталистического мира не так легко определить, что это такое мелкобуржуазная партия? Каждая группировка мало мальски уважающая себя, считает своим долгом об'явить себя пролетарской. Каждое течение претендует быть выразителем идеологии рабочего класса, при том «в самом чистом виде», не стесняясь довольно часто злоупотреблять именем Маркса. Обычному участнику политической жизни, недостаточно искушенному во всяких махинациях, умеющему достаточно тонко отличать фразеологию от действительной позиции, проводимой в жизни, не так легко раскусить мелкобуржуазные партии и понять их сущность.

Во время резких кризисов, когда приходится выдвинуть наружу свою действительную физиономию, не прикрывая ее никакими фиговыми листками, когда фраза уступает место делу,—только в таких условиях можно разузнать, кто является на самом деле представителем пролетариата и кто—агентом буржуазии в пролетарской среде, служащим ей буфером между классами мешающим развитию классовой борьбы.

Таким хорошим реактивом, выявляющим самым выпуклым образом все внутреннее содержание мелкобуржуазных партий, явилась октябрьская революция.

Октябрьская революция имела в своей основе все особенности чисто-пролетарского рабочего движения; она покончила с тысячами предрасудков старого мира, которые были ему быть может не менее дороги, чем фактическая власть в руках правящих классов. Все, связанные интересами или идеологией (достаточно развитой) со старым миром, не могли принять Октябрьскую революцию, и вся их мелкобуржуазная сущность неприкрыто стала выявляться.

Разногласия, бывшие все время между нами и всеми остальными социалистическими партиями соц.-демокр. толка, главным образом, по вопросу о характере рабочего движения и революции, приняли после Октября характер борьбы двух сил. Теоретически вопрос шел о том, пойдет ли у нас движение реформистским путем, т. е. медленными победами над буржуазией с постоянными соглашениями с нею, или нам предстоит революционный путь, когда мы пройдемся грозой и бурей по спинам буржуазии, уничтожая власть капитала с об'явлением диктатуры пролетариата, который за собою поведет все колеблющиеся элементы и сменит сопротивление старых верхушек.

Мы всегда отрицали идеи, выдвигаемые народниками разных толков —Н. С., С. Р. и другими, о власти народа, понимая под этим термином диктатуру крестьянства. В существовавших капиталистических условиях с ярко выраженным классовым делением общества, промежуточный

элемент, вроде крестьянства—как бы оно ни было многочисленно—не способен на продолжительное руководство. Оно должно будет уступить свое место или вправо или влево, но скорее по своей мелко-собственнической природе—вправо.

Демократия в всемерном смысле этого слова отжила свой век одновременно с отживающим капиталистическим строем, который ее породил, и уступает свое место классовому демократизму, который ставит себе определенные революционные цели и к ним приспособляет всю свою тактику. Вся святость термина „народность" отошла на задний план и вместо нее выдвинута идея коммунистической революции, которая вполне соответствует интересам громадного большинства народных масс и сознанием которой они проникаются.

Эти принципиальные разногласия, существовавшие даже между нами, получили свою яркую иллюстрацию после февральской революции, когда буржуазия поняла, что большевики не дадут революции остановиться на февральском этапе и примут все меры, чтоб добиться пролетарской революции. Наша буржуазия на примере своих собратьев из европейских капиталистических стран поняла всю выгодность дела запряжки социалистов в свою буржуазную колесницу—лучших ломовых нигде не найдешь.

Мы имеем в течение всего этого периода настоящую каолицию социалистов с буржуазией. Мелкобуржуазные партии служили своим господам не за страх, а за совесть, понимая, что грядущая пролетарская революция ударит по ним не меньше, чем по их хозяевам—капиталистам, которым они прислуживают.

Перед Октябрьской революцией самым животрепещущим вопросом, волновавшим всех и каждого, была война. С одной и другой стороны взялись рьяно за эту проблемму, используя ее в своих интересах. Кто победит в массах по вопросу об отношении к войне—было довольно спорным вопросом, и игра шла ва-банк. В рабочей среде война была недостаточно популярна. Было без сомнения много патриотически настроенных рабочих, как среди организованных, так и неорганизованных, но к периоду Октябрьской революции за четыре года войны патриотизм значительно ослаб. Большим спорным вопросом было отношение крестьянства к войне.

Патриотизм—это одно из самых сильных чувств современного общества, подобно чувству национализма. Больше всего восприимчивы к патриотизму средние слои общества, мелкая буржуазия. Капиталисты по своей психологии и внутренним убеждениям являются интернационалистами. Им абсолютно безразлично, кого они эксплоатируют: русского или немца, белого или черного; и также безразлично, кто является покупателем их товара: желтый, ли, индус, абиссинец, или русский,—их интересует только прибыль. Интересы буржуазии заставляют ее показать себя патриотической, одевать национальный костюм и кричать на всех перекрестках о своей любви к родине, так как патриотизм дает ей власть над массами и облегчает в стократ дело эксплоатации своих же пролетариев и широких кругов потребителей.

Рабочий класс менее всего заражен патриотизмом, ибо его классовые интересы не ограничиваются рынком отечества так же, как капитал не ограничивает своих интересов национальной территорией.

Общность международных интересов пролетариата давно осознана, и только с большим трудом можно еще привить патриотизм в чистом виде, без всяких социалистических привесков. Зато для крестьянства, живущего своими мелко-собственническими интересами, связанными с землею, являющейся очень неудобной формой собственности, ибо она недвижима (при победе неприятеля крестьянин легко может быть оторванным от своей земли) — чувство патриотизма при

всяком появлении войны является естественным явлением. Искусственным образом это чувство раздувается до гигантских размеров, делающих людей способными на любое самопожертвование.

В эпоху подготовки Октябрьской революции все буржуазные и мелкобуржуазные партии пустили против нас клевету, что мы—немецкие шпионы и что наши руководители получают постоянно немецкие деньги на личные и партийные потребности. Дело было, понятно, не в шпионаже и немецких деньгах (хотя наши враги использовали и эту гнусность довольно широко), а в нашем отрицательном отношении к войне и в нашем требовании мира во что бы то ни стало.

Меньшевики и эс-эры полагали, что большинство крестьянства будет против нас в этом вопросе так же, как и вся буржуазия. Если им удастся на вопросе о войне отыграться и отделить крестьян от рабочих, то при первой открытой схватке они сумеют крестьянскими штыками подавить любое рабочее выступление. В руках буржуазии осталось только одно спасение: в разладе между рабочими и крестьянами, между городом и деревней, и ей казалось, что патриотизм сыграет большую роль и выручит ее из опасного положения.

Мелкобуржуазные партии, оказалось, ошиблись в своем расчете. Если патриотизм был силен в начале войны, и, возможно, в гуще деревни не был изжит и к октябрьским дням, то среди солдат, исколесивших всю Россию, побывавших во время походов и заграницей, разочаровавшихся в своем командном составе, уставших до изнеможения, начавших критически относиться к событиям революции,—лозунг мира, брошенный большевиками, встретил большое сочувствие. Если бы эс-эры и меньшевики оценили это явление во время, они понятно быстро превратились бы в сторонников мира. Возможно, что даже Антанта перед угрозою большевистской опасности разрешила бы им заключить сепаратный мир.

Весь успех Октябрьской революции заключался в слабости нашей буржуазии и недальновидности партий мелкой буржуазии, которые не сумели оценить события в настоящем их значении.

Ярче всего выясняется роль мелкобуржуазных партий в Октябрьской революции в вопросе о земле. Здесь они показали свою полную неспособность уловить пульс событий и быть во главе движущих сил революции. Буржуазия так сильно наложила на них свою лапу, что они стонали, стонали, но не осмелились выйти из повиновения и повести хоть свою собственную мелкобуржуазную линию соответствующую интересам тех слоев, интересы которых они выражали.

Когда слышишь сейчас горькие сетования Чернова на партию КД, которая не дала ему, селянскому министру, провести аграрные реформы, и больше того, даже невежливым пинком выставила его из министерства, оставляя там других членов его партии, лидером которой он был,—более приемлемых для буржуазии, становится ясной вся смехотворная и одновременно трагическая роль, которую играли мелкобуржуазные партии в нашей революции.

Всесильная партия С.-Р., имевшая свое большинство в Советах, проведшая блестяще свой первый Всероссийский крестьянский с'езд, имевшая большую прессу и очень многочисленную организацию, в самом важном вопросе своей программы, можно сказать, в единственном боевом—аграрном—спасовала перед г.г. Терещенко и Коноваловым и согласилась на карательную экспедицию против крестьян, разрешающих самостоятельно аграрный вопрос в духе программы с.-р., но не согласных ждать до того момента, когда Учредительное Собрание приложит свою печать к с.-р. аграрной программе.

Революционеры на словах и послушные буржуазии на деле—таков удел мелкобуржуазных партий. Если в мирное время это положение удается затушевать, то в революционное, при острых классовых схватках, этого никак не спрячешь.

Вопрос о власти Советов или коалиционного правительства показал это с еще большей наглядностью, открывая глаза и более отсталым массам.

Сущность мелкобуржуазных партий, не способных руководить левым и правым крылом общества, обнаружилась целиком к Октябрьской революции.

С государственной властью в России за период февраль—октябрь случилось что-то невиданное в истории всех революций. Обычно идет свалка между партиями при борьбе за власть, которые стараются овладеть ею самостоятельно в своих интересах, мы же были свидетелями такого явления, когда навязывали партиям власть, а они боролись всеми силами, чтоб от нее отделаться. Лозунг: «вся власть советам» был выдвинут, когда в советах господствовали С. Р. и меньшевики, а они боролись против этого лозунга. Очень популярный лозунг 1917 г.:—«Долой 10 министров капиталистов»—не выдвигал идеи перехода власти к большевикам, а к социалистическим партиям, соглашательский элемент в ктр. господствовал. Когда 3—4 июля грандиозная демонстрация подошла к Таврическому дворцу, она требовала от Церетелил, Гоца, Либера и К⁰, чтобы они об'явили себя единственной властью, без парти К-Д, в лице Всероссийского Исполнительного Комитета Советов. Традиции Питерского совета 1905 г., пытавшегося захватить власть, были живы в памяти рабочих столицы, но положение вещей в 1905 г. оказалось недостаточно благоприятным для этого. В 1917 же году рабочие были убеждены, что время настало, а беда только в том, что у лидеров, стоящих во главе совета, нет достаточной воли к власти, и демонстрация хотела свою волю навязать им.

Дряблость мелкобуржуазных партий в периоде октябрьской революции в вопросе о власти была обнаружена с чрезвычайной ясностью. Они знали хорошо, что они сами не способны управлять, потому что подавить сопротивление правого крыла (буржуазии) они не собирались, считая революцию буржуазной; они знали, что новая опасность грозит им слева, со стороны партии, которая опирается на те же общественные элементы, на которые и они рассчитывают. Выдвинуть же самостоятельно своего палача рабочих—Носке, они не были в состоянии, а без этого нельзя было управлять против воли рабочих—вот почему С.-Р-ы и меньшевики старались, чтобы не быть самим у власти, а остаться только придатком к буржуазии. Неоднократно мы предлагали этим партиям стать у власти вместе с нами, они даже не осмелились хоть на какой либо опыт в этом направлении, настолько они были целиком под влиянием буржуазии и их собственной мелкобуржуазной идеологии.

В самых крупных вопросах революции: война, земля и власть, мелкобуржуазные партии оказались на поводу у капиталистов и сделали Октябрьскую революцию неизбежной и победоносной. Второй с'езд Советов, происходивший в дни революции, уже имел большевистское большинство, так что победить нас демократическим партиям возможности уже не было, вопрос стал о насильственных мерах, к которым могли прибегнуть наши противники.

Первые шаги С.-Р-ов. и меньшевиков против Октябрьской революции показали как их бессилие, так и классовый характер, который резко уже наметился. В то время, когда все рабочие Питера и почти весь гарнизон оказались на стороне победившей революции, против нее можно было поднять только явно бур-

жуазные контр-революционные элементы. Этим не побрезговали сразу воспользоваться побежденные партии, и мы имели в Питере юнкерское восстание, организованное С.-Р-ами и меньшевиками. Юнкера—это буржуазные и помещичьи сынки, которые по природе своей враждебны всякому социализму, и руками этих контр-революционеров соглашатели пытались вернуть себе власть вопреки решению с'езда Советов, который должен был быть и для них обязательным, как для демократов. Надо вспомнить, что мы еще в то время не отказались от созыва Учредительного Собрания, и если бы наши враги не прибегали с первого момента нашей победы к грубой силе против нас, об'единяясь со всякими черносотенными генералами, они не подорвали бы так моральный авторитет Учредительного Собрания еще до его созыва, а своим поведением за это время они помогли нам разоблачить перед широкими массами, то учредительное собрание, которое они собою должны были представлять. Гражданская война была начата нашими врагами, порохом пахло везде, и учредительное собрание было дискредитировано до своего созыва тем, что все контр-революционные элементы грозили им нам, как своим орудием.

Атмосфера саботажа, охватившая почти поголовно всю интеллигенцию, была прелюдией к гражданской войне. В саботаже отразилась вся сущность борьбы классов того периода. Мелкобуржуазные партии не были достаточно сильны для активного сопротивления, на их стороне не были активные элементы в своей массе и им приходилось прибегать к пассивным методам борьбы до поры до времени. Нас этот саботаж значительно затруднял, но оказался более полезным, чем вредным. Прежде всего мы получили возможность сразу разрушить старый аппарат власти буржуазии без особых затруднений, избавляясь от тех неимоверных затруднений, которые мы имели бы, если бы все чиновники бюрократы остались на местах. Мы получили возможность сразу использовать все силы партии, годные к какой либо общественной и государственной работе, и ставили их на надлежащие места. Произошел естественный подбор служащих: все мало мальски пролетарски честные остались на местах и мы их сумели использовать и двинуть вперед. Самое важное, что мы выиграли от саботажа—то, что мы сумели самым наглядным образом дать массам урок классовой борьбы. Мы видим по примеру Европы, что не так легко массам усвоить себе ясное понимание класса. Работает инженер, техник и др. рядом с рабочим или низшие или высшие служащие учреждения, и кажется, что трудно провести классовую грань между ними; кажется, что вообще бывают люди хорошие или плохие и дело не в их материальном положении. При нашей Октябрьской пролетарской революции, когда нужна была особенная классовая четкость, без чего никак нельзя было оперировать, вспыхнувший саботаж, распространившийся довольно широко, показал всякому и каждому воочию, кто к какому классу принадлежит. При власти буржуазии все работали, а когда победил пролетариат, все элементы, близкие к буржуазии по своему состоянию или психологии, отказались работать. Кличка «саботажник» с точностью определила каждого и служила руководящим мерилом по отношению к каждому на первые годы революции.

Таким образом, тактика борьбы мелкобуржуазных партий с нами посредством саботажа оказалась нам полезной. Наши враги не расчитали как следует все последствия своих действий. Скрытый саботаж, к которому они стали прибегать впоследствии, оказался более вредным и опасным, чем массовый саботаж, первого периода. Банкротство мелкобуржуазных партий во время Октябрьской

революции было полным и безвозвратным, к этому вели все об'ективные условия, которые нам благоприятствовали.

Во всем последующем периоде революции были только мимолетные попытки самостоятельных выступлений мелкобуржуазных партий, как «комитет учредительного собрания», но они заранее были обречены на неудачу. Им осталось только быть придатком к настоящей контр-революции помещиков и капиталистов при Колчаке, Деникине, Юдениче, Врангеле и др. В этом положении соглашательских партий был залог нашей победы в гражданской войне.

В крестьянской России при слабо организованном и немногочисленном пролетариате была почва для мелкобуржуазной контр-революции, с условием при умелой тактике ее вождей. Гражданская война, обошедшая почти всю Россию, побывавшая в каждой деревне и селе, убедила лучше всех наших большевитских прокламаций, что под каким флагом контрреволюции не выступала бы, даже с левыми лозунгами (Кронштадтскими), за ними сзади идет помещик и капиталист.

В беспомощности мелко-буржуазных партий для самостоятельного руководства и управления, обнаружившейся в периоде Октябрьской революции, кроется причина нашей победы. Все дальнейшие события еще больше разложили соглашательские партии.

Захар Невский.

ОКТЯБРЬ и ПРОЛЕТАРСКАЯ КУЛЬТУРА.

Постановка вопроса.

Покойный публицист — рабочий Ф. Калинин следующим образом формулировал отношение пролетариата к вопросам воспитания, к вопросам искусства: «Мы, рабочие, не можем оставить воспитание народа во власти буржуазных методов; мы не должны в самый важный момент его жизни, когда формируется душа человека и часто остается таковой на всю жизнь, дать возможность подвергать ее влиянию нашего злейшего врага—буржуазии». Мы должны выработать свои социалистические приемы воспитания» (Ф. Калинин—«Пролетариат и творчество», стр. 8).

Этими словами рабочий публицист определяет значение воспитания в деле формирования сознания у подростающего поколения.

Сейчас это для всех ясно. Об этом никто не спорит. И так ставить вопрос, поднимать его заново казалось бы излишним, Но только так казалось бы. В самом деле мы видим обратное. На пятом году пролетарской революции вопросы пролетарского воспитания, пролетарской культуры, пролетарского творчества встают перед нами с новой силой во всей их широте.

В этом нас убеждают факты. Последняя Партийная Конференция выдвинула, как задачу дня, проблему идеологического воздействия на массы. Этим вопросом занята сейчас вся наша партия. В том, что эти вопросы стали злобой дня только сейчас, нет ничего странного, ибо вопросы идеологии, вопросы культуры в революции возникают всегда несколько позже, чем вопросы политики и экономики.

Сейчас, когда в результате пятилетней борьбы пролетариата мы имеем затишье на всех фронтах, когда мы перешли к мирному культурному строительству, когда с изменением курса экономической политики появились на арене пролетарского государства мелкобуржуазные и буржуазные элементы,— мы подошли вплотную к вопросам пролетарской культуры. Органы, ведающие вопросами просвещения, становятся об'ектом особенного внимания нашей партии. Вопросами просвещения и воспитания заняты и газеты и журналы. Этим вопросам в настоящее время уделяется гораздо больше внимания, нежели за все предыдущее время.

Так остро поставлен вопрос, ибо от его конкретного разрешения зависит дальнейшее поступательное развитие нашей революции.

Но мы не можем ограничиться голой постановкой вопроса; нам необходимо подойти к нему с точки зрения исторического анализа и перспективы пролетарского творчества.

Пересмотр культуры буржуазного мира.

Буржуазный мир, его мораль, философия, наука и искусство не могут быть побеждены одними пулеметами и пушками. Нельзя победить буржуазную культуру и буржуазный уклад жизни тем только, что мы отнимем у буржуазии ее политическое и экономическое господство. Победив на этих участках фронта, мы неминуемо должны развить наше наступление и одержать победу на участке духовной культуры. Мы должны, как заявлял Жан-Жорес:—«пересмотреть движение человеческой мысли. Надо взять все научное движение, дать его главнейшие результаты в руки пролетариату, этому классу, который хочет жить полной жизнью и осветить вселенную ярким светом, где лучи индивидуалистической мысли потонут в сияющей заре социальной жизни". Для этого есть материальные основания в самом существе освободительной борьбы рабочего класса.

Развивая эту мысль, мы должны сказать словами Плеханова «психология общества приспособляется к его экономии. Одни члены общества отстаивают старые порядки, это людизастоя. Другие.—те, которым не выгоден старый порядок,—стоят за поступательное движение; их психология видоизменяется в направлении тех отношений производства, которыми заменятся со временем старые отживающие экономические отношения». (Плеханов—«К развитию монистического взгляда на историю»). Вывод:—экономические отношения определяют собою психологию общественных классов,—должен быть нами распространен на вопросы культуры и воспитания. Следовательно, вопросы о пересмотре наследия старого, о пересмотре достижений человеческой мысли, их критический анализ не является абстракцией, но исходит из всего учения о строении общественных классов.

Характер буржуазной культуры.

Буржуазная культура проникнута ярким индивидуалистическим устремлением. Наука и искусство буржуазного мира имеют корни в тех экономических формах, какими характеризуется строй буржуазного государства. Частная собственность —вот ось, вокруг которой собирается все. Из форм признания «священности» частной собственности вытекает и мышление буржуазного идеолога. Защита частной собственности, вот лозунг буржуа: отсюда защита интересов личности, воспевание личности для идеологов личной морали, нравственности и пр. «Интересы целого оставлялись в тени или рассматривались, как средство для индивидуальных достижений (П. М. Керженцев: «К новой культуре», стр. 10).

«Каждый член этих сословий (высших), не возвысившийся раз навсегда над уровнем своего личного положения высоким пониманием общего состояния общества,—а вы знаете господа, что такие люди составляют редкое исключение,—стремится сохранить это положение, это стремление, составляющее его *личный интерес*, по необходимости ставит его в принципиально враждебное отношение к развитию народа, к распространению просвещения и науки, к успехам культуры, ко всем веяниям и победам исторической жизни... Такая жизнь необходимо ведет к издевательству над великим понятием идей, к глубокой нечувствительности и отвращению ко всему прекрасному и великому, к совершенной гибели в нас всех нравственных начал и к торжеству своекорыстных и животных страстей». (Ф. Лассаль: «Программа работников» стр. 32 и 33).

Фитишизм личности, поклонение личности, служение личности—вот чем характеризуется эпоха буржуазного мира, его культура. Великиео художники и писатели буржуазно-

государства брали тесный круг интересов собственника—буржуа. Они были заняты одною мыслью: как-бы наилучшим образом украсить этот круг интересов личности, они стремились разукрасить замкнутые жилища буржуазного индивидуалиста. Культура ушла в четыре стены буржуазного особняка». (П. М. Керженцев. «К новой культуре», стр. 9).

Четыре стены буржуазного особняка, вобравшие в себя всю культуру, были в то же время началом распада и разложения культуры. Эгоизм личности, его священные права на частную собственность, внесли анархичность в идеи.

Чистая наука, чистое искусство, богоискательство,конкурренция,антагонизм личностей — поглощают все внимание идеологов буржуазного мира. И это в свою очередь тонкими прослойками, вначале незаметно, но затем все сильнее, начинает опутывать, накладывать свою печать на все стороны человеческой жизни.

Оно проникает в среду пролетариата, сковывает его, порабощает революционный дух.

Таков облик и характер буржуазной культуры. Идеология авторитарности, идеология защиты личного интереса в ущерб задачам общества, узкое мещанство,—и отсюда—перенесение всех видов науки и искусства в тесный особняк индивидуалиста—буржуа.

Зависимость творчества от производственных отношений

Материальная культура влияет на культуру духовную, а, следовательно, и на творчество.

Но экономические особенности требуют от человека специализации. Каждый замыкается в свою специальность, превращается в маленький винтик грандиозной машины. Человек теряет представление о целом, он начинает не понимать соотношения частей всего общественного механизма, он делается узким, он, так сказать, еще больше идивидуализируется. (П. М. Керженцев: «К новой культуре», стр. 3).

Такая зависимость отдельных личностей от экономического состояния капиталистического общества делает людей односторонними и узкими. Люди, работающие в определенной отрасли науки,—искусства и техники менее всего знают рядом стоящего с ними человека, тем более работающего в иной специальности. Отсюда—печать раздробленности, отсюда малое развитие разносторонних личностей.

Если мы исходим из формулы, что материальные производственные силы общества влияют на сознание людей, то мы можем также заявить, что деятельность отдельного члена данной общественной группы в конечном счете зависит от производственного положения его группы. Но, благодаря анархичности буржуазного общества, мы можем часто наблюдать, как некоторые ученые и литераторы буржуазии, в своем стремлении к прогрессу вступают в противоречие со своею группою. Часто люди, любящие свое общество, свою группу, стремящиеся к ее благополучию, не могут найти отклика в среде тех, для которых они действуют. Это ярко сказывается в истории изобретений. Часто изобретатель умирает, не понятый людьми своей эпохи. Он своим изобретением чувствовал социальную потребность для своего общества, но консервативное общество его не почувствовало. Иллюстрацией к этому может служить судьба математика Дениса Папина. Он сделал попытку устроить паровую машину для промышленных целей. Встретив противодействие со всех сторон, он бросил свой аппарат и выстроил паровую лодку, на которой отправился в 1707 году в Англию по Фульде. Мудрое начальство города Мюндина запретило ему дальше ехать. Рыбаки разбили лодку. Но такие примеры—

это частности, доказывающие анархичность буржуазного общества. Они только подтверждают мысль, что экономическая структура общества, его производственная структура влияет на все творчество отдельного человека (пример—Эдиссон). Он техник, вся его жизнь—мысль о технике. Общество, по крайней мере класс, собственников хочет того-же, чего хочет он. Усовершенствование техники знаменует для капиталистов повышение прибыли. Социальные стремления Эдиссона есть стремления, возникшие в обществе, и благодаря их совмещению с устремлениями его класса—буржуазии—дали ему возможность сознательно работать над развитием своих способностей в области технических усовершенствований. *Таким образом, не творчество людей, не их идеи, не их изобретения делают общественные перевороты, а само творчество зависит от производственной структуры общества.*

Характер пролетарской культуры.

Как мы видели, буржуазный строй носит на себе печать авторитарности, печать анархичности. Эти свои особенности он вносит во все стороны человеческой жизни, он накладывает эту печать и на творчество своих идеологов. Все то, что связано с прибылью, все то, что связано с благополучием собственника, идеолог буржуазии приемлет; все то, что идет в разрез с этим, он отрицает.

Рабочий класс по природе своей чужд анархичности и в его природе доминирует чувство товарищества, чувство коллектива. В своей борьбе он защищает не личные мещанские интересы, а интересы класса в целом. И потому его культура, его мышление носит все следы коллективного содружества. Труд, товарищество, коллектив преобладают в культуре пролетарской. Ясно, что эти особенности прямо противоположны особенностям буржуазной культуры. Поэтому пролетариат, приступая к строительству своей культуры, должен тщательно пересмотреть оставшееся ему от буржуазии культурное наследство.

«Надо вновь пересмотреть движение человеческой мысли», так заявлял Жан Жорес. И это не было пустой фразой. Это был серьезный подход к вопросу духовного развития.

Мы должны начать наше самостоятельное пролетарское творчество. Мы не должны зависеть от старой буржуазной морали, от старой буржуазной культуры, где идеологи ее твердили каждому человеку, что он, человек, сам должен пробивать себе дорогу, добиваться лично своего счастья.

Пролетарская культура резко отличается от культуры буржуазной. «Культура пролетарская строится на основе не индивидуализма, а коммунизма. Это начало проникает в новую культуру во всех ее областях. В своей политической и экономической работе пролетариат не только исходит из интересов широких масс, но и всю свою работу совершает руками масс». (П. М. Керженцев: «К новой культуре»).

Критика буржуазного наследства.

Наше заявление о том, что мы не приемлем буржуазную культуру и тем более ее духовное наследство, не может быть понято дословно, как это хотят понимать противники пролетарской культуры. Мы не можем отрицать великого значения технических усовершенствований, мы не можем отказаться от тех достижений материальной культуры, которые могут служить на пользу человечества. Было бы смешно, если бы мы отказались от железной дороги, радио-телеграфа, от фабрик и заводов, доставшихся нам в наследство от буржуазии.

Но когда мы подходим к наследству в области духовной культуры,

когда мы подходим к наследству в области так называемых общественных наук, искусства и художественной литературы, то мы здесь должны подходить с классовой оценкой всего доставшегося нам наследства. Критический анализ, пересмотр движения человеческой мысли—это первый этап к развитию самостоятельного пролетарского творчества, пролетарской культуры. Пролетариат не может превращаться буржуазией и идеологами ее культуры в почтительного ученика, который боится задеть или потревожить тень Шекспира, Канта и др. Преодолевая буржуазное наследие путем критического анализа, пролетариат заостряет свое собственное оружие. Овладев оружием духовного господства буржуазии, которое было направлено на упрочение этого господства, пролетариат ее же оружием ее-же и поражает. В некоторых памятниках буржуазной литературы и искусства пролетариат может смело найти для себя необходимое. Но его нужно воспринять, как должное, нужно использовать для своей классовой пролетарской культуры. Иногда, как мы видим на примерах Гончарова, Шекспира, Шиллера и др. буржуазных литераторов, они независимо от своей воли и от своей ненависти к поступательному революционному движению, в своем творчестве давали яркую картину своей эпохи, своего класса. Толстой дал уничтожающую характеристику разложения буржуазного и феодального строя. А Толстой не был социалистом; напротив, Толстой был чужд всякого революционного настроения.

Мы должны ясно представить, что буржуазная культура захватила в свои лапы все проявления человеческого духа, что освобождение от ее гнета должно коснуться всех сторон жизни.

Можно сказать даже, что элементарная азбука, букварь и учебник арифметики в той или иной мере проводят взгляды, враждебные пролетариату, и вводят его в круг понятий, близких к умирающему прошлому. (П. М. Керженцев: «К новой культуре», стр. 25).

Таким образом, для нас ясно, что мы не можем просто принять наследство старой буржуазной духовной культуры. Мы должны критически проанализировать это прошлое, взять из него все ценное в классовых интересах пролетариата и одновременно строить свои приемы, строить свою культуру.

Заключение. Из нашего изложения мы видели, как духовная человеческая культура зависит от производственных отношений. Мы проследили условия развития буржуазной культуры. Мы видели, что в зависимости от анархичности капиталистического общества, анархична и его культура. Личный эгоизм, служение личности, защита интересов собственника—вот что доминировало в развитии буржуазной духовной культуры. Идеология буржуазного мира индивидуалистична.

В то же время мы видели, что всякие новые идеи, в том числе и технические изобретения, зависят от общественной структуры. Отдельные личности, желающие провести социальную реформу, внести некоторое улучшение своей же группы, нередко впадают в противоречие с устоями общества, с привычками и нравами, что ведет к отчуждению такого смелого человека от той общественной группы, ради которой он желал претворить в жизнь свою идею.

Наследство культуры прошлого, духовную культуру, мы не можем воспринять дословно. Мы констатировали, что духовная культура буржуазного мира индивидуалистична. И поэтому пролетариат, подходя к наследию духовной культуры буржуазного мира, подходя к его одолению, должен подойти критически, с точки зрения своих интересов.

Пролетарская культура в противоположность буржуазной имеет следы коллектива, товарищества. Про-

летарская культура идет самостоятельно своим путем. Наследство прошлого пролетариату нужно как оружие против самого старого мира.

Приступая сейчас к пересмотру этого буржуазного наследства и к строительству своей собственной пролетарской культуры, мы должны определенно заявить, что нигде в мире нет более благоприятных для этого условий, как в Советской России.

Это сделал Октябрь.

Октябрь—первый шаг, который сделал освобождающийся от пуржуазного политического гнета бролетариат.

Через пять лет мы говорим:

— пролатариату нужно сделать следующий шаг—освободиться от культурного гнета буржуазии, построить свою собственную культуру.

С. Кузнецов.

ВЫБОРНАЯ КАМПАНИЯ К ПЯТОЙ ГОДОВЩИНЕ.

Кампания выборов в Советы в этом году совпадает с пятой годовщиной Октября. Прослеживая год за годом, мы можем составить себе ясное представление об истории Советской власти.

Кампании 1917, 1918 и 1919 годов проходили под лозунгом непосредственной борьбы за Советы.

1920-й год и его предвыборная кампания проходили уже под знаком укрепления Советов.

В кампанию 1921 года основная задача—переход на хозяйственные рельсы.

И, наконец, настоящая кампания должна будет развернуться под лозунгом: «все внимание базе Советской власти—нашему хозяйству».

Кампании 1917, 1918 и 1919 годов были для нас тяжелы, но нужно совершенно определенно заявить, что они были несравненно легче кампании настоящего года. Тогда перед нами четко стояли задачи; никто не мог не видеть того, что Колчак, Деникин и Юденич несут с собой реставрацию и что с ними нужно бороться до конца. Под этим лозунгом и проводил предвыборную кампанию коммунист; особенно после провала «полномочного» учредительного собрания в Самаре и Уфе, возражать против этого слишком очевидного лозунга, нельзя было.

Что касается настоящей кампании, то проведение ее будет значительно труднее. Сейчас, когда видимая контр-революция, осязаемая каждым малосознательным рабочим и крестьянином, как бы миновала, когда стоит вопрос о борьбе и борьбе чрезвычайно упорной и длительной за организацию хозяйства, которая возможна только при подчинении индивидуальных и групповых интересов интересам производства данной отрасли промышленности и всего государственного хозяйства в целом, выборная кампания далеко не легкое дело. Убедить рабочего, что в настоящих условиях, скажем, та незначительная заработная плата, которую он получает, не является результатом нашего нежелания ее повысить, что этого требуют интересы рабочего класса в целом; воспитать, внедрить в сознание каждого рабочего ту мысль, что нужно уметь найти в себе еще терпение не на месяц и может быть не на год, терпение для того, чтобы свои собственные интересы, интересы своей голодной семьи не ставить выше интересов организации государственного хозяйства, задача трудная. И, конечно, сейчас коммунист оратор, убеждая рабочих не предъявлять невыполнимых для государства требований, наталкивается на агитацию меньшевика или эс-эра,

ратующего за интересы непосредственные сегодняшнего дня данной группы рабочих, формулирующего требование о необходимости повышения заработной платы. На первый взгляд рабочему может показаться, что в лице пред'являющем повышенное требование к предприятию, он имеет защитника своих интересов.

Тут именно нам нужно найти и привести те факты, которые доказывали бы рабочему, что пред'явление повышенного требования является актом, идущим в разрез с интересами рабочего класса. Пролетариат, как класс, заинтересован в том, чтобы промышленные предприятия, ограниченные чрезвычайно малым количеством средств, имеющие большие недостатки в основном капитале, страдающие от недостатка оборотных средств, от хронического перебоя в деле снабжения сырьем и топливом, от все еще не урегулированного денежного рынка, возможно быстро восстанавливались и всякое хоть сколько нибудь повышенное требование поведет к гибели данное предприятие. Рабочие массы, выставляя повышенные требования, таким образом подрывают свое собственное благополучие. Именно указывая на этот момент, мы должны доказать рабочим, что всякая лишняя копейка, вырванная из кассы предприятия, в настоящих условиях лишает его возможности дальнейшего развития; лишение же предприятия и всей промышленности дальнейшего развития грозит рабочему классу чрезвычайно большими последствиями. Наша выборная кампания 1922 года среди рабочих, фабрик и заводов должна быть направлена на раз'яснение положения и перспектив промышленности и всего государственного хозяйства. Нужно указать рабочим, что в этом году советские органы смогут вести положительную работу лишь при сосредоточении внимания всей рабочей массы на вопросах дальнейшего развития нашей промышленности и самого бережного отношения к имеющимся в промышленности средствам. Перевыборная кампания этого года по предприятиям должна быть кампанией за дальнейшее развитие и укрепление действующих предприятий, за устранение всего того, что не содействует, а мешает их развитию, за самое строгое и бережное отношение к интересам промышленности.

Наша предвыборная кампания этого года должна отличаться от кампании предшествующих лет,—на фабриках и заводах она должна проходить под лозунгом большего ознакомления рабочих масс с положением других отраслей хозяйства, и в первую очередь, сельского. Вместе с тем кампания должна проходить под лозунгом дальнейшего упорядочения такой стороны хозяйственной жизни, как городское хозяйство, в котором кровно заинтересованы рабочие массы. Война и революция значительно ухудшили материальное положение рабочего, жилищный кризис все больше и больше дает себя чувствовать рабочему. Борьба за ликвидацию жилищного вопроса должна быть задачей этого года работы. Рабочий должен будет сказать в эту перевыборную кампанию свое слово и это слово должно быть следующим. Давая простор коммерческой деятельности группе лиц, вызванных к жизни новой экономической политикой, не чиня им препятствий в их хозяйственной работе, рабочий класс должен будет указать этим элементам на необходимость освободить занимаемые ими помещения, принадлежащие рабочему государству, побудить их к постройке новых жилищ, хотя бы для себя, а занимаемые ими раньше передать рабочим. Это слово должно быть сказано, и это слово должно быть реализовано.

Говоря о необходимости знакомства рабочего с положением сельского хозяйства, нужно привести те убедительные факты, которые дока-

зали бы рабочим, что восстановление нашего хозяйства и нашей индустрии пойдет, как говорит тов. Ленин, «наравне с развитием сельского хозяйства». Сельское-же хозяйство подымется тем быстрее, чем крепче и более налаженным будет советский аппарат. Необходимо взять под свое руководство перевыборную кампанию в волостях, путем посылки от общих собраний рабочих заводов и фабрик своих делегатов в помощь губернскому и уездным исполкомам. Дело проведения перевыборной кампании в волости является делом первоочередной важности.

Рабочий класс и его представители, идя в минувшие перевыборные кампании на село, говорили там о необходимости помочь и поддержать Красную Армию теми материальными средствами, которыми была богата деревня. В эту перевыборную кампанию рабочий класс должен пойти в деревню для того, чтобы убедить широкие массы в необходимости требовать сейчас безперебойно действующего советского аппарата, могущего скорее справиться с делом восстановления сельского хозяйства и хозяйства в целом. Эта роль, роль руководителя в данной перевыборной кампании в селе, которую должен будет играть рабочий, представитель фабрики и завода, является чрезвычайно почетной и вместе с тем ответственной. От того, как мы организуем в этом году наш советский аппарат, какие элементы войдут в состав советского аппарата, зависит многое.

Перевыборная кампания на селе в этом году может быть проводима нами с большей четкостью. Наш хозяйственный лозунг, под которым мы будем проводить кампанию на селе, понятен для всей крестьянской массы; этот лозунг—восстановление сельского хозяйства, больше внимания своему собственному хозяйству, восстановление отдельных статей, которые были доходными в крестьянском хозяйстве.

Советская власть идет навстречу широким требованиям крестьянских масс в главном для нее вопросе,—в вопросе землепользования. Основной закон, изданный по вопросу о трудовом землепользовании, является гарантией прав трудового землепользователя, но нам нужно с большей ясностью и более выпукло сказать, что землепользование никогда не превратится в землевладение. Вместе с этим, землепользование обязывает трудового землепользователя перед государством. Эти обязательства каждым землепользователем должны быть выполнены.

Задача этой перевыборной кампании—воспитать в крестьянской массе необходимость выполнения всех распоряжений центра и местной власти. Чем больше мы укрепим Советскую власть, тем сильнее закрепим землю за трудовым землепользователем. Эту истину должен понять каждый крестьянин, а непонимающему мы в эту кампанию должны втолковать, должны будем поставить перед крестьянской массой губернии следующий вопрос:—без хозяина не может быть хозяйства. Этим хозяином в центре и на местах являются советские органы. Нужно сделать так, чтобы в советские органы в этом году крестьянами были посланы лучшие представители. Незаможная масса селянства, завоевавшая себе право на то, чтобы быть в волостном исполнительном комитете, долголетней и упорной борьбой с белогвардейщиной и бандитизмом, должна быть мобилизована для того, чтобы еще больше упрочить свое положение в Советах.

Проводя эту кампанию, нам нужно будет указать крестьянину, что выделение им лучших своих представителей в Советы является первым требованием Советской власти. Второе требование к крестьянской массе, незаможней массе, это обязательство поддержать выделенных ею представителей в Советы. Бандитизм изживает себя, он будет изжит тем быстрее, чем прочнее будет наш аппарат, чем

больше будет ему обеспечена со стороны крестьянства

Нам в эту перевыборную кампанию необходимо будет указать широким крестьянским массам на организующее действие правильного и своевременного выполнения крестьянами всех видов налогов. Крестьянское хозяйство в течение всего этого времени, времени слабого действия советских аппаратов, неправильно отправляло свои государственные обязанности; нужно сейчас сказать крестьянину, что неправильное функционирование советских аппаратов происходило потому; что этот аппарат не был обеспечен необходимой для него суммой средств. Крестьянское хозяйство и хозяйство вообще перестанет терпеть от этого только в том случае, если этот аппарат будет обеспечен необходимой для него суммой средств, своевременно поступающих от крестьянина, как основного налогоплательщика.

Все эти вопросы нам в настоящую перевыборную кампанию нужно поставить перед рабочим. Нам необходимо эту кампанию сделать кампанией за укрепление советского аппарата и его хозяйственной базы.

Это задача гораздо более трудная, чем предыдущие. Но достаточной порукой тому, что мы справимся с этой задачей, является пятый юбилей Октябрьской революции—матери Советской власти.

А. Лейканд.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ВОПРОСЫ ПРОФДВИЖЕНИЯ.

Октябрьская революция произвела в положении профессиональных союзов коренной перелом: из организаций у г н е т е н н о г о класса, боровшихся за улучшение экономического положения пролетариата в рамках капиталистического строя, профессиональные союзы стали одним из элементов классовой организации г о с п о д с т в у ю щ е г о класса, свергнувшего власть капитала и делающего первые шаги на пути к коммунизму.

Радикальное изменение классовой основы государственной власти внесло не менее радикальные изменения в тактику и в содержание работы профессиональных союзов и определило роль последних в системе советского государства—I-й и II-й Всероссийский С'езды профессиональных союзов сформулировали новую программу российского профдвижения.

Не защита против капиталистической эксплоатации, не борьба за грошевые «реформы» в рамках капиталистического государства, а утверждение диктатуры пролетариата, окончательная победа над контр-революцией, экспроприация средств производства и организация народного хозяйства на началах социализма—такова была программа профессионального движения, выдвинутая I-м Всероссийским С'ездом профессиональных союзов.

Задачи профессиональных союзов в этой постановке *совпадают* с задачами советской власти и политической партии пролетариата. Роль профессиональных союзов определена как роль одного из элементов общеклассовой пролетарской организации (партия, Советы, союзы), идущих *не только к одной цели, но, в общем и целом, действующих одними и теми же средствами* (диктатура рабочего класса, экономический разгром капитализма).

Резолюция I-го Всероссийского С'езда профсоюзов вбила, таким образом, осиновый кол в позицию «независимого профдвижения».

Новая программа профдвижения, сформулированная I-м Всероссийским с'ездом профсоюзов, настолько последовательно вытекала из политического положения, создавшегося после Октябрьской революции, что сторонникам «независимости» не оставалось ничего другого, как опровергнуть самые основы резолюции I-го С'езда, т. е. сделать попытку «опровергнуть» пролетарский характер Октябрьской революции и доказать, что пролетариат, как и до Октября, остается классом экономически и политически порабощенным, нуждающимся в особых организациях, отстаивающих

повседневные интересы рабочего класса против враждебных ему классов и государства.

Ряд с'ездов профессиональных союзов проходит под знаком ожесточенной борьбы вокруг лозунга «независимости профдвижения».

Но если на I-м Всероссийском с'езде союзов (начало 1918 г.), меньшевики еще могли отделываться от сути вопроса неистовой бранью против «захватчиков власти», «узурпаторов демократии» и т. д., а также злорадными предсказаниями «неминуемого краха» советской власти в течение «ближайщих недель» или даже часов, то на II с'езде союзов (январь 1919 г.), когда уже выявилось с полной наглядностью, что «советская бацилла» оказалась несравненно живучее, чем это казалось рыцарям легального меньшевитского образа, последние сделали попытку выступить с собственной оценкой задач и роли профсоюзов в условиях переходного периода от капитализма к социализму.

На I-м С'езде меньшевики ограничивались голым отрицанием происшедших изменений в классовом строении государства. Они просто *отвергали* наличие факта перехода государственной власти в руки пролетариата, изображая октябрьскую революцию как «солдатский бунт». Эта позиция была бита. И на II-ом с'езде союзов Мартов, со свойственной ему эквилибристикой, пытался уже определить роль союзов, как-бы отправляясь (конечно, лицемерно) от факта перехода власти в руки рабочего класса. И в докладе Мартова на II-м Всероссийском с'езде союзов особенно отчетливо проявилось существо оппортунистических представлений о задачах союзов не только в обстановке рабочей революции, но даже и в условиях капиталистического развития.

На II-м с'езде союзов Мартов взялся доказать три положения: первое, что рабочий класс, даже захватив власть, должен строить государство на основах демократии; второе, что в крестьянской России рабочий класс, даже при переходе власти в его руки, все-же вынужден будет считаться с мелкобуржуазным большинством населения и делать уступки крестьянству, и третье, что при завоевании власти пролетариатом, можно говорить лишь *о зависимости* рабочей власти перед рабочими организациями, но *не об отказе от независимости* рабочих организаций от рабочей власти. В этих трех положениях суть меньшевизма

Что касается первого положения, то на нем особенно останавливаться не приходится.—Через несколько месяцев после II-го с'езда союзов даже меньшевики, хотя и с болью в сердцах но все-же вынуждены были временно отойти от позиции «последовательной демократии» и частично примириться с теми диктаторскими методами, какие применила Советская власть в борьбе против буржуазно-дворянской контр революции (отказ от немедленного созыва Учредит. Собрания). Существеннее два следующих положения.—Прежде всего—о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства.—Из факта преобладания в стране крестьянства и неизбежности определенных уступок со стороны пролетариата по отношению к мелкобуржуазному большинству населения, Мартов делает вывод: «следовательно, рабочий класс не сумеет вести чисто классовую линию и поэтому должны сохранить независимость его классовые организации—профсоюзы». На первый взгляд—чисто классовая чуть-ли не «марксистская» позиция. А на деле это означает *отказ пролетариата от руководства крестьянством*, т. е. расчистку пути для буржуазии в целях овладения его крестьянством.—Путь «независимости союзов» в этой постановке (а другой постановки этого вопроса быть не может) таким образом, означает путь восстановления капитализма, путь отказа пролетариата от осуществления своей

важнейшей обще-политической задачи—руководства крестьянством,—замыкание профессиональных союзов в скорлупе мелких дел и интересов и, следовательно, как правильно отметила резолюция I-го с'езда профессиональных союзов, «*противопоставление экономически организованного пролетариата его классовой, политической диктатуре*».

Но по пути противопоставления экономических организаций пролетариата его политической организации меньшевики идут еще дальше,—Мартов говорит:—

«Как странно, в самом деле, что в социалистическом пролетарском государстве нам говорят, что рабочие организации не должны быть независимы. От кого независимы? От партии, держащей в руках государственную власть, они не должны быть независимы? Но мы, социалисты, не разделяющие новых истин российского коммунизма, мы ставим предварительно другой, более важный вопрос: должна ли быть государственная власть независима по отношению к рабочему классу и его организации?».

Здесь устами Мартова глаголет типичнейший оппортунист эпохи II Интернационала. Власть рабочего класса, возглавляемая партией пролетариата, в представлениях Мартова, должна быть подчинена беспартийным рабочим организациям. Авангард пролетариата — политическая партия—должен раствориться в беспартийной массе. Это уже прямые отзвуки старого спора о взаимоотношениях рабочей партии и союзов, спора между левой и оппортунистической частью международного рабочего движения в доoктябрьскую эпоху. Это уже не только противопоставление экономической и политической организаций пролетариата, но и прямое *признание профсоюзов основой движения рабочего класса* и *принижение значения рабочей партии*, об'единяющей наиболее сознательную часть рабочего класса, *принижение общеклассовых задач пролетариата до уровня цеховых интересов отдельных групп рабочего класса.*

И если меньшевики не могли понять единство основных задач политической и экономической организации пролетариата, то, естественно, что они не сумели уловить и того особого назначения, той особой роли союзов, какую они играют, как *школы коммунизма*, организующие самые отсталые слои рабочего класса и постепенно, на почве повседневной кропотливой работы, приобщающие их к пониманию исторических задач рабочего класса, а в условиях Советского государства, — приобщающие все новые и новые кадры рабочего класса к делу управления государством и народным хозяйством страны.

В течение пяти лет существования Советской власти наша партия вносила те или иные изменения в практическую программу профдвижения, выдвигая перед союзами на различных этапах борьбы различные практические задачи. В первый период революции перед союзами стояли задачи: борьба с контр-революцией и осуществление рабочего контроля над производством. Затем союзы постепенно переходили к делу организации производства на началах коммунизма. С переходом к новой экономической политике, партия поставила перед союзами задачу всестороннего обслуживания непосредственных материальных интересов широких рабочих масс. Но при всех переломах в работе профессиональных организаций в истории первого в мире Советского государства, существо работы союзов оставалось одним и тем же.

На всех этапах борьбы, профессиональное движение России сохраняло тесную, неразрывную связь с общеклассовой организацией пролетариата. *Единство всех видов классовой организации пролетариата, руководство профдвижения авангардом рабочего класса—коммунистической партией, активное уча-*

стие в строительстве народного хозяйства и советского государства—такова программа профдвижения, выдвинутая октябрьской революцией и превращающая профессиональные союзы на всех путях их развития в *подлинные школы коммунизма.*

В 1921 году в практической работе профдвижения произошел резкий перелом, вызвавший попытки возрождения идеологии „независимости". Наиболее опасны отзвуки идей „независимости", незаметно просачивающиеся в нашу собственную среду.—В докладе на V съезде профсоюзов т. Томский, как нельзя более уместно, отметил, что некоторые профработники представляют себе новый курс профдвижения, как возврат к старому дооктябрьскому курсу. „В этом представлении коренится целый ряд принципиальных и тактических ошибок",—заметил т. Томский.—А в основе этих ошибок лежит меньшевистское представление о непролетарской природе Советской Власти.—Отсюда попытки возрождения стремлений к отгорожению от общеклассовых задач в сторону цеховщины («мы, союзы, сами по себе, а государство, крестьянство—нас не касается»). Отсюда—неверные представления о взаимоотношениях союзов и партии.—Констатированная Всероссийской Партконференцией крайняя незначительность этих уклонов не должна, однако, ослабить нашей пристальной бдительности.

Враждебные нам группировки сделают еще не одну попытку дать бой революции на арене массовых рабочих организаций.—Необходимо поэтому четко помнить и знать круг основных идей меньшевизма о «независимости профдвижения»; необходимо зорко следить, чтобы в среду профсоюзов не просочились даже самые слабые испарения этого оппортунистического болота.

Н. Рабичев.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И КРАСНАЯ АРМИЯ.

«... Если новая революция вызовет к господству новый класс, то не даст ли она ему в руки новые военные средства и не создаст ли новую военную тактику, перед которой Наполеоновская будет такой же устарелой и бессильной, как перед Наполеоновской-тактика семилетней войны».

Ф. Энгельс.

Октябрьская революция разрушила старую царскую армию, но вместе с тем она же создала историческую необходимость организации Красной армии. Историческую необходимость не только в том смысле, что пришедший к власти класс *нуждался* в организованной вооруженной силе для защиты своих завоеваний, но и в том смысле, что революция создала и благоприятные условия для формирования такой вооруженной силы. Всякий, кто помнит эту эпоху, ярко представляет себе ту неудержимую силу разложения и развала, которая охватила старую армию: совершенно стихийная демобилизация, полнейшая невозможность сладить с подлежащими демобилизации солдатами, полнейшее отсутствие всяких сдерживающих центров в этой демобилизационной волне, запружавшей вокзалы, бравшей с бою поезда, угрожавшей смертью машинистам, с знаменитым лозунгом «крути Гаврила», и, что всего хуже, полнейшей невозможности помешать этой вольнице забирать с собой оружие и растаскивать драгоценнейшее военное имущество, —вот наиболее характерные черты этой эпохи. Усталость от войны в широких массах была столь сильна, что, казалось, нет решительно никакой возможности и надежды остановить развал Армии.

Однако, как это ни удивительно, такое чудо совершилось: через полгода после окончательного развала старой армии у нас были уже не только декреты и приказы, но и первые полки Красной армии: прошла первая мобилизация.

Как это могло случиться?

На-днях в одном из захолустных уездных городов Украины одного новобранца спросили—зачем он идет в Красную армию?

Он ответил: «Что-ж, уж коль затеяли Советскую власть, так и надо защищать ее».

Те самые миллионы солдат, которые разбегались из старой царской армии, разнесли по необ'ятной российской земле идеи и лозунги Советской власти. Эта Советская власть значила для многих и многих миллионов раскрепощение от ига буржуазии, помещика, урядника, означала конец чуждой империалистической войны. Эта Советская власть разрешила задачу, поставленную всем предыдущим историческим развитием,

задачу, которую не сумела разрешить революция 1905 года. И чем понятнее у миллионов трудящегося населения была революция 1905 года—чем больше раздражали трусливые фразы соглашателей в 1917 году, тем сильнее был порыв, тем вернее была готовность защищать и отстаивать победу Октябрьской революции.

Задолго до того дня, который мы считаем днем основания Красной армии—до издания первых декретов о формировании Красной армии—трудящиеся уже выдвинули из своей среды героические отряды Красной гвардии, и последние уже продолжали свою борьбу.

Формирование новой армии, первые шаги ее организованного строительства делались руками специалистов старой царской армии. Следовало ожидать, что она будет полным повторением старой царской армии: ведь, она строилась во многом по старым уставам. Многих из нас, если не удивляла, то во всяком случае заставляла задумываться удивительная надпись покойного пред. ВЦИК'а т. Свердлова на старом воинском уставе, из которого была выкинута относившаяся к царю часть,—остальное же осталось по прежнему. И несмотря на это—можно много спорить о том, создала-ли Красная армия свою особую «военную доктрину» или нет, можно спорить, возможна ли и нужна ли «доктрина» вообще, — но совершенно несомненно, что Красная армия—это новая армия, армия Октябрьской революции, армия пролетариата.

«Эмансипация пролетариата также будет иметь свое военное выражение и создаст новый метод ведения войны»—говорил Энгельс.

На какой основе вырастет этот новый метод ведения войны? Этот новый метод может прийти на смену методам предшествовавшего исторического периода лишь на основе роста производительных сил, развившейся промышленности, на основе переворота в последней.

С этой точки зрения можно было бы предполагать, что зародыши новой армии следует искать не у нас, а в Западной Европе, скажем, во все усиливающей свое вооружение Франции. Однако, это не так. Новая армия, ее сущность и содержание будут определяться, как определяется у нас в России, задачами, стоящими перед диктатурой пролетариата в переходную эпоху. Разумеется, технический уровень этой армии, а отсюда тактика ее и ее стратегия, не могут не соответствовать существующим в производстве техническим условиям, а тем паче при отсталых производительных силах. Новая армия, конечно, широчайшим образом использовывает современное ей состояние производительных сил, науки, техники, но основное в этой новой армии, ее сущность, определяется той революцией в общественных отношениях, результатом которой является и сама диктатура пролетариата.

Для формирования всякой новой, высшей по своему уровню во всех отношениях, и, прежде всего, в военном отношении, армии необходим повышенный уровень рядовых бойцов этой армии. Этот повышенный уровень может быть дан при двух условиях: увеличении роли городского фабричного пролетариата в армии и освобождении пролетариата и крестьянства от буржуазного, помещичьего и политического гнета. Наша революция в этом отношении сделала чрезвычайно много. Вся масса трудящихся классов в нашей республике за время революции выросла на целую голову. В одном из рассказов, кажется, Пильняка, автор говорит, что у нас народился в деревнях и селах—вообще в Республике—целый слой, который «энергично фукцирует». В выговоре этих слов у них не все благополучно, но «фукцируют» они действительно «энергично», проявляя большое уменье управления и организации. Наша Красная армия счастлива именно тем, что именно громадный слой та-

ких трудящихся очутился в ее рядях, что основная масса таких трудящихся, разбуженных и поднятых на целую голову революцией, очутилась в ее рядах.

«...Далеко будут отстоять начальные попытки нового ведения войны ожидающейся революции (пролетарской—Н. Р.) от военной тактики эмансипировавшегося пролетариата» писал Энгельс*).

Нет ничего удивительного, что теперь еще приходится (и с весьма большим основанием) спорить о том, создал ли российский пролетариат уже новую тактику и стратегию. Но несомненно, что один из основных элементов, если не самый основной, для этого на-лицо: пролетарская революция и связанная с ней эмансипация пролетариата и крестьянства значительно возвысят культурный и политический уровень масс.

Конкретная историческая обстановка заставила нас использовать для руководства по строительному искусству армии старые уставы, выкидывая из них на первое время лишь титулование царя и его присных. Мы не боялись после этой весьма поверхностной операции на старом воинском уставе ставить утвердительный гриф председателя ВЦИК'а и секретаря нашей партии тов. Свердлова: И мы хорошо сделали, что не побоялись этого. Как это ни странно, несмотря на то, что мы, строя армию, по словам т. Троцкого—несомненно ближе всех знающего этот период—«были в этом строительстве грубыми эмпириками, не исходившими ни из каких отвлеченных предпосылок, избегавших дедукций»,—новая армия, тем не менее, оказалась действительно новой.

Тот факт, что мы строили без надуманности и нарочитости, без предвзятых отвлеченных положений о необходимости строить что-то новое, а, наоборот, действовали «грубо эмпирически», пользуясь старыми уставами—ничего не меняет в этом положении. Ни одна новая высшая форма, ни одно историческое явление не появляются в результате такой сознательной дедукции. Всякое «разумное и действительное», в диалектическом смысле, историческое явление вырастает из предыдущего развития, становясь необходимым и неизбежным для данной эпохи. Массовая тактика Наполеона, сделавшая переворот в военном деле (как и тактика Фридриха в свое время, в ее эпоху), были найдены эмпирически деятельными всех времен.

«В битве при Жемание, Дюмурье победил тем, что полуинстинктивно применил против австрийской системы кордонов и бесконечно длинных фронтов массовый удар...»—рассказывает Энгельс и далее об'ясняет, что вызвало этот маневр:—оказывается чрезвычайно «эмпирические» обстоятельства—«она (массовая тактика—Н. Р.) родилась из тяжелого положения французской армии, нуждавшейся в численном превосходстве, чтобы иметь доверие к своим силам. Масса должна была заменить дисциплину». Вот из каких прозаических вещей она фактически родилась. Но переворот, произведенный массовой тактикой, в военном деле имел величайшие исторические последствия в наполеоновских походах.

Мы также начали эмпирически строить армию. Также эмпирически мы развиваемся. Мы перенимаем и будем перенимать у наших врагов все достижения техники и даже тактики. Армия пролетариата должна быть на уровне трудовой техники. В этом отношении нынешние буржуазные армии впереди нас. И, если сейчас, в нынешний момент, начальные попытки пролетариата далеко еще отстоят от военной тактики эмансипировавшегося пролетариата», если, может быть, впереди нас ока-

*) «Перспективы войны Франции против Священного Союза». Стр. 13, изд. «Наша Мысль». Харьков 1919 г.

жется пролетариат какой-нибудь западно-европейской страны, восставшей в свою очередь против капитала, то несомненно основные условия для создания пролетарского военного искусства нашей Красной армии налицо. Наши победы над многочисленными врагами, превосходившими нас и своей подготовкой, и снаряжением, и вооружением, и снабжением—тому доказательство.

Постоянная армия, обычно, не только колючей проволокой, окружающей казарму, оторвана от всего населения своей страны. Всем своим внутренним укладом, своим духом, она отрезана от всего населения. А между тем Красная армия в течении всей своей борьбы проделала гигантскую созидательную работу и в области культурной и в области политической. Наши завоевания, наши освобождения от неприятеля отдельных мест приносили с собой не только смену режима, но и новые идеи, новый характер власти, поднимали к последней новые слои населения. Больше того, гражданский аппарат повсюду—это общее правило—не поспевал за Красной армией и во всех освобожденных местах именно Красная армия проделывала основную первоначальную организационную и политическую работу. В этом смысле, Красная армия действительно армия Октябрьской революции. Красная армия оказалась не только военной, но и политической и культурной силой. На Правобережьи Украины это сказалось особенно ярко. Правда, мы отдали Красной армии лучшие силы, которыми наша партия обладала. Но партия получила их обратно с несомненной лихвой, значительно выросшими во всех отношениях. Если не говорить о самом красноармейском составе Красной армии, то могут ли у кого бы то ни было быть сомнения относительно того, что красноармеец вернулся и возвращается из Красной армии в деревню грамотным и в общеобразовательном смысле этого слова, и в санитарном, и в политическом. Армия, эта наиболее отчужденная от всей массы населения во всех странах организация, у нас—могущественная политическая и культурная сила и школа.

Шефство началось у нас недавно. Лишь в течение последних месяцев шефство развернулось достаточно широко. Далеко не все еще на этом пути сделано. Но уже сейчас явственно начинает чувствоваться не только материальная, но и политическая роль этого начинания. Тот факт, что это начинание быстро привилось, колоссальная спайка, которую она дает между населением, пролетариатом, заводом, органами Советской власти и воинскими частями, имеет колоссальное значение.

Мы отказались «эмпирически» от милиционной системы, но нынешняя наша армия сохраняет и развивает у себя лучшие и важнейшие стороны этой системы. У нас нет еще достаточного развития производительных сил, на основе которых могла бы произойти революция стратегии и тактики Красной армии в ее методах ведения войны. Но основное содержание этой армии у нас налицо.

Не приходится говорить о том, что Комсомол, политруки и, вообще, политсостав были проводниками внутри армии всего того, чем наша армия отличается от армии старой. Это бесспорно. Попытки подражать нам в этой работе были у наших врагов, с которыми мы скрещивали оружие в эти тяжелые годы—у деникинцев, поляков; даже в западно-европейских армиях прекрасно поставлено дело идеологического одурманивания солдат. Но все эти попытки, как возникшие под нашим влиянием, так и попытки совершенно самостоятельные ввести новый «род оружия»—агитацию—не достигают того успеха, которого достигают работой, проводимой нашим политическим аппаратом.

Там, у врагов, решающий момент—техника агитации, имеющая целью одурманивать; решающий момент в нашей агитации—раз'яснить технически отсталой, в сравнении с западно-европейской армией, глубокую внутреннюю «правду-истину» и «правду-справедливость» нового класса, освобождение которого означает освобождение всего человечества. Этого перенять нельзя никакому врагу.

Я не буду говорить об отдельных фронтах и отдельных победах рабоче-крестьянской Красной армии. Эти изумительные победы доказывают то, что говорилось выше. Мы побеждали врагов, гораздо лучше нас подготовленных, обученных, снабженных, снаряженных. И мы, оборванные, босые, голодные смогли это сделать только потому, что мы действительно делали дело миллионов трудящихся нашей страны, что мы, будучи по форме постоянной регулярной, немилиционной армией, были в то же время армией Октябрьской революции, армией, по сущности своей отличной от противостоявших нам армий.

Мы смогли это сделать потому, что мы были Красной армией.

М. Красавин.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ и КСМУ.

Тяжелое экономическое положение рабочей молодежи, при жесточайшей эксплоатации 12-ти, а подчас и 14 час. раб. дня в царской России, подавление реакционным правительством всяких попыток организации рабочих масс, услужливо насажденные для разврата рабочей молодежи кабаки, биллиарды, дома терпимости, печатание в громадном количестве специально для молодежи «Нат-Пинкертонов, Шерлок-Холмсов»,—все это способствовало затемнению рабочей молодежи, отклонению ее от настоящих задач. Поэтому в момент разгула деспотизма говорить о какой либо организации рабочей молодежи не приходилось, все попытки к об'единению ее беспощадно разбивались, руководители загонялись в тюрьмы.

Рабочие подростки входили в социал-демократические группы взрослых рабочих, принимая там живейшее участие в работе.

Февральская революция создала широкие возможности организации для рабочей молодежи.

Рабочая молодежь принимала живое участие в свержении царизма.

Началась полоса об'единения рабочей молодежи в свои союзы.

Но февральская революция мало улучшила положение рабочей молодежи: попрежнему, благодаря полумерам временного и каолиционного правительств, рабочая молодежь эксплоатировалась, школы были попрежнему в руках привиллегированных групп молодежи, «маменькиных сынков». Для «кухаркиных» детей, для детей бедноты—они достаточно широко открыты не были.

Рабочая молодежь организуясь начала пред'являть свои требования соглашательским правительствам, откалываться от меньшевиков—переходя на сторону выдвинувшей жизненные лозунги партии большевиков.

Первой ласточкой, первой искрой к Октябрю была демонстрация рабочей молодежи Москвы за 10 дней до Октябрьского переворота.

Руководимая нашим союзом, насчитывающим тогда 200 человек, рабочая молодежь всех районов Москвы с красными знаменами в количестве 500 чел. двинулась на Красную площадь. На знаменах реяли надписи: „Долой войну, затеянную капиталистами“, «Трепещите тираны», «юный пролетариат восстал против войны», „Миру дряхлому ли спорить с нами юными? Вперед!“.

Демонстрацию „хвостиков“ (так называли молодежь—партийцы) охраняли рабочие большевики, боясь, как бы соглашательское правительство не расправилось с демонстрацией.

Демонстранты на просьбы представителей правительства разойтись отвечали свистом, бурно, радостно приветствуя представителей большевиков, выступавших на демонстрации. Эта демонстрация придала бодрость руководителям союза и нашей партии.

За несколько дней до Октябрьской революции, когда в среде нашей партии были колебания, не было еще достаточной уверенности в успехе надвигавшегося переворота, рабочая молодежь, обсуждавшая этот вопрос, ежедневно приходила „подгонять" старших. Красноречивей всего говорит об этом резолюция, вынесенная на Красной Пресне.

„Если Р.С.Д.Р.П. (большевиков) не поведет в бой рабочую массу, то рабочая молодежь перестанет считать партию б-ков своей руководительницей, заклеймит ее позором и проклятием и сама возьмет на себя руководство выступлением. На улицу, к оружию, на баррикады!".

Эта резолюция отражала настроение всей рабочей молодежи. Горячим сердцем и горячим подчас рассудком она сказала: „выступайте,— мы будем с вами!".

Через несколько дней—Октябрьский переворот. Молодежь в нем принимает самое активное участие.

Кто лучше „хвостиков" через цепи противников проскользнет, чтобы отдать в тот или иной район какие либо секретные сведения, кто лучше всего выполнит поручения и наладит связь?—сомнений быть не может.—„Маленькие вертлявые хвостики"—рабочая молодежь.

Октябрьская революция открывает новый этап движения рабочей молодежи. Советская власть с первых же дней своего существования установили 4-х и 6-ти часовый рабочий день для молодежи, бесплатную школу, дала полную возможность просвещения и об'единения молодежи.

Наши союзы стали крепнуть, охватывая десятки тысяч рабочей молодежи.

В республике неспокойно: контрреволюционное выступление. Рабочая молодежь заполняет красную гвардию.

Во все тяжелые полосы жизни нашей республики рабочая и крестьянская молодежь, руководимая нашим союзом, грудью отстаивала первую в мире республику советов.

В самые трудные минуты, когда казалось вот, вот погибнет Советская Республика, когда Деникин завладел Украиной, двинулся по направлению к красной Москве—сердцу революции, когда Колчак наступал с Сибири, Юденич был под Питорем, внутри республики контр-революция устраивала заговоры, Всероссийский с'езд нашего Союза постановил мобилизовать всех членов Комсомола от 16-ти летнего возраста для защиты республики.

Еще несколько моментов: когда ясновельможное панство об'явило нам войну, а черный барон Врангель, вылезая из Крымской берлоги, протянул свою лапу к Донбассу—наш союз об'явил «неделю Красного добровольчества молодежи». Тысячи юных пролетариев, горящие огнем ненависти к белым, по нашему зову влились в ряды Красной Армии, способствуя ее победам.

За 5 лет мы выковывали из своей среды не одну тысячу красных командиров, комиссаров и стальных бойцов. Наш союз активно защищал завоевания Октября, помогая партии, вливая в ее ряды для занятия ответственных постов тысячи стойких, прошедших боевую закалку комсомольцев.

Октябрь — это могучий вихрь; наш союз—это ветер, усиливающий вихрь.

В общем, подводя итоги работ нашего союза за период октябрьской революции—мы может констатировать наше активнейшее участие во всей борьбе и строительстве советской республики. Мы сумели охватить всю рабочую и беднейшую крестьянскую молодежь, об'единив в союзе 400 тыс. человек.

Пятая годовщина застает нас в мирных условиях и выдвигает на очередь целый ряд очередных, важных задач, которые должны способ-

ствовать нашему укреплению и укреплению завоеваний Октября.

Основной вопрос в международном масштабе—это наступление капитала на рабочий класс и усиление эксплоатации рабочей молодежи, ему мы должны противопоставить наш единый фронт, нашу международную солидарность. Подобно тому, как «желтые» 2-ой и 2½ Интернационалы взрослых срывают дело единого фронта, их детеныши—Интернационалы молодежи, желтый и венский по их указке срывают дело единого фронта молодежи. Наша задача чрез их головы создать единый фронт из низов, из самой рабочей молодежи, закрепив уже наметившуюся солидарность на демонстрациях в Международный Юношеский день. Углубить и укрепить ее в 5 годовщину Октября.

Вторая важная политическая задача—завоевание молодежи. Противопоставление Петлюровско - Гайдамацко-Гетманским настроениям — наших, привитие нашей идеологии в умы молодежи.

Развенчивание идеологии бандитизма, «селянского Нат-Пинкертона», национальной — романтики, мыслей про славное «минулое». Создание нашего красного идеала, привитие нового образа героизма нашего красного червонца — такова задача к 5-й годовщине Октября.

Тов. Зиновьев дал лозунг «Комсомол, выходи за околицу городов, охватывай селянскую молодежь, разбивай ее темноту, вырывай ее из влияния Петлюровско-Гайдамацкого». Мы этот лозунг проводили недостаточно успешно в силу военных, бандитских фронтов, фронтов голода, нищеты и разрухи. Сейчас при Нэп'е эта задача стоит перед нами во всей ее широте, она должна быть основной.

Каждый комсомолец и рабочий подросток инстинктивно подчас об'ят ненавистью к НЭП, надо раз'яснить значение НЭП'а. С другой стороны, НЭП услужливо представляет молодежи кафе, биллиарды, проституцию, литературу развращающую его, прежние прелести, которые с НЭП'ом воскресли.

Наша задача—передать ей наше настроение, сделать наш клуб, наш союз, нашу литературу родными ей.

Задача важная и длительная, которую нужно оттенить, как никогда в 5 годовщину Октября.

И еще одно, чего наш союз никогда не должен забывать—буржуазия задыхается в своих противоречиях,—умирающая змея всегда напрягает усилия, чтоб как можно больней ужалить. Наш союз, как никогда, должен быть крепким, сплоченным, сохраняющим свою боеспособность—дабы в любой момент по зову республики стать в первые ряды бойцов и ответить: «мы здесь».

Я. Кравченко.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ и ЖЕНЩИНА—РАБОТНИЦА.

Задолго до Октябрьской Революции появляется женщина—работница в истории революционного движения.

Бок о бок с рабочими шла она на протяжении всей многолетней борьбы рабочего класса за свое экономическое и политическое освобождение.

Бодро выносит работница все экономические стачки в последующие долгие годы борьбы, а в 1905-м году женщину работницу можно было видеть на баррикадах.

С этого времени наблюдается самое широкое участие работницы в революционном движении.

Не мало женщин—работниц с победой реакции пошло и в тюрьмы и на каторгу, не мало их работало в подпольи.

В 1913-14 годах, когда казалось не было просвета в темной реакции, работница сумела выступлениями своими ознаменовать международный женский день и, наконец, в 1917-м году 25-го Февраля (8-го Марта) накануне падения царского трона, женщины Петербурга прекратили работы и вышли на улицу с революционными лозунгами, требовавшими прекращения мировой бойни.

Великий Октябрь победоносно завершил дело борьбы рабочего класса России за свое политическое освобождение, и женщине—работнице открылись великие возможности.

Мы видим, какими гигантскими шагами она идет вперед в своем политическом сознании и развитии: работница крепко и мудро держит власть в Советах, она с беззаветной преданностью борется и падает, как в схватках гражданской войны, так и в борьбе с бандитами. Мы видим женщину—работницу, как сознательного члена Компартии, строящей Великий III Интернационал. Видим ее и в борьбе с хозяйственной разрухой, и на продовольственном фронте, и в героической борьбе с голодом.

Великий Октябрь разбил раз навсегда цепи, сковывавшие женщину крестьянку.

Политический гнет сброшен.

Экономический путь найден.

Не сброшено еще с плеч работницы и крестьянки проклятое наследие царской опеки—невежество. *Образование самое широкое и полное работнице и крестьянке*—вот лозунг, который в 5-ую годовщину Октябрьской Революции надо прочно укрепить на нашем знамени.

Только тогда мы будем спокойны за судьбы Революции, когда на всех ее командующих высотах будут сами рабочие и работницы, вооруженные до зубов не только винтовкой и пулеметом, но и глубоким образованием и специальными знаниями.

ВЕЧЕР ВОСПОМИНАНИЙ.

17 СЕНТЯБРЯ 1922 г. ИСТПАРТОМ ХАРЬКОВСКОГО ГУБКОМА БЫЛ УСТРОЕН «ВЕЧЕР ВОСПОМИНАНИЙ». БЫЛИ ПРИГЛАШЕНЫ СТАРЫЕ ПАРТИЙНЫЕ РАБОТНИКИ—УЧАСТНИКИ ОКТЯБРЬСКОГО ПЕРЕВОРОТА В ХАРЬКОВЕ.

ВОСПОМИНАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ТОВАРИЩЕЙ МЫ НИЖЕ ПОМЕЩАЕМ.

ци
в

на
бо
но
бо

эк
щ
го
бы

са
в

бе
на
по

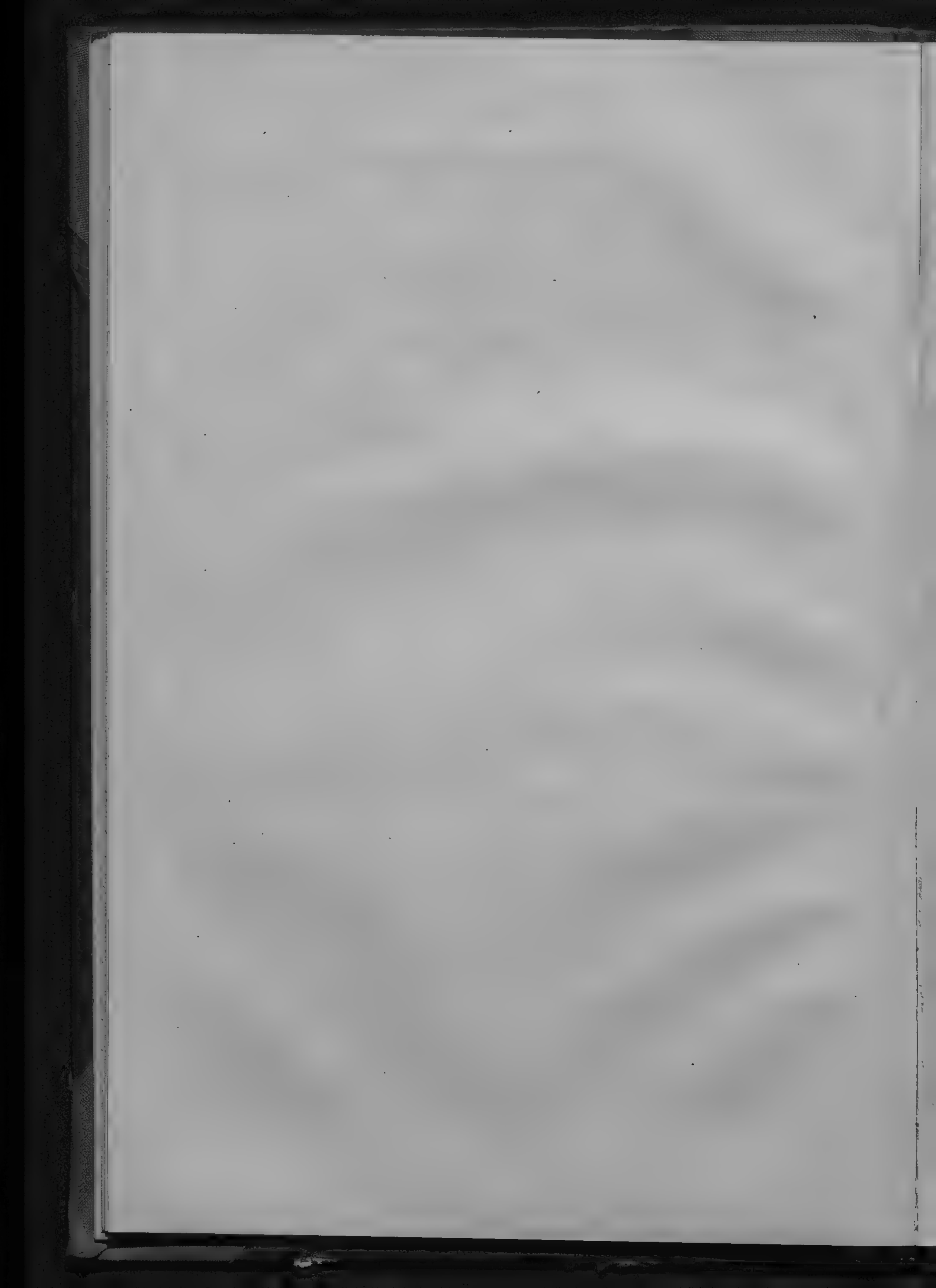
не
ра
сво
же
год
ка
щи
ты
он
кр

за
Ро
бо
от

Участники Октябрьского переворота в г. Харькове.

1. Холмская, 2. Кин, 3. Гулый, 4. Магидов. 5. Киркиж, 6. Буздалин, 7. Покко, 8. Волков, 9. Гаврилин, 10. Селявкин, 11. Кабаненко, 12. Бушев, 13 Михайленко, 14. Папков, 15. Савцов, 16. Пирог, 17. Потаскаев, 18. Молчанов, 19. Кубасов, 20. Гвоздев, 21. Кустылян, 22. Сычев, 23. Белоусов, 24. С. Лебедев.

Участники Октябрьского переворота в г. Харькове.

П. А Кин.

П. М. Королев.

А. К. Сербиченко.

тов. Буздалин.

За пять лет революции многие т.т., принимавшие участие в движении с самого начала революции, активные участники Октябрьского переворота, погибли, растерялись, распылились. Нам необходимо собрать оставшихся товарищей для того, чтобы они дали нам свои воспоминания, которые являются весьма ценным источником для истории нашей партии. Участники Октябрьской борьбы на протяжении всех 5-ти лет постепенно сходят со сцены, поэтому настоятельно необходимо получить от очевидцев и участников своевременно подробные сведения, ибо эти сведения являются наиболее ценными.

тов. Гулый.

Я могу поделиться следующими воспоминаниями об Октябрьском перевороте и о работе, которая в то время происходила, большей частью в Ивановском районе г. Харькова. Ивановский район в то время представлял собою базу Харьковского Октябрьского переворота. Я не приписываю это целиком Ивановскому району, так как и Петинский участвовал в этом, но Ивановскому принадлежит главная часть в этом отношении. Вспоминая Октябрьский переворот в Харькове, я сказал бы, что Харькову нельзя приписать особенно больших заслуг перед Октябрьской революцией, так как вся главная честь принадлежит Питерским и Московским рабочим. У нас не создались такие условия, при которых проливалось бы много крови, не было больших сражений, но все же отдельные моменты были и не обошлось без героизма со стороны многих товарищей. Я остановлюсь на подготовке к перевороту. В Ивановском районе Октябрьский переворот подготовлялся еще в феврале, потому что организация нашего района имела сплоченное ядро, которое руководило рабочей жизнью, устраивала забастовки, массовки и т. д. еще до февраля, и когда совершилась революция, то наша организация вышла уже с Октябрьскими лозунгами. Были тогда же организованы коллективы Ивановского района. «Сортировка» являл. зачинщицей всех выступлений и была наиболее революционно настроена, большинство в районе было достаточно развито и хорошо понимало задачи революции. Не могу не вспомнить товарища Скорохода, который пропагандировал лозунги Октября и который говорил, что за Февральским переворотом скоро настанет переворот другой, за который буржуазия с нами

будет расправляться жестоко, и тогда прийдется действовать иными путями.

Подготовка к перевороту у нас велась с самого начала февральской революции и самым усиленным темпом. Основным вопросом на собраниях старых «царских» подпольников, был вопрос—как нам вооружаться и быть готовыми к захвату власти нашей партией. Собирались обычно т. т. Котлов, Грязев, Сербиченко, Скороход, Кабаненко, Пузыр. Это была самая активная группа, которая руководила всем движением в районе. Мне было поручено добыть Устав Кр. Гвардии, который имелся у Алексея Иванова, работавшего в то время на заводе Шиманского. Он не часто посещал наш район, но был активным работником у нас. Мне удалось его видеть лишь после его приезда из Петрограда, откуда он привез материалы по организации Красной Гвардии. Когда было решено организовать Кр. Гвардию, у нас отряд был уже готов. Это было приблизительно в июле. Был сорганизован отряд числом до 200 человек, больше всего в нем было рабочих Харьковск. вагон. мастерских. Оружие для этого отряда, уже с участием Городского К-та, было добыто из Тулы и было спрятано в вагон. мастерских. Было добыто до 600 винтовок; таким образом отряд Кр. Гвардии был вооружен полностью. Подготовления к этому были лихорадочные. Т. т. были полны энтузиазмом, под'ем был небывалый и со дня на день ожидали событий в Харькове. Из мероприятий по подготовке к Октябрю следует еще отметить выход нашего органа «Донецкий Пролетарий». Он нам обошелся очень дорого. Печатать его было негде. Единственная ставка была на рабочих. Типографии не было. Нужно было его распространять среди рабочих, дать освещение жизни Питера и Москвы, дать общее направление работы. Этого всего не было. Большую тяжесть пришлось взять на себя. Была об'явлена подписка на типографию, которая дала свыше 2000 руб. Когда деньги были собраны и типография куплена, ее установили на Вознесенском пер., где я, Грязев, Щербина, Покко, Шварц Семен принимали самое горячее участие в ее работе. Шварц был назначен заведующим типографией. Мы еще не закончили ее установку, когда власть в Петрограде была уже в руках большевиков. Когда мы пришли заканчивать установку, нам в самой типографии было сообщено о том, что Ленин назначен Председателем Совнаркома, а Луначарский—Наркомпросом.

Дальнейшие мои впечатления об Ивановском районе относятся к периоду перед самым Октябрьским переворотом. Накануне переворота начались наступления Каледина и Корнилова. Наш отряд Кр. Гвардии был уже сформирован, и только появились корниловск. ударники, как отряд был брошен против них и их попытки продвижения на Харьков были задержаны у Сум. Они двинулись на Белгород и наш отряд первым пошел на этот фронт. Это был первый фронт, где Ивановский район с оружием в руках, отбивая наступление калединских баталионов, получил боевое крещение. Тогда-же отряд Антонова-Овсеенко принимал участие непосредственно в этой операции.

В Харькове тогда была сгущенная атмосфера. Меньшевики и эс-эры не были организованы и не проявляли никакого мужества. В Петрограде и Москве переход власти уже совершился.

В Харькове переворот начался фактически тогда, когда прибыл отряд Антонова. У нас самая загвоздка была в броневиках Керенского, благодаря которым могло произойти кровавое столкновение и это было самой большой угрозой.

В Харькове не было никакой власти. Меньшевики и эс-эры были в полной растерянности, а большевики не решались взять власти. Председа-

телем Совета был Светлов—меньшевик, в Совете была группа левых эс-эров, и это фактически служило препоной всему, что можно было осуществить. Как раз в это время приехала Брешко-Брешковская, «богиня» эс-эров. Когда Дума обсуждала вопрос, нужно-ли брать власть в городе или нет, в то же время заседал Совет, решая тот же вопрос. Лев. с.-р. Друян состоял членом как Думы, так и Совета и бегал из Думы в Совет и обратно. Но Совет оставался в нерешительности и оттягивал решение вопроса. Везде наблюдалось отсутствие решительности. Было известно, что когда Ленин выступил со своими тезисами в Петрограде, там были некоторые разногласия между вождями революции. В связи с этим у нас в организации были такие толки: «а все же надо подумать, и несколько выждать». Когда буржуазия создала вокруг Ленина провокацию о том, что он подкуплен Германией и является германским шпионом, то и у нас нашлись отдельные т. т., готовые сказать, что Ленин является посланником германского правительства. Были колебания, но когда было разъяснено, что означают тезисы Ленина и что представляют собою Власть Советов, только тогда укрепилось настроение в нашей организации. С момента приезда Антонова, который остановился на знаменитой седьмой линии, которая терроризировала всю буржуазию, колебаний уж не было. Антоновщина представляла собою для буржуазии такое пугало, которое приводило ее в панику. Решительность в его отряде была большая. Отряд был подобран, большей частью, из анархического элемента, состоящего из матросов, и, может быть, она не вылилась бы в такие уродливые формы, если бы там были большевики. Чем дальше, тем острее стал вопрос о власти. В Харькове нужно было брать власть, так как из Питера нас упрекали в бездействии. В Харькове в это время был губернский комиссар правительства Керенского—Кузнецов, и у нас фактически была одна угроза—броневики, которые оставались верными правительству Керенского. На нашей стороне был 30-й полк, командиром которого был Руднев, впоследствии погибший под Царицыном. Вот те силы, которые могли столкнуться при сдаче власти. Отряд Антонова сыграл тогда громадную роль. Броневики были взяты с незначительными жертвами, было несколько раненых, но не было убитых. Что касается фактического перехода власти в Харькове, то дело было так: т. Кин, придя в кабинет к Кузнецову, оторвав со стены телефонную трубку, спокойно заявил: «Ваших больше нет». Кузнецов растерялся и без сопротивления сдался. После захвата власти было созвано совещание активных работников. Присутствовали: Иванов Алекс., Лугановский, Данилевский, Покко, Артем, Рухимович и др. Когда мы стали толковать, как строить Советский аппарат, у нас разгорелись большие дискуссии. Одни говорили, что нам надо всех старых чиновников разогнать и строить все заново. Лугановский выдвигал план построения Советского аппарата. Он говорил, что нам не надо строить ничего нового, а только захватить весь аппарат, который имеется, и поставить своих т. т., которые внесут новое в аппарат, реорганизуют его и заставят работать на Советскую власть. Тов. Лугановский момент определил правильно, ибо если бы мы стали строить аппарат, не имея сил, то у нас ничего бы не вышло. После взятия бронеотряда, перед нами осталось единственной угрозой—Чугуевское юнкерское училище, которое было настроено в защиту Керенского. Его нужно было перевести на свою сторону, или подойти к нему осадным порядком. Был здесь, в Харькове Мартьянов, который туда поехал для переговоров. Юнкера его оставили заложником и предложили приз-

нать правительство Керенского, если он желает, чтобы его освободили и пустили на волю. Они потребовали от него подписки об этом. После дачи им подписки он был освобожден, а затем вернулся к нам. Возник вопрос, оставить ли его в партии, или исключить за данную подписку. Вопрос сильно дебатировался в организации, и мы признали, что его поступок заслуживает снисхождения. Впоследствии он оказался провокатором и был расстрелян.

тов. Киркиж.

Я думаю коснуться несколько исторического состояния Харьковской организации в подпольи, чтобы потом перейти к тому, что было во время Октября. В подпольи у нас в Харькове было всего 150 членов партии, из них было 120 латышей, которые приехали из Риги. Об этом еще может рассказать тов. Покко, который входил в подпольный К-т 1915 года, работал все время до 1916 года и считался официальным представителем К-та. В 1916 году—к-т партии целиком был арестован, во главе с председателем Медведевым. Вместе с ним был арестован и Ляхин. Нам нужно было выпустить прокламацию против военно-промышленных к-тов. У нас не было ни одного интеллигента, который мог-бы составить или проредактировать ее. Пришлось пригласить беспартийного, чтобы он технически обработал прокламацию. Конечно, она была средактирована и ее распространяли. Через несколько дней был освобожден к-т, которому предписали итти на фронт. Нужно было изготовить паспорта. В подпольи у нас организация была поставлена достаточно конспиративно. Система кружковщины, конспирация не давала возможности членам партии знать друг друга. Только на массовках могли друг друга узнавать, а кто входил в ячейку—знал только секретарь ячейки. Даже работавшие на одном заводе члены партии часто не знали друг друга. У нас в то время был представителем Сумс. Кажется, 28-29 февраля прибыл Буздалин, как оффициальный представитель партии. Некоторые сомнения внес в ячейку именно наш Сумс. Он мне сообщил, что Буздалин является оффициальным представителем. Пастер, который работал активно, его не знал. В это же время из Петрограда появились меньшевики. Мы, не зная его, принимали не как своего, но в тот же день мы узнали, кто он. У нас не было организованности и, когда надо было выдвинуть кандидатов в 1-й Совет, мы их не сумели выделить, так как некоторые лица были у нас в подозрении, а меньшевики выдвинули самих себя. Мы выдвинули Пастера и только он один входил от нас в Совет. Затем была выпущена первая летучка, в которой был провозглашен лозунг гражданской войны.

В это время у нас в организации было два мнения. Целый ряд т. т. был против нашей летучки. Когда мы собрались в первый раз в медицинском о-ве, кажется, в 19-ой комнате, эти разногласия резко определились. Лугановский был против летучки, отчасти против нее были Иванов Алексей, Тиняков, Николай Безчетвертной. Их позиция была—об'единение нас с меньшевиками, а от меньшевиков представителем был Попов, Н. Евгень-

евич. Большинство всетаки стало на точке зрения выпущенного воззвания. Был избран І-й Комитет. Насколько я помню, были избраны Сурик, Буздалин, Покко, Иванов Алексей, Лассовский, Артем, Аронштам и некоторые другие.

Другой момент—организация по районам. Т. Гулый отмечал здесь, что Ивановский район играл первую роль. Я не стану отрицать заслуг этого района, но в отношении высоты положения членов партии единственным был Петинский район и, главным образом, ячейка ВЭК'а. На Паровозном был Романович, который играл там главную роль. Левченко оказался провокатором. Его хотели ввести в комитет, но не ввели. У Романовича была тенденция—никого из других заводов и вообще членов партии на Паровозный не пропускать На Паровозном было засилье эс-эров, затем на втором месте были меньшевики, коммунистов было 30 человек. В ячейке Вэк'а из подполья было 17 т.т., но когда была об'явлена легальная запись в число членов ячейки, то она быстро возросла до 200 членов партии. Перед июньскими днями на ВЭК-е было уже 600 членов, на Паровозном—160, у Гельферих-Саде—30. Во всем районе было около 1000 человек. В Ивановском районе было в то время около 300 членов партии. Был еще Основянский район, в котором было мало рабочих и потому мало членов партии. Затем был еще Городской район, который имел около 300 членов.

У нас в партии в июльские дни было два течения. Левое крыло представлял т. Сурик, а правое т. Иванов Алексей и Лугановский. Эти течения были приблизительно до Октябрьской Революции. В тот момент, который отмечал Гулый по поводу Советов, было совещание ответственных работников, которое вынесло постановление: власти не брать. Ивановский район, кажется, был за то, чтобы немедленно власть взять. Тяжесть работы в Советах мы взять на себя не могли и решили перенести ее на Фабрзавкомы и полковые комитеты. Фабрзавкомы и полковые комитеты были нашими, а в Совете было большинство меньшевиков и эс-эров. На одном из заседаний Советов, когда было принято решение взять власть в свои руки, в бюро фракций от нас входили Кин, Рухимович и др.

7-го июля приехал Артем. Он взял на себя полное руководство всей организацией, так как оказался сильней всех; его послали на Областной С'езд в Киев. Иванов Алексей, делая отвод Муранову, заявил; «зачем нам посылать Муранова, когда у нас есть паровоз—Артем, который может выполнить все задания». Артем говорил, что мы до февральской революции должны были вести нашу работу по неурезанным лозунгам за свержение царского строя, но это совершилось, и теперь мы должны взять власть в свои руки—и социалистический строй будет осуществлен, революция будет социалистической. Его речь была настолько сильна и убедительна, что никто не мог дать каких-либо возражений. Артем сосредоточил в своих руках полное руководство Харьковской организацией. В июне или июле, не помню, появился Рухимович. Он был рядовым солдатом—сапером, и мы не знали, что у него есть какая-либо техническая подготовка. Он был избран в комитет и в редакционную коллегию. Ответственным редактором был—Сурик. «Пролетарий» сначала редактировался, как газета нашей партии, одним Суриком, но постановка ее была плохая, часто повторялись одни и те же статьи и протоколы с заводов. В Коллегию входили: Рухимович и др. Многих статей мы не разбирали. Особенно длинные статьи писал Лев Крайний, который не был тогда членом партии, и мы не знали, какую часть пропустить, выбросить, сократить, а какую поместить. Это очень характерно. На Рухимовича мы много не надеялись, так как считали, что он подготовлен не более нас.

Дальше идет период, когда мы начали делать сборы на свою газету и сочли нужным иметь свою типографию.

Был один характерный момент, когда меньшевикам удалось овладеть всеми печатниками, и они решили не выпускать ни одной газеты, в том числе и нашу, не смотря на то, что у нас был подбор своих работников. Меньшевики, уже находившиеся у власти, опасаясь переворота, чувствовали сгущенную атмосферу, выпускали свою краткую «газету печатников», выходили также «Южный Край» и газета Погодина «Русская Жизнь»; оказалось, что единственная газета, которая не выходила, была наша. Нам, как партии, приходилось выступать на общих собраниях печатников и указывать им, что большинство рабочих, борющихся за революцию, об'единяются нашей организацией, а если они не хотят выпускать газеты, придется заставить их силой выпускать. В такой атмосфере газета через несколько дней начала выходить.

Отмечу некоторые моменты по созданию Кр. Гвардии. Первоначально оружие приходило в Ивановский район. Нам надо было его сохранить. Так как одной из самых крепких наших ячеек была ячейка ВЭК'а, его перевезли на ВЭК. Туда перевезли 600 ящиков—2.000.000 патронов. К нам прибыло 15 вагонов, но один вагон меньшевики отняли. Из ВЭК'а послали оружие в Донбасс, и этот вагон отняли у нас петлюровцы. В нем было около 7-ми пулеметов. Ответственным за вагон был один рабочий ВЭК'а—Скудра, который выпивал и, наверное, был пьян, когда их окружили и взяли вагон. На ВЭК было доставлено больше 100 пулеметов, из них мы оставили только 30. Завод ВЭК был страшен всей буржуазии. К нам приходил прокурор (правительства Керенского) и его помощник, меня, как Председателя Завкома, спрашивал, сколько у нас имеется винтовок и оружия и зачем мы его держим. Это, яко бы, угрожает целости завода. Он говорил, что мы должны повлиять на рабочих, чтобы этого не было. Спрашивал, сколько есть динамита и где он. Эти вопросы обсуждались на заседании Завкома, и было постановлено никаких ответов не давать. Этот прокурор, конечно, появился по доносу администрации, которая все время оказывала давление, чтобы оружие убрать. У нас всего 1500 человек имели винтовки в то время, как рабочих было 4000 чел. Наш завод отличался тем, что когда в июльские дни нигде нельзя было выступать большевикам, вследствие клеветы на Ленина, у нас можно было выступать, так как рабочие были на нашей стороне. Когда во время Октябрьской революции была арестована дирекция завода, т. Качинский (сейчас коммунист,—тогда эс-эр),—хотел выслать целый полк солдат, чтобы освободить ее. Я ему сказал, что и полк не поможет, ибо рабочие подготовлены, все пулеметы расставлены и пулеметчики на местах.

Уже после переворота в Москве я видел перепечатки из Харьковских буржуазных и эс-эровских газет о ВЭК'е. В.Э.К. представлял силу, не менее полка. Важны были наши пулеметы и взять нас одними пулями нельзя было. Дирекция сидела трое суток и после выступления Северо-Одоевского рабочие сами выпустили дирекцию, которая скоро сбежала от нас.

Если отмечать весь этот период и подход к самому Октябрьскому перевороту, то приходится сказать, что у нас в Харькове особых подготовлений к взятию власти не было. У массы членов партии—рабочих была склонность к взятию власти. Верхушки, которые руководили организацией, колебались. Рухимович даже поставил вопрос о том, сумеют ли они справиться. «Возьмем власть», говорил Рухимович:—«но я боюсь, что у нас нет силы, мы не сумеем справиться». Мы заключили компромисс с меньшевиками. Председателем Ревкома выбрали Кина, так как его кандидатура была

приемлема для всех. У Артема мы находили анархические тенденции, Кин остался на советской работе, руководство партийной работой лежало на Артеме, но он уехал в Петроград.

Октября вроде Питерского у нас фактически не произошло. Сюда прибыли Жахов и Васильченко. Появление Антонова фактически дало здесь решающий толчок к перевороту. Всех меньшевиков начали гнать, с офицеров погоны срывать, целый ряд выводили на седьмой путь, где их ждала определенная участь:—за активные выступления, активная расправа.

По партийной линии все время активно работал Буздалин и вспоминал один случай: в 28-м полку, который потом оказался гайдамацким, председателем Комитета был эс-эр поручик. Буздалин выступал там, но они построились рядами и нас через эти ряды выставили. Председатель комитета отказался вести собрание, заявив, что мы люди вредные и нас слушать не стоит, предложив в противном случае выбрать другого председателя. После этого нас выставили.

Еще случай: Артем выступал около Рабочего Дома, когда здесь была Брешко-Брешковская. Когда он появился на трибуне, его многие рабочие узнали. К нему относились с большим сочувствием, но так как это было в период клеветы на Ленина, то его мещанская публика забросала камнями. Несмотря на это, он не переставал вести работу и где только была кучка рабочих начинал говорить. Его выступления среди солдатских частей доводили до столкновений.

Через два месяца после Октября на Паровозном заводе мы в Совете получили свое большинство. Нас было 17 или 18, эс-эров—11, два меньшевика и один анархист. На Гельферих-Саде—8 большевиков, 4 меньшевика, эс-эров не было. На ВЭК'е исключительно большевики и один анархист, который фактически писал в наших газетах. В скором времени было решено организовать в Харькове областную газету. Газета «Пролетарий» была упразднена и переименовалась в «Донецкий Пролетарий».

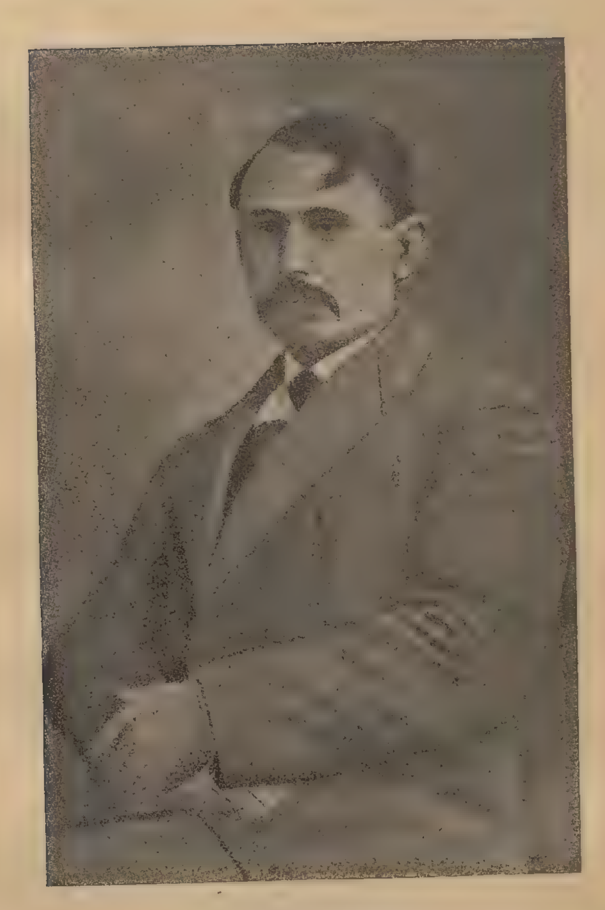
тов. Сербиченко.

Наступившая революционная работа после февраля 1917 года дала огромный прилив новых революционных сил с заводов и фабрик. Паровозо-строит. завод, Всеобщая кампания электр., Шиманского выдвинули кроме старых партийных работников еще свежих борцов, смело взявшихся за работу; выдающимися были рабочие ВКЭ и завод Шиманского. Способные самодеятельно руководить партийной и Советской работой, как то: тов. Буздалин, Иванов Алексей, Киркиж, Пастер, Покко и др. Тов. Романович, Сапельник, Зарывайко и многие другие нисколько не отставали от своей общей революционной работы. Рабочие ж. дор. Харьковского узла, старые испытанные работники т.т. Котлов, Скороход и др. вели работу с полным успехом. Скоро на сцену появились старые члены партии Ивановского района готовые к руководящей работе ученики двух первых жел. дор. товарищей—Лебедев Петр, Ворона Андрей, Иванов Лаврентий, Глагольев Алексей, Рябченко Петр, Дзизин Николай, Грязев, Щеевой, Кабаненко Николай и много других

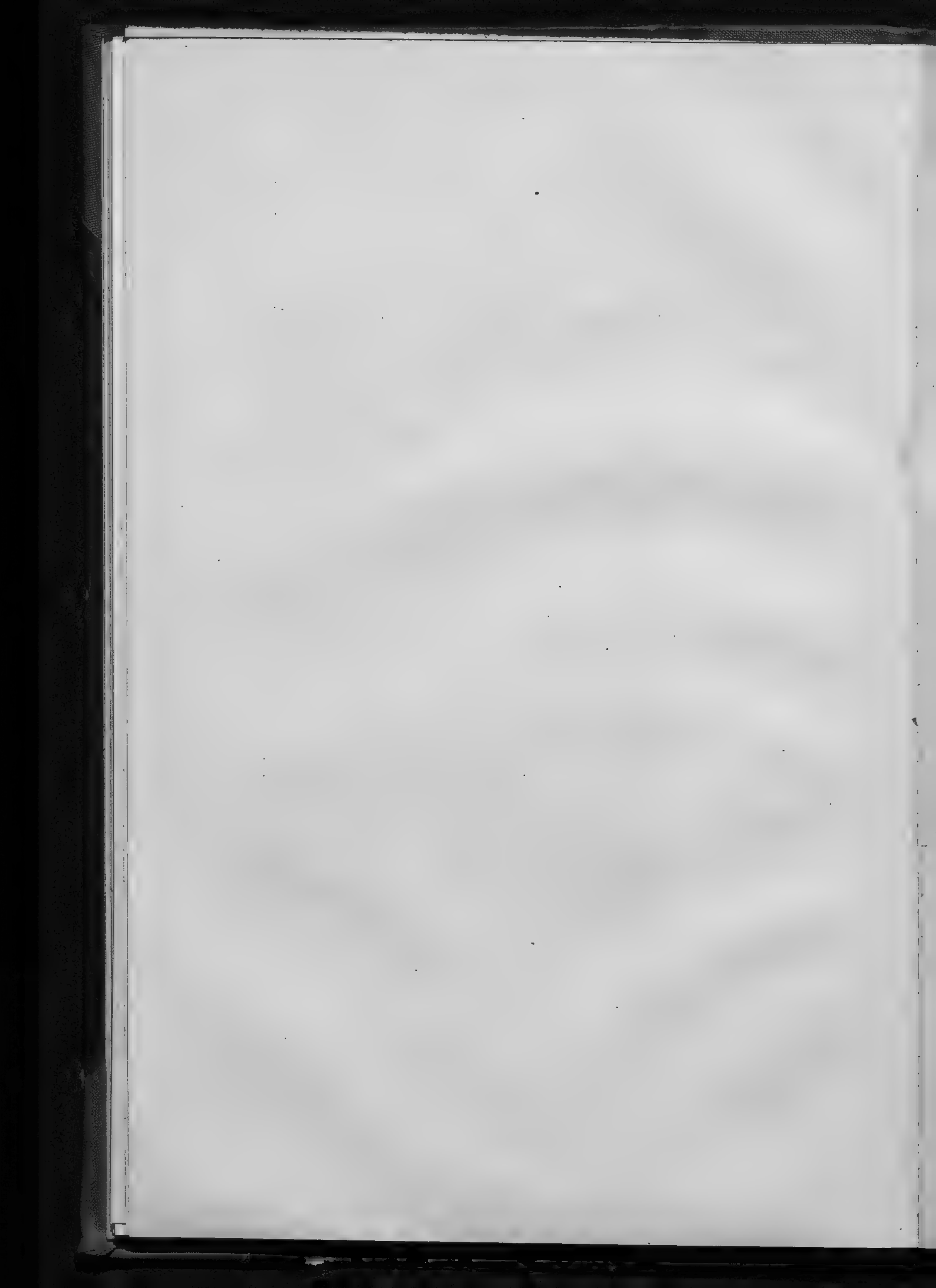
товарищей. Харьковская организация начала крепнуть с каждым днем, кипела работа по организации Красной гвардии и рабочих дружин, массами шли рабочие вооружаясь, чувствовался сразу-же недостаток оружия; организованных отправляли на фронт и начинали организовывать других; тревожный гудок паровозных мастерских служил сигналом, собирая под ружье. Много дали бойцов железнодорожники, но еще больше дали ВЭК и Паровозный завод. Бойцы шли на фронт, полные сил и уверенности в победе. Только можно было слышать: «давай винтовки», но их не имелось. Решили послать в Тулу, поехали т.т. в Москву с поручением председателя Губревкома т. Рухимовича и привезли массу винтовок, пулеметов и патронов, на так-как меншевистско-эсеровская братия могла сотворить пакость. то 18 вагонов оружия были спрятаны в вагонные мастерские и через сутки Красногвардейцы ВЭК, Паровозн., Саде, Мельгозе и т. д. тысячами пришли и, тут же вооружившись, совершенно неожиданно, шествовали по улицам г. Харькова, с новенькими винтовочками, таща за собой пулеметы. Росло воодушевление у рабочих. Мы имели целый арсенал оружия, 50 шт. пулеметов, 5 тыс. винтовок, 6 миллионов патронон, много лент. Все это дало нам право разговаривать бесцеремонно. Шествие бесконечных вооруженных групп рабочих навело огромную панику. Но буржуазия и их лакеи меншевики и эсэеры делали попытки отобрать оружие, но известно, как не легко можно было это сделать. Пришлось от этого отказаться, а попутно отказаться и от власти.

Повсюду появлялся неутомимый герой и вождь пролетариата т. Артем (Сергеев); он своевременно делал распоряжения и давал указания, его всегда веселое и бодрое лицо и улыбка показывали, как он спокоен и верит в победу. Его огромный авторитет невольно давал прилив в наши ряды. Ближайшие его товарищи Рухимович, Данилевский, Кин, Тиняков, Сурик, Лугановский, Бретер, Яша Ярославль, то и дело ходили с митинга на митинг. Много было сил, способных вести рабочие массы, любили их все рабочие и перестали слушать прихвостней буржуазии. Началась горячая работа, приступили к организации Совета и Ревкома, оставили в их составе левых эсэеров, взяли фактически руководство Советами. Необходимо было перестроить гарнизон, в котором не совсем доверяли главным образом командному составу. Но неожиданно для нас, из Тулы был прислан в Харьков 30 полк, во главе с командиром товарищем Рудневым. Коля Руднев, офицер старой армии, старый член партии большевиков, немедленно явился в Совет Рабочих депутатов и заявил фракции, что он и весь 30 полк на стороне Совета, что он находится в распоряжении фракции и ждет приказов.

Никогда не забуду этого милого лица, полного сил и энергии, готового выполнить всякий боевой приказ фракции большевиков. Присутствие его в Харькове и в Совете влило новую бодрость и надежды на несомненную победу. Тесная связь с железнодорожниками давала нам полную гарантию как за подвоз топлива, так и продовольствия, да и кроме того тов. Котлов и тов. Скороход были связаны со всем Югом и Москвой. Если с перебоем работал правительственный телеграф, то железнодорожный был всегда в наших руках и давал полную гарантию за получение всех сведений и с юга и с севера. Там были контролеры большевики, часть телеграфистов большевиков неотлучно находились на телеграфе, зорко следя за каждым аппаратом и немедленно сообщая в Ревком и Совет депутатов южных дорог. Т.т. Карпов Николай, Чуйко, Соколов, Ананьев, Гершон и др. члены Совета депутатов находились, неотлучно в Управлении дорог и руко-

Алексей Скороход.

водили как службой движения, так и службой тяги, остальные товарищи, работая в мастерских и депо, проявляли героизм, пополняя подвижной состав паровозами и вагонами.

Несмотря на огромную работу и задачи, стоящие перед железнодорожниками, тяжелое материальное положение рабочих и служащих, и вообще условия, в которых ответственным товарищам приходилось работать, работа кипела как в котле, все-же никакого перебоя в работе не было, и связь как с районными партийными комитетами, так и с губернским комитетом партии и Губревкомом была полная. Директивы выполнялись на 100 проц. Но вот положение изменяется: приближается фронт, чувствуется, что противник превосходит нас как техникой, так и боеспособностью и количественно. Встает необходимость по приказу готовиться к эвакуации. На долю железнодорожников падает величайшая задача. Но и тут они справляются с директивой. Каждый знает свое дело и свое место. Последние покидают Харьков железнодорожники и ответственные работники, из которых многих потом мы не досчитывались: они были растерзаны в боях с контр-революцией, часть под Харьковом, часть на Дону. Оставили Харьков и не захотели быть под игом помещиков и капиталистов не только члены партии, но и много рабочих почти всех харьковских заводов и железнодорожников. Оставшиеся ждали нас с каждым днем, подготовляя восстание внутри.

тов. Покко.

Я пополню воспоминания Киркижа о подпольной работе с того времени, когда мы эвакуировались из Риги. ВЭК, который раньше назывался Унион, всегда был на плохом счету у полиции. Возле него всегда стояли казаки. Когда мы эвакуировались, он разбился на три части, из которых одна была направлена в Петроград, другая—в Москву и третья—в Харьков. Тут была часть подпольников: Медведев, Ляхин, Коневский и др. Как только мы прибыли в Харьков, мы сейчас-же установили связь с существовавшей здесь подпольной организацией. Основным вопросом был недостаток денег в партийной кассе. Когда мы уезжали из Риги, то все получили под'емные и т. п. деньги, так что приехали сюда с деньгами. Членов организации приехало сюда 25—27 человек. Выпустили подписной лист и собрали 33 рубля. Для типографии набор у нас был, но не было бумаги. Через несколько дней все же была выпущена летучка против войны. Когда такие литучки появлялись в Риге, то говорили, что это прокламации, выпущенные немцами, которых было очень много в Риге. Такое предположение было понятно там. Но в Харькове? Здесь они имели уже другое значение и к ним иначе относились.

После того, когда мы связались с Харьковской организацией, то выдвинули вопрос о состоянии Рабочего Дома. В то время большевитская организация пользовалась популярностью среди рабочих. Нужно было найти материальные рессурсы для поддержания рабочего дома. Когда мы эвакуировались из Риги, был при-

каз—выдать всем рабочим полуторамесячный оклад. Его еще не выдали, и нам пришлось взяться за дело, чтобы добиться его получения. Это было очень трудно, но под угрозой забастовки мы эти деньги получили, и таким образом на нашей стороне были все рабочие, которых теперь мы могли собрать в любой момент, благодаря симпатии рабочих нашей ячейке. Мы начали вести запись в члены рабочего дома, чтобы его спасти. Это удалось. Мы пошли на компромисс и дали большинство мест меньшевикам. Дом был спасен.

Затем началась кампания по выборам в военно-промышленные к-ты. Уже три наших партийных к-та были провалены, почти весь к-т последнего состава был арестован, связи с центром мы не имели, но все же мы взяли на себя задачу провести провал выборов в военно-промышл. к-ты. На заводе появился присланный из Петрограда меньшевик Абросимов, который оказался провокатором. Он вел агитацию за воен.-пром. к-ты, но нам все же удалось выборы провалить.

Характерно то, что подчеркнул т. Киркиж. Мы не теоретики. Воззвание было всего из 7-ми пунктов, и мы над ним потели целую ночь, но в конце концов мы его выработали. На ВЭК'е мы выработали наказ, посланным в воен.-пром. к-ты, в котором требовали свободы слова, свободы печати, отчетностей посланных перед рабочими, и только на этих условиях согласились послать своего представителя.

Наступление Корнилова.

Когда Корнилов двинул к Украине на соединение с Калединым, Керенским был брошен лозунг—«ввиду опасности вооружать рабочих». Наша организация почти вся была без оружия, борьба была нелегка. Воспользовавшись лозунгом Керенского, мы начали искать оружия. Через 30-й полк у нас была связь с Тулой. Туда поехали Посер, Сербиченко, Коваленко, Поляков—бывш. меньшевик. Пока они туда ездили, у нас положение становилось угрожающим. В связи с этим нами был брошен лозунг всеобщего военного обучения рабочих. В это время почти половина рабочих ВЭК'а после работы выступали на площадь и обучались, участвовали также и женщины—на Конной площади возле Райпаркома. Там всегда дежурил отряд на случай тревоги. Около 100 винтовок пока достали из 30-го полка, и ночью, впотьмах, их перенесли в Дом Трудолюбия, а затем уже привезли оружие из Тулы. В это время Корнилов приблизился к Белгороду. Нам передавали, что перевес на нашей стороне. К нам поступали пленные, большей частью солдаты царской армии, обманутые и ничего не понимавшие, которых мы человек по 30—50 отправляли в 30-й полк. Там же мы достали старый пулемет, который был сейчас же отремонтирован на ВЭК-е, из Тулы получили револьверы и «Ноганы», которые продавали членам партии по 85 руб. Деньги пошли на типографию. Для того, чтобы собрать деньги на типографию, мы устраивали также лекции и кружечные сборы, действовали всякими средствами, и с большим трудом сколотили эту типографию. Когда приближался Корнилов, началось восстание Чугуевских юнкеров, но наша Кр. Гвардия была уже подготовлена. Губисполком был распущен и вместо него была организована семерка, куда входил КИН.

На ВЭК'е нужно было установить прожектор. Мне было поручено это сделать во что-бы то ни стало, действуя средствами, вплоть до расстрела администрации. С огромным трудом все подобрали (не хватало то зеркала, то других частей) и на ночь прожектор был установлен. У завода Лейтнера имелся броне-отряд, который был на нашей стороне, и мы двинулись навстречу Корнилову. Мы прошли до конца шоссе, но двигать-

ся дальше было нельзя ввиду большой грязи. Тогда рабочие быстро выложили дорогу досками. Юнкера долго не выступали. Когда Чугуевщина и Корниловщина были ликвидированы, в их ликвидации сыграл огромную роль Сиверс с отрядом матросов. Он захватил Центральный Телеграф и Управл. Юж. жел. дор. Комитет Бунда взял на себя инициативу созыва всех социалистических комитетов. Мы собрались днем в Гор. Думе. Сюда тогда приехал сам Петлюра—из Киева. Рубинштейн (как меньшевик) спросил, какие у нас требования, чтобы избежать пролития крови. Мы требовали, чтобы прекратили высылку русских, чтобы разрешили вывоз сырья, так как они тогда связались с Донбассом и задерживали провоз его, чтобы не задерживали провоза хлеба в Россию и пропускали Красно-Гвардейцев на Дон, где был Каледин. Они казаков, ехавших на соединение с ним, пропускали, а красногвардейцев задерживали. Нам отвечали, что насильственной высылки русских на север не будет, они смогут добровольно уезжать. Согласились также вывозить сырье. Относительно вывоза хлеба в Россию заявили, что не будут ни помогать, ни препятствовать, Красногвардейцев на Дон пропускать согласились, но только с их ведома, а цель их, конечно, нам была ясна: сообщать Корнилову, какие силы и части двигались на Дон. Но был еще вопрос: с отрядом Сиверса. Мы говорили, что он должен остаться, чтобы ехать на Дон. Говорили часов пять, ни до чего не договорились. Должно было быть заседание Совета, и мы перешли в другое помещение, где толковали еще несколько часов, но все же не договорились и пошли на заседание Горсовета, где силы наши и меньшевиков были равные. После этого опять решили собраться (был уже час ночи), чтобы избегнуть кровопролития. Мы собрались и стали опять говорить, но в это время готовилась уже операция взятия броневиков на Мироносицкой площади. Их было 7. Командир говорил, что он не за большевиков, не за меньшевиков, но за Советскую Власть. Мы разработали план, как их взять. Пока мы вели переговоры, Сиверс взял свою часть матросов, часть рабочих ВЭК'а, Паровозного и др. заводов и, пока мы ночью торговались, он выступил. На заседание вдруг вбегает Петренко (теперь коммунист) и говорит: «большевики нам тут зубы заговаривают, а сами дело делают». Тут стал вопрос, как прекратить стрельбу. Большевики пошли на совещание. Сиверс заявил, что если даже будет постановлено броневиков не брать и ему это предложат, как коммунисту, он не подчинится, так как если мы их не возьмем сегодня, то завтра будем расстреляны или арестованы. Тыл наш был обеспечен, подмога была послана. Была послана делегация, чтобы прекратить стрельбу. Мы поехали, заранее зная, что пока доедем дело будет сделано. Когда мы приехали к Мироносицкой площади, командир нам заявил, что «все уже готово». Жертв не было. Все было сделано напором. Никто из бронеотряда его не ожидал. Сопротивления не было, и солдаты очень дружно относились друг к другу, по товарищески закуривали с ними вместе. Броневики остались за нами. В случае, если появятся броневики нашей артиллерии, было дано задание открыть огонь, но броневик появился уже будучи нашим и его немного обстреляли.

С Мироносицкой площади частью отряда мы подошли к Дворянскому Собранию, рассыпались, поставили «Максима», вошли без сопротивления, разоружили украинские части петлюровцев. Осталось взять Москалевский украинский полк, который был нами разоружен.

тов. Попков.

Прежде всего я отмечу некоторые моменты в дополнение к сообщению т.т. Киркижа и Покко. В июньские дни в Петинском районе было 870 членов партии. Особенно резко отмечалось соперничество между ВЭК'ом и Паровозным заводом, но большинство было за ВЭК'ом. Дальше Покко говорил о перевыборах в Гор. думу и о работе Артема. Я раз'езжал вместе с Артемом и устраивали митинги по поводу выборов в Гор. Думу. Из Петрограда и Москвы к тому времени прибыло много меньшевиков и эс-эров, которые старались не только, чтобы не прошел наш список № 3 большевиков, но чтобы даже не допустить на трибуну ораторов большевиков. Покко был прав, указывая, что когда Артем начал выступать перед казармами против рабочего дома, где было много солдат, защищая список № 3, один солдат взял номер «Южного Края» и стал оттуда цитировать клевету на тов. Ленина.

Под влиянием агитации несколько человек направили в Артема штыки. Мы стали его останавливать, но он продолжал говорить в том же духе и с большим энтузиазмом. Тогда несколько рабочих, знавших его, начали рассказывать солдатам, что Артем играл огромную роль в 1905 году и т. д. Благодаря удачному выступлению т. Артема и усилиям некоторых коммунистов, солдаты заранее подготовленные меньшевиками и эс-эрами успокоились.

Я остановлюсь еще на нескольких моментах, которые сумею вспомнить. При каждом заводе, даже небольшом, где было 100—150 человек, была ячейка Кр. Гвардии. Это было до Октябрьского переворота. Уже с сентября месяца началась организация этих вооруженных рабочих дружин. Был избран Петинский районный штаб.

Постепенно все эти ячейки Кр. Гвардии начали принимать более оформленный вид. В Доме Трудолюбия, где помещался Петинский Райпарком, в определенные часы, после работы до глубокой ночи упражнялись с винтовками, так как многие никогда не были на фронте и не знали даже, как их держать.

В Кр. Гвардию больше всего входило рабочих с ВЭК'а, около 800 человек. ВЭК сыграл большую роль в юнкерские дни. Я был рядовым красногвардейцем и еще не знал, как управлять винтовкой. К нам присоединились т.т., которые якобы прибыли на защиту Харькова против юнкеров. Мы не знали куда идем. Дан был приказ по заводам—закончить работу в 3 часа дня. Даже не успев схватить закуски, мы вооружились и нас направили к Воронежским казармам. Солдаты, которые были у окон, спрашивали нас—куда мы идем. Но мы не все знали это сами. Было уже часов 11 ночи, стояла сырая погода и было очень грязно. Светился прожектор, о котором говорил Покко, ожидали юнкеров до самого утра. Как известно, в бой с юнкерами мы не вступили. Руководил нами тогда Пастор. В этот-же день мы направились в город и захватили, совершенно неожиданно для «Южного Края» и газеты Погодина, обе редакции. Остановлюсь на моменте, когда стал у власти Ревком. Им было решено направить вместе с 30-м полком, во главе которого стояли Руднев и Глаголев, тех красногвардейцев, которые были организованы у Дома Трудолюбия. Вместе с нами, кроме Руднева, выехал и Артем. Прибыв на место в Белгород, отряд получил боевое назначение и там действовал. К тому времени подошли некоторые эшелоны Антонова. Мы пробыли там недолго, около недели. Вернувшись в Харьков, отряд со-

брался у Дома Трудолюбия и мы постановили, пойти на фронт вместе с товарищем Рухимовичем, который на это дал свое согласие,

Это было 2-го декабря 1917 г. Был приказ грузиться. В отряде было около 950 чел. С Рухимовичем отправился и Сапельник. За два часа до отхода было получено спешное распоряжение—двинуть наиболее боеспособную часть нашего отряда, обезоруживать сводный полк, который был на Москалевке. Мы тогда были уже на вокзале. Обезоружение происходило просто. Мы солдат застали в полусонном состоянии, некоторые сразу сказали: «это наши», некоторые хотели противодействовать, но ничего не успели и наша задача была выполнена. Отряд, который двинулся 2-го декабря, потом получил название Харьковского Пролетарского Отряда. Он проделал громадную работу в борьбе с гайдамаками и Калединым.

В то же время началась организация Кр. Гвардии в Юзовке и др. районах Донецк. губ. Чтобы координировать всех в одно место и чтобы быть сильнее, туда был послан Тиняков. Первое знаменитое боевое крещение мы получили на ст.?

Положение было такое: штаб, который руководил действиями этого отряда, имел сведения, что противника нет и можно смело двинуться дальше. Мы все спокойно спали, а секреты, которые были впереди, были обмануты противником таким образом: один офицер переоделся в кожух, так что красногвардеец не мог, конечно, различить, кто к нему подошел. На вопрос красногвардейца «кто идет» тот ответил «наш». Красногвардеец пропустил его. Но его поймали и он был расстрелян. Было еще два таких случая. После этого нам было отдано распоряжение выступать против противника, но противник оказался у нас в тылу, и мы потеряли в недельный срок 51 чел., ранеными, убитыми и пропавшими без вести. Во время отступления, в эшелоне мы узнали, что в тылу у нас был прорван путь. Но железнодорожники из нашего отряда исправили его и мы своевременно уехали. Помню раньше случай у ст. Зверево, которая упорно охранялась противником. Мы решили ее взять внезапно и, действительно, взяли их врасплох, но это обошлось нам потерей—был ранен один товарищ. Когда мы взяли Зверево, по Ростовской ветке к станции подошел эшелон. Мы его пропустили, так как думали, что это пассажирский. Но оказалось, что это был замаскированный броневик противника. Наша неудача об'ясняется еще тем, что к утру случилось крушение, и это крушение много повредило нашему плану. Наш Харьковский Пролетарский отряд, которым руководил Рухимович, доходил до Новочеркасска, который был взят отрядом вместе с одним из полков отряда Саблина и Антонова. Затем отряд вернулся в Харьков и расформировался. К этому времени здесь уже организовалась Кр. Гвардия из рабочих Паровозного и др. заводов.

тов. Гаврилин.

Я начну с ячейки на Паровозном заводе. Ячейка там была организована из 15-ти человек, потом после того, как было дано задание вести по цехам агитацию среди беспартийных о вступлении в партию, ячейка увеличилась до 30 человек. В это время завод был определенно под влиянием эс-эров. На заводе еще до революции был Марков, который, правда,

не имел ораторских способностей и рабочие его мало знали. Эс-эры имели большое влияние, и часть рабочих даже не знала, что такое большевики, и думала, что они защищают интересы буржуазии. Но скоро появился Романович, который повел работу усиленно, но замкнуто. К нам приходили из других заводов, но нам давалось задание проводить работу своими силами. На заводе был кроме Маркова еще Левченко, большевик времен подполья. Он был арестован во время выступления на трибуне и отправлен в распоряжение Харьковского Комитета. Арестован был нами-же. Затем показался Михайленко, рабочий с Электрической Станции. До его прибытия меньшевики и эс-эры все время имели влияние, но он повел борьбу и поставил ребром вопрос об организации коллектива вооруженной силы. Меньшевики и эс-эры пошли в военно-промышлен. к-т и решили его мобилизовать, чтобы избавиться от него, убрать с завода. Тут пошла борьба, и тогда силами коллектива и Завкома на общем собрании рабочих был поставлен о нем вопрос и было постановлено его не отдавать. В июне м-це появился Зарывайко, который вылез из под трибуны, когда меньшевики и эс-эры кричали о мобилизации, и крикнул: «долой смертную казнь на фронте». Михайленко действительно положил много силы на организацию дружин. Когда началась организация дружины на ВЭК'е паровозному это проделать долго не удавалось. Рабочий брал винтовку, но на завтра бросал. Пришлось завлекать молодых и действовать всякими средствами. И когда мы получили «Ноганы», мы выбросили об'явление, что их могут получить по 85 рублей как члены партии, так и все желающие. Это заинтересовало рабочих. В июльские дни на Паровозном выступало до 40 меньшевитских ораторов, и нам было дано задание активно выступить во что-бы то ни стало. Оружие было. Вся ячейка, коллектив и часть рабочих были вооружены и выступили. Когда была об'явлена мобилизация на защиту Советской власти, был собран митинг, где выступали меньшевики и эс-эры, которые спрашивали: но кого мы бить будем, когда пойдем на мобилизацию». Благодаря инициативе Михайленко, с большими усилиями рабочие вынесли постановление—всем итти на мобилизацию—и отправились в Ващенковские казармы. Туда пошло около 7.000 человек, но через два—три дня осталось всего 2.000 чел. Первым командиром был выбран Михайленко, заместителями Лебедев и Минаев. Это был 1-й Пролетарский Полк. Когда мы пошли на завод за получкой, рабочие были настроены в пользу Советской власти и за нас, но когда приходили с винтовками на завод, над нами посмеивались и относились иронически. С этим пришлось бороться. Были назначены маневры на Павловке. С одной стороны—командовал Михайленко, с другой—Лебедев. По оперативной части Лебедеву удалось обмануть Михайленко, но благодаря хорошей разведке Михайленко не удалось взять. Были два—три случайных ранения. Затем часть полка была распущена, все члены партий вернулись обратно; с уходом Михайленко с завода, вся работа затихла. Когда мы пошли в полк, меньшевики против этого возражали, но когда мы ушли, они создали свой отряд и обучались отдельно, и когда рабочие им задавали вопрос: «на кого вы будете итти», они не знали, что ответить. Пока не было Артема, дело обстояло плохо, агитация в пользу большевиков была слаба. С приездом Артема, был устроен митинг, на котором выступало 15—20 ораторов, из которых не было ни одного большевика, но когда на трибуне появился Артем рабочие долго говорили: «меньшевиков долой» и переходили в наши ряды. Большое участие в работе принимал не бывший тогда членом партии Захаров.

П. Хин.

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОКТЯБРЬСКИХ ДНЯХ В ХАРЬКОВЕ.

После июльских дней нами повелась работа по перевыборам в Совет рабочих депутатов, в котором наша фракция оказалась в 120 с лишним человек. В Исполкоме нас было $^2/_3$. В Исполкоме мы и повели работу по подготовке к захвату власти. Работа заключалась в создании Красной Гвардии, усилении военного совета большевиками и борьбе с соглашательскими партиями.

О том, что будет в скором времени взята власть в руки Советов, мне стало известно на происходящем в Москве с'езде Союза Городов, на котором я был делегатом от Харьковской демократической думы (от фракции большевиков). На этот с'езд были присланы из Петрограда т.т. Урицкий и Лозовский, которые представляли две различных точки зрения. Урицкий был за немедленный переход власти к Советам, выражая точку зрения т. Ленина, а Лозовский был против, выражая точку зрения Луначарского и Зиновьева. На об'единенном заседании фракции с'езда, (нас там было всего 16 человек)—13 высказалось за немедленный захват власти, трое против этих требований —Лозовский, представитель Екатеринослава (не помню фамилии) и один представитель Москвы.

По возвращении в Харьков мною был поставлен в известность о таковом решении Х.К. С этого момента еще усиленнее повелась подготовительная работа.

Числа 27—28 октября, в точности не помню, мне сообщили, что в Москве идет бой. Я сейчас же позвонил в Московский Совет рабочих депутатов, запрашивая, что делается в Москве. К телефону подошел тов. Смидович и сообщил, что в Петербурге власть уже взята Советами. В Москве идет бой. Необходимо в Харькове взять власть, а также сообщить во все места о немедленном взятии власти Советами.

Разговор мой велся из кабинета бывш. губернского комиссара, ставленника Керенского, который присутствовал при этом. Услышав, что Москва дала распоряжение взять власть в руки Советов, Кузнецов спросил: «Как вы поступите, как председатель Исполкома?» Я ему отвечал: «Вашей власти больше нет. С этой минуты об'являю власть Советов, а вы можете отправиться на все четыре стороны».

Я поднялся к себе в кабинет, где застал секретаря Исполкома Ерухимовича, левого эс-эра. Поставил его в известность обо всем происшедшем и задал ему вопрос: «С кем вы,—с нами, или против нас?». На что он ответил: «Я работал с вами до сих пор, мы пойдем вместе». Тогда я ему велел немедленно пойти в Х.К. и пригласить всех членов комитета в Ис-

полком, так как на телефонные звонки никто не отвечал. Сам я позвонил в железнодорожный Штаб Красной Гвардии т. Корнееву—начальнику Ивановского железнодорожного района, чтобы он собрал Красную Гвардию и явился в Исполком. Далее я сообщил Коле Рудневу, Абраму Петриковскому, чтобы они немедленно явились туда же. В это время Ерухимовичем были розысканы Федя Тиняков и член Исполкома Павлов—левый эс-эр. Когда явились Коля Руднев и Абрам, было решено немедленно занять 30-м полком (большевитским) вокзалы: Южный и Балашевский, Государственный банк, главную почту и телеграф. Рабочей Красной Гвардией были заняты Исполком, телефонная станция, междугородная станция и целый ряд других. Тут же было сообщено по телефону в Юзовку, Полтаву, Ростов, Бахмут и по уездным городам Харьковской губернии о том, что в Харькове власть захвачена Советом и чтобы там было сделано то же. В 10 часов утра был созван Исполнительный Комитет, корорый избрал Военно-Революционный Комитет под председательством тов. Артема, и военная власть перешла к Революционному Комитету. Таким путем самый факт захвата власти произошел бескровно.

Разгон думы.

Ко времени захвата власти Советом эс-эры имели много сторонников в стоящем в Харькове Броне-дивизионе, кроме того, на Москалевке стоял Гайдамацкий полк; в нашем же распоряжении были только 30-й и 32-й полки, рабочие были слабо вооружены. Таким путем эс-эровск-гайдамацкие части равнялись нашим. Нам нужно было оттянуть время, пока мы сорганизуемся и вооружим рабочих. До этого времени решено было Думу не трогать, несмотря на то, что ее, как эс-эро-меньшевитско-кадетскую, не выражавшую интересов пролетариата и контр-революционную, принципиально решено было разогнать.

В ноябре месяце из Москвы приехал т. Антонов, Главком Южфронта, его отрядами была подкреплена наша вооруженная сила; тогда же нами были разоружены как гайдамаки, так и броне-дивизион. После их разоружения было постановлено Х.К.—Думу распустить. Провести это в жизнь было предложено Советской и Думской фракциям, что и было исполнено на первом очередном собрании Городской Думы.

Когда собралась Дума, то по поручению Думской фракции я должен был выступить с внеочередным заявлением: от имени Исполнительного Комитета приказать немедленно Думе разойтись и считать Думу несуществующей. Так я и сделал.

Дела Городской Управы были приняты Исполнительным Комитетом, Несмотря на то, что все анти-советские партии предвидели этот разгон, на них это заявление подействовало как разорвавшаяся бомба. Поднялось целое столпотворение, хотя в самый момент моего заявления в Думе была такая тишина, какой ни на одном заседании не было.

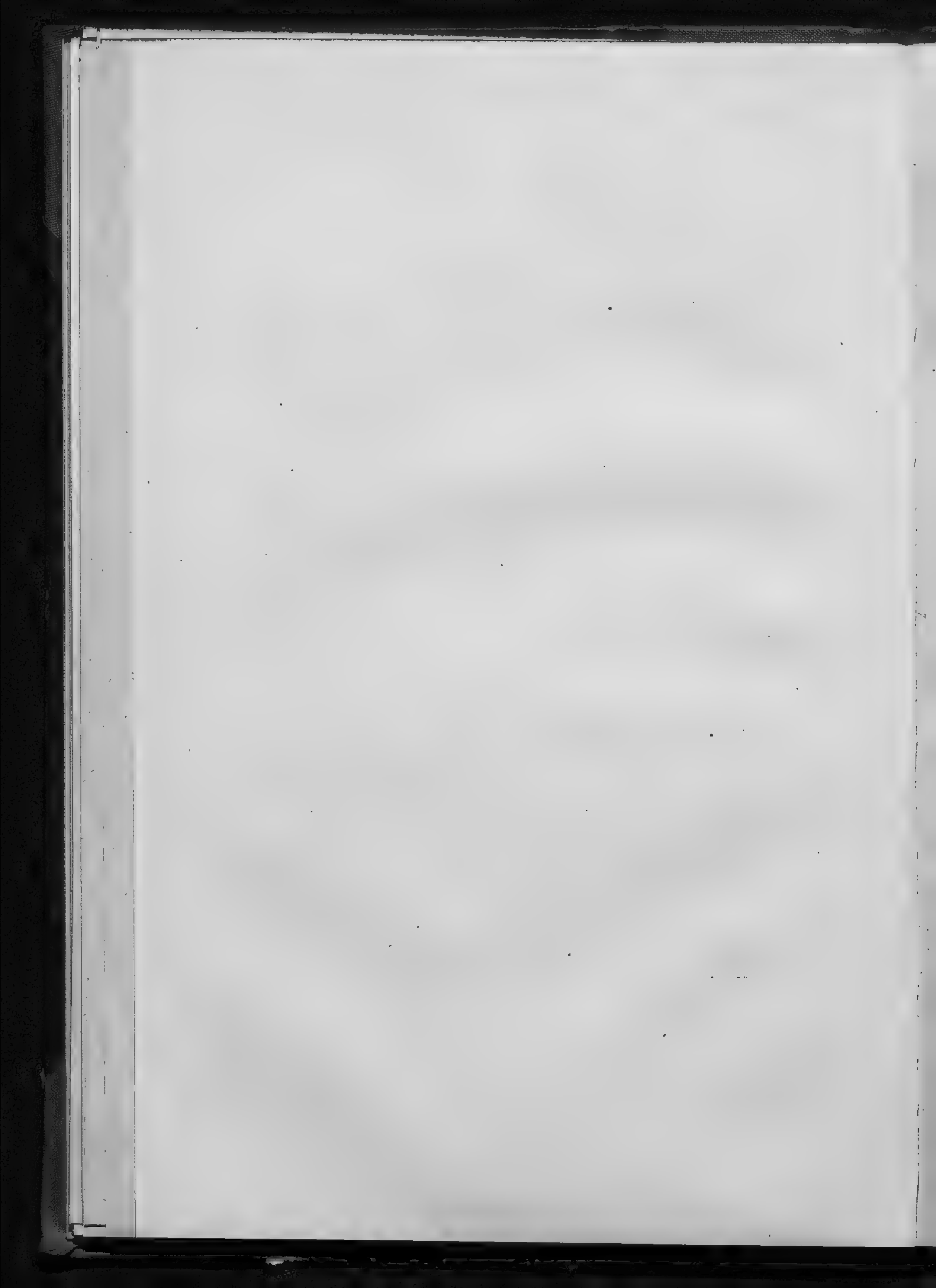
Не более, как через час Дума разошлась по домам. На следующий день Исполнительный Комитет выделил Коммунальный Совет в составе 4-х человек: 3-х большевиков—Кин, Гусаков и Ефименко, и одного левого эс-эра, которые приняли дела Управы на другой день. Таким образом, еще один контр-революционный очаг перестал существовать.

Харьков. 15 Октября 1922 г.

Воен-полевой агит-отдел Дон-Крив. республики.

1. Шевченко. 2. Тишаев 3. Зиновьев. А. 4. Бушев.
5. (Фамилия не установлена). 6. Зиновьев В.

Б. Магидов.

ОРГАНИЗАЦИЯ ДОНЕЦКО-КРИВОРОЖСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И ОТСТУПЛЕНИЕ ИЗ ХАРЬКОВА.

Автор настоящего воспоминания вынужден поставить себе весьма скромную задачу,—хотя бы в самых общих чертах восстановить период работы в Харькове, связанный с организацией Донецко-Криворожской Республики (Кривдонбасс).

Под рукой нет ни одного документа.

Текущая повседневная кипучая неотложная работа так увлекает, что нет почти физической возможности сосредоточиться на прошлом, тем более, что во всем, о чем можно бы и должно бы написать, автору настоящих строк пришлось принимать активное участие.

Трудно писать о том, в чем самому пришлось активно работать.

Идея организаций Криворожской Республики главным образом вызвана была необходимостью резче и рельефнее выявить диктатуру пролетариата против свирепо воинствовавшего в ту пору Украинского национализма.

Надо было прежде всего об'единить, сорганизовать, спаять, скрепить пролетариат в единую централизованную силу, вооружить его для борьбы с достаточно еще сильной, далеко не сломленной буржуазией, на поддержку которой шли социалисты всех мастей.

Отсюда и родилась мысль об организации Донецко-Криворожской республики.

После 2-го С'езда Советов и 1-го Всероссийского С'езда Профсоюзов (делегатом на С'езде Советов я был от Харьковского Совета, на С'езде Профсоюзов—от горняков) во второй половине января 1918 г. в Харькове в «Метрополе» состоялось совещание на котором присутствовали: Артем, Васильченко, Жаков, Филов, Коля Руднев (убитый в 1918 г. на Царицынском фронте), Семен Шварц. В. Межлаук и другие товарищи (затрудняюсь вспомнить).

Отсутствовали т.т. Ворошилов (был градоначальником в Питере), Рухимович (на Калединском фронте), Каменский А. (где был—не припомню) и др.

Собрание открыл тов. Артем, отметив цель и задачи организации Криворожской Республики и особо подчеркнув необходимость организации пролетарской власти—власти Советов, вокруг и под руководством которой об'единялось бы крестьянство.

Необходимо отметить, что в ту пору уже существовал Областной Донецкий Комитет Р.К.П., секретарем которого был, если не ошибаюсь, в ту пору Семен Шварц. В него входила и часть товарищей, присутствовавших на том собрании.

Насколько мне помнится, предложение тов. Артема не встретило особых возражений, и тут же был намечен состав Совнаркома. Председателем—т. Артем (он же председ-

дателем Областного Совета народного хозяйства), Внудел—т. Васильченко, Просвещения т. Жаков, Юстиции—т. Филов, по военным делам—т. Рухимович, заместителем его—т. Руднев; финансов, если не ошибаюсь,—т. В. Межлаук, и контроля—т. Каменский, труда—Магидов.

За работу все взялись немедленно.

Тов. Жаков передавал мне, как его не хотел пустить сторож в Округе Просвещения из-за слишком плохого на нем костюма, и как тот долго колебался, пускать или не пускать «пролетарского министра» к исполнению его обязанностей.

Всюду и везде приходилось преодолевать много трудностей, дело было новое и весьма непривычное.

Всюду и везде было засилье меньшевиков и эс-эров, приходилось не особенно церемониться и действовать решительно.

Из организационных мердприятий следует отметить С'езд предстивителей хозяйственных и профессиональных организаций с участием т. Осинского, на котором был избран областной Совет Народного Хозяйства.

На самом с'езде нам пришлось вести весьма резкую и решительную борьбу с меньшевиками. В нашей среде тогда уже был тов. Ворошилов (вскоре ушедший со своим отрядом на борьбу с немцами), и нам удалось разбить основательно меньшевиков.

Во главе Совета Народного Хозяйства стоял т. Артем, а по отделам—ряд народных комиссаров Кривдонбаса.

Однако, долго нам работать не пришлось: немец наступал на Украину, и пришлось подумать об оказании сопротивления.

Был выделен Чрезвычайный Штаб, при активном и живейшем участии т.т. К. Руднева, Рухимовича, Артема.

Автор настоящих строк был послан в Дергачи для организации окопных работ и проволочных заграждений.

Приехав в Дергачи, я обратился в Исполком—там были с.р., да еще украинские, и мы как-то счастливо избегли ареста и даже избиения, ибо был праздник и вокруг Исполкома было очень много пьяных.

Ехал я также в Люботин. Там даже отдал приказ о трудовой повинности всего населения для рытья окопов,—но уже было поздно.

Немец пер во всю.

Однако мы все же не переставали оставаться в Харькове—заранее будучи уверенными, что нам из Харькова придется уйти.

В конце марта и первых числах апреля учреждения Наркоматов стали понемногу сворачиваться, хотя работа всюду продолжалась нормально.

Ушли мы из Харькова в ночь с 10 на 11 апреля (кажется точно).

Нашему уходу предшествовало собрание Харьковского Совета.

Помню, как сейчас, на Совете мы подробно изложили причины ухода, высказав твердую уверенность, что мы скоро вернемся в Харьков с большим революционным опытом.

Наш уход на всех присутствующих подействовал весьма удручающе.

Особенно почувствовали себя «осиротелыми» с.р. и меньшевики.

Из меньшевиков с нами особенно нежно распростился Н. Н. Попов, и уже тогда чувствовалось, что он несомненно будет наш.

Вообще мы всюду и везде говорили открыто, что уйдем, ничуть не впадая в панику, а трезво взвешивая факты.

Такая откровенная пролетарская тактика особенно была понятна массам, когда мы вернулись обратно в Харьков, после разгрома гайдамаков и немцев.

Всюду и везде говорили:

«Вот ведь правду говорили: уйдем, да придем,—и пришли!».

Надо отметить, что до отхода из Харькова часть членов Совнаркома Кривдонбасса (Артем, Рухимович, Магидов) принимали активное участие в организации отрядов, а само

главное—всеми мерами старались внедрить в сознание Красногвардейцев революционное значение дисциплины.

Из Харькова мы отступили на Луганск, где на пути на Основе нас встретил т. Ворошилов, тогда уже принявший от т. Антонова-Овсеенко командование 5-ой армией.

У Змиева у нас было первое боевое крещение, которого мы меньше всего ожидали. Автор настоящих строк лежал себе спокойно и читал «Мать» Горького—и совершенно неожиданно небольшое сотрясение вагона заставило прекратить чтение и взяться за исправление разобранного пути, при чем немец старался нам в этом мешать, посылая пулеметные гостинцы.

Артем, Рухимович, Васильченко пошли вместе с отрядом в бой, отогнали противника верст на 15, захватив кой-какие трофеи.

Со стороны противника был убит немецкий офицер (были взяты с бою документы, фотографические карточки и т. д.). У нас были раненые.

Работа шла на редкость дружная.

В Луганске мы, если можно так выразиться, немного привели себя в порядок, связались с Москвой, и направились дальше.

Из Луганска с нами отступила вся Луганская организация и не мало беспартийных.

В итоге, как известно, Ворошилов со своей армией пробился в Царицын.

О перепетиях, переживаниях на пути следования в Царицын можно бы и должно бы рассказать очень много интересного.

Но это требует очень подробного описания.

Важно в заключение отметить одно: Совнарком Кривдонбасса, как орган власти, сыграл весьма положительную, организующую роль во время стихийного отступления от немцев.

На всем протяжении от Харькова до Царицына рабочая масса видела в членах Совнаркома своих руководителей, разделявших с ними все трудности, преодолевая часто непреодолимое. А не только на пути в Царицын, но и в самом Царицыне—таже группа товарищей, к которой еще присоединился в Луганске т. А. Каменский, а на ст. Змиев—т. Вадим (с отрядом) своей самоотверженностью, революционной настойчивостью создали Десятую Армию.

Всем оставшимся в живых из этой группы необходимо взяться за описание великого похода—из Харькова до Царицына.

Тов. Пирог.

ВОСПОМИНАНИЕ ОБ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ КРАСНОГВАРДЕЙЦА ЗАВОДА В. Э. К.

Зашевелились рабочие. Пошли в Красную Гвардию, в Штаб Антонова. Но скоро большинство были откомандированы; кто куда.

Едет на Калединский фронт тов. Рухимович с рабочими ВЭК. С ними идут пять рабочих с завода Мельгозе и шесть с завода Эконом. Из'явили также свое согласие итти с Гельферих-Саде 2 человека добровольно на Донецкий Бассейн чтобы общими силами его очистить от нашествия Калединской банды.

До этого получаем распоряжение итти в Москалевские казармы разоружать Украинский полк. Пошли мы лихо. Еще более проникнулись революционным чувством.

Поехали на Сватово-Лучку. Там Революционный Комитет жаловался, что сильно производится гонка самогона каким-то бывшим жандармом.

Был тотчас же дан мне мандат и отряд. Пришли на место обыска. Нашли в закромах 2 бочки, семь ведер самогона; завод был хорошо устроен и оборудован (нелегально).

Сейчас же был вылит самогон и завод разрушен. По указанию этого же жандарма на соседний завод, мы и там проделали ту же операцию довольно успешно.

Тронулись дальше по железной дороге. Вдруг получаем знак остановиться; начали испытывать наши пулеметы и изучать военные действия дорогой. Когда приехали на ст. Дебальцево, нам сказали, что за два часа до нашего приезда казаками был расстрелян Дебальцевский Совет. Начали мы преследовать казаков по пятам. С Енакиева по ветке проехали на один из рудников; там узнали, что казаками были расстреляны китайцы. Пошли дальше пешком верст семь. Наткнулись на 400 казаков, нас было душ 150, во главе с тов. Рухимовичем; дошли до деревни; построились в цепь и пошли: серединой, правым и левым флангом.

Характерно, я шел левым флангом и подошли мы первые к экономии. Тут показался навстречу сам Рухимович и говорит: «Не торопитесь, уже удрали казаки». Я поразился, что тов. Рухимович шел впереди от нас к экономии, как разведчик.

Вошли в экономию. Оттуда запахло вином. Начали собираться крестьяне; нанесли хлеба. Взяли мы хороших лошадей и поехали обратно к эшелонам, к ст. Гуковой. Тут остановились и к вечеру тихо, цепью пошли в наступление на Зверево. На паровозе был Сущинский. В момент подхода к Звереву был приказ стрелять. Ударили из пулеметов и ружей. Момент... и станция в наших руках. Но так как было темно, то нам продержаться более двух часов не было возможности и мы отступили.

По отступлении нашего эшелона назад, наш паровоз и батареи для оказания нам помощи, вследствие темноты, наткнулся на наш эшелон и получилось крушение. Разбито было более двух вагонов с продовольствием и ящики с обмундированием. Начали очищать путь. Мне было дано задание отойти от неприятеля на полторы версты и разобрать линию, я взял несколько человек и пошел. С большим трудом сдвинули с места рельсы, разгрузили и очистили дорогу только под утро. Устали мы сильно; кто отдыхал, кто что-либо делал. Я выехал вперед. Встречная девочка мне сообщила. «Дядя, там идет цепь». Я немедленно сообщил тов. Ганце, командиру отряда. Он принял эту весть с иронией, думая что это были рабочие, идущие на работу. Но через несколько минут поднялся шум: просили пулеметов. Погнали офицерский отряд, где был убит князь Златоустов, что удалось установить по документам. Был также убит штабс-капитан, лейтенант и барон. Почти не было прапорщиков. Потом меня командировали за вагонами для продуктов. За ночь нагрузил все необходимое и поехал на фронтовую полосу. Так мы, харьковские рабочие красногвардейцы, воевали и устанавливали Советскую Власть в рабочем очаге, Донбассе.

Буздалин.

ВОСПОМИНАНИЯ.

Моей задачей является описать события, предшествующие Октябрьской Революции в Харькове. Апрель месяц характерен выявлением двух тенденций в руководящей верхушке Харьковского Комитета Р.С.Д.Р.П. (большевиков) по вопросу об об'единении с меньшевиками.

Сторонниками об'единения были Иванов Алексей, Тиняков Федор (впоследствии убитый на Корниловском фронте в Донбассе, в январе 1918 г.), Лугановский Эммануил, а в последствии и Кин.

Группу против об'единения составляли: Судик, Сурик, Буздалин, Покко и др. Вторая группа была в большинстве двумя голосами. Организация в массе также была против об'единения.

Весь апрель и часть марта прошли в дискуссиях в Харьковском комитете. Группа большинства провела выдержанную позицию против об'единения с этими прихвостнями буржуазии.

Первое мая прошло под знаком агитации против меньшевиков за захват власти рабочим классом, а также раз'яснения широким беспартийным рабочим массам сущности и контр-революционности временного правительства и роли в нем меньшевиков и эс-эров. Меньшевики и эс-эры советовали рабочему классу подождать воевать против буржуазии, пока он у нее не научится управлять государством.

Май и июль прошли под усиленным натиском со стороны нашей организации на заводах и фабриках за овладение Харьковским Советом. На крупных фабриках и заводах (ВЭК, Паровозостроительный, Герлях Пульс, Мельгозе, Гельферих-Садэ, Железная дорога, Русско-Французский завод) проходили делегаты в большинстве от нашей партии. Но у меньшевиков было преобладающее влияние в непроизводственных союзах, где фракции меньшевиков и эс-эров были представлены в большинстве. Зато в рабочих кварталах билась жизнь в такт с нашей партией.

При подготовке к выборам в Городскую Думу, прежние сторонники об'единения с меньшевиками теперь выдвинули снова вопрос о блоке при выборах в думу совместно с меньшевиками. В организации по этой линии вновь образовалось два течения: сторонники об'единения—Кин, Алексей Иванов, Федор Тиняков, Лугановский, и противники—Судик, Сурик, Буздалин, Покко и другие. И на этот раз в комитете несколькими голосами было большинство противников блокирования с меньшевиками на выборах в Думу.

Недовольные своим поражением в комитете сторонники об'единения перенесли вопрос на общее собрание гор. организации, состоявшейся в помещении бывш. дворянского собрания.

Резолюция противников блока прошла большинством трех голосов. Тогда „об'единенцы" заявили, что они не берут на себя ответственности за дальнейшую работу Х. К., и при выборах отказались войти в Комитет. Собрание не особенно настаивало на этом. До этого тов. Алексей Иванов на собрании ссылался на возможность, что Холодногорская районная организация, вопреки постановлению общего собрания будет блокироваться с меньшевиками. Но дисциплина нашей партии оказалась крепкой.

События не заставили себя долго ждать. День выборов был назначен вскоре после 3 июля. Приходилось проводить выборную кампанию в тот момент, когда буржуазия после июльского выступления увидела, кто такие большевики. Направляя всю свою ненависть против нашей организации, выдавая нас агентами Вильгельма, шпионами, буржуазия в своей травле увлекла в большей части меньшевиков и эсэров. Последние нас обвинили в том, что мы расчищаем дорогу контр-революции своими выступлениями и т. п. Это их поведение отрезвило головы наших соглашателей блока с меньшевиками. С тех пор ими не поднимался вопрос о компромиссах с меньшевиками.

Я приведу случай, характеризующий, насколько была сильно развита клевета против партии и его вождя—тов. Ленина. Рабочий завода Дитмара, член нашей партии, придя в Х. К., подал партknижку со словами, что он не может состоять членом партии, потому что тов. Ленин является германским шпионом. Несмотря на долгие с ним беседы, убедить его в противном не удалось. Правда, такие случаи были редки, но они характеризуют проведенную против партии и ее вождя агитацию.

Я приведу другой случай: 6-го июля я отправился в Москалевские казармы с тов. Рудневым прочитать солдатам доклад на тему «Наша земельная программа». Солдаты, человек 1000, собрались во дворе полка. Председательствовал штабс-капитан —председатель полкового комитета, который назвал себя эс-эром. Речь его сводилась к тому, что соберется Учредительное Собрание и наделит крестьян землею. Зная заранее свое поражение, он убеждал собрание, что чужого слушать не стоит, и что мол большевики—германские шпионы. Большая часть солдат требовала, чтобы мне дали слово для изложения нашей программы. Офицеры натравливали солдат на самосуд, но непосредственно сами, конечно, не принимали участия. Я долго оставался среди этого бушующего моря голов, возражая против тактики офицеров. Один из офицеров. видя, что солдаты не хотят приступить к самосуду, скомандовал: «в шеренгу» —и я очутился в пустом пространстве, чтобы пройти через строй.

Тов. Коля Руднев стоял в стороне во дворе. Под свист, шум, ругань и протягивающиеся ко мне костыли раненых солдат я направился к выходу со двора казармы.

Еще до июльских дней владельцы типографий отказывали в печатании нашей газеты „Пролетарий".

Организация вынуждена была поставить вопрос о приобретении собственной типографии, но денег не было. Были организованы среди членов сборы и выпущены паи по 5 руб. Были также посланы ответственные сборщики-агитаторы по Донбассу.

От'езд агитаторов совпал с июльскими днями. В числе таких агитаторов был и я. Мне пришлось быть на Горловке и ближайших рудниках. Помню рудник Бунге, Петровский завод и Енакиевский комитет партии. Я провел кампанию по раз'яснению июльских событий, а в Енакиево выборную кампанию в Городскую Думу. Рабочие были на нашей стороне. Они все поддерживали нашу партию и охотно после доклада давали деньги, собираемые нашими

товарищами. Скоро деньги были собраны, и в сентябре типография была куплена у Брука за 40 тысяч р. Заведующим ее был назначен старый партиец—т. Семен Шварц. Типография помещалась на Вознесенском переулке, 3. Там же помещался Х. К.

Июль—приезд т. Артема.

Наша Харьковская организация а также Харьк. К-т были исключительно из рабочих. В Комитете из интеллигентов был только тов. Сурик и Лугановский, остальные—все рабочие: Судик, Данилевский (убитый в гражданской войне), Покко, Буздалин, Алексей Иванов. Состязаться нам приходилось с книжной публикой из интеллигентов — меньшевиками: Бером, Коном, Саном, Рожициным, Н. Н. Поповым, вплоть до таких архи-кадетствующих меньшевиков, как Рубинштейн и Поддубный. Приезд тов. Артема встретили с энтузиазмом, особенно те, кто знал его по революции 1905 года и по работе его в Харькове, где он принимал активное участие в наших рядах. Тов. Артем, по силе своего интеллекта, занял место лидера, которого, строго говоря, не было, и нам стало легче тягаться с книжной публикой—эс-эрами и меньшевиками, хотя в обиду себя на рабочих собраниях не давали и раньше. Наши задачи были просты и ясны, и нас рабочие понимали классовым чутьем и всем ходом предшествующей борьбы рабочего класса.

Август—Сентябрь.

Наступление на фронте. Действия правительства Керенского убеждали рабочих в никчемности политики меньшевиков, и эс-эров. Рабочие эс-эры на заводах стали одиночками и группами уходить от них. Сентябрь и октябрь были прелюдией их господства. Рабочие только теперь увидели, что делом рабочего класса и революции могут руководить только большевики. На заводах и фабриках, на железных дорогах август-сентябрь прошел также под знаком интенсивного возрождения организации и создания кадров Красной Гвардии. В организации господствовало убеждение, что в ближайшее время буржуазия вызовет рабочий класс на бой. Существовало мнение опередить буржуазию и дать ей бой, чтобы покончить навсегда игру меньшевиков и эс-эров и их социальный мир с буржуазией.

В момент октябрьского переворота мне пришлось быть в Донбассе, по делам Харьковского Совета, и я вернулся 30-го октября. Мне сообщили, что заседал Совет и постановил всю власть передать Советам. На собраний в качестве гостей присутствовало необычайно много рабочих, так как последние боялись, что предложение большевиков не пройдет, если не будет давления со стороны их.

Рабочие требовали передачи власти Советам. С нами голосовало также несколько эс-эров. С этого дня Харьковский Совет стал парламентом рабочего класса. Но наша фракция, руководимая на этом заседании тов. Алексеем Ивановым, (Артема не было в Харькове), не поставила на этом заседании вопроса о перевыборах Харьковского Исполнительного Комитета, который в это время был в своем большинстве большевитским и эс-эровским. Лишь через две недели Исполнительный Комитет был избран в своей массе из большевиков.

30 октября приехавший из Москвы тов. докладывал об октябрьском перевороте в Питере. В театре «Буфф», где происходило собрание активных работников Харьковской организации в числе 30 человек (т. Артем был в Питере), обсуждался вопрос: справится ли партия в новой обстановке? На собрании т.т. были пессимистически настроенные, и оправдывали позицию Луначарского и Зиновьева, которые, как известно, в момент октябрьского переворота в

Питере советывали «не спешить». Тов. Рухимович и еще несколько человек поддерживали эту позицию Луначарского и Зиновьева. Выступавшие тов. Киркиж, Буздалин, Покко категорически требовали призвать к порядку т.т. Зиновьева и Луначарского доказывая, что их уход—есть малодушие и неверие в силы рабочего класса.

Выступления последних рассеяли навеянную на них тучу пессимизма, и собрание решило смело итти в своем наступательном движении. Была принята резолюция, призывающая к порядку тов. Зиновьева и Луначарского, и одобряющая постановление Питерской организации.

Ноябрь месяц прошел под знаком открытого формирования отрядов Красной Гвардии и организации специального штаба как в городе, так и на заводах. На заводе ВЭК'а организатором Красной Гвардии был член ХК тов. Пастер. В ноябре они (отряды) уже получили боевое крещение в первых стычках с белогвардейщиной. Владельцы фабрик и заводов об'явили локаут, отказываясь платить рабочим. Пришлось посылать комиссаров и работу заводов продолжать.

С декабря месяца по день ухода из Харькова Советской власти (8-го апреля) Харьков стал организационным центром вооруженных сил и базой снаряжения всех родов оружия рабочего класса в Красную гвардию. Харьков посылал силы в Донбас, где и происходили главные сражения рабочих с буржуазией. Вся работа организации разко изменилась: от агитации и борьбы с меньшевиками и эс-эрами, организация перешла на вооруженную борьбу с буржуазией.

В январе ушли на фронт все лучшие работники. Лучшими агитаторами из них являлись: тов. Тиняков, Данилевский, Пастер, Сапельник и др. Многие из них не вернулись с фронтов обратно в наши ряды. Остались убитыми: тов. Тиняков — в Донбасе, тов. Данилевский — на южном фронте, тов. Сапельник — под Харьковом, все за великое дело освобождения рабочего класса.

ВОСПОМИНАНИЯ ТОВ. МИНАЙЛЕНКО.

Наступил октябрь. Положение было серьезное; власть целиком перешла в руки большевиков. Пришлось больше выставлять караулов охраны и т. д. В штабе как посидишь ночь, то на утро чувствуешь себя окончательно разбитым. За ночь приходилось расс прашивать, выяснять всякие дела каждые пять минут. Гвардейцы приводят всяких типов. Помню, Рухимович находился в ревкоме в теперешнем доме Исполкома. Приходишь к нему по какому нибудь вопросу обычно ночью или поздно вечером. Он сидит в кресле и дремлет. Днем к нему не доберешься, т. к. народу уйма, заседаний всяких тоже много. В кабинете грязно, винтовки, патроны и другое оружие лежит в углу. Гвардеец стоит у дверей, Папков сидит сбоку и спит. Он бедняга за день по поручениям тоже намотается. Пойти домой и лечь спать, об этом некогда было думать. Знаешь, что каждую минуту тебя разбудят.

13 декабря нам пришлось принять первое боевое крещение с Корниловскими частями под Белгородом. Утром в Харькове на всех заводах загудели тревожные гудки, чувствовалось что-то неладное. Гвардейцы с винтовками сбегаются в штаб и быстро узнав, что враг близко, строятся и на вокзал.

После ликвидации Корнилова, мы выехали вскоре в Лозовую на гайдамаков. Здесь нами командовал Коля Руднев. Не долго были под Лозовой, пришлось отступить. Я был измучен: холодно было, перемерз. Отступал вместе с Рудневым, потом не помню как я расстался с ним. Очнулся я на Краснопавловке в пустом вагоне. Наш отряд расстроился. Пришлось вернуться в Харьков. Потом выехали под Павлоград. Отступая взяли в Павлограде с одним вагоном паровоз, несколько гайдамаков, а я с отрядом взял другой паровоз, на тендер поставил пулемет и—в догонку. Нагнали у Синельникова, открыв из пулемета стрельбу в их вагон. Мне удалось на Синельникове убить выскакивавших на ходу 2—3-х гайдамаков. Взяв станцию, мы завязали перестрелку в поселке. Укрепились мы на базаре за рундуками и держали под обстрелом перпендикулярно базару лежащую улицу, через которую гайдамаки перебегали. Побили порядком. В Павлограде петлюровцы поналивали в колодцы спирту, дабы наших ребят споить. Пришлось выставлять караулы.

Вернулись в Харьков под Рождество. Потом пришлось двигаться на Дон бить Каледина. Над отрядом взяли командование тов. Рухимович и Сапельников. При выезде из Харькова в эту ночь нам пришлось еще выполнить одну задачу: это разоружить Украинский полк на Москалевке.

Прибыв на станцию Дебальцево, мы застали отряды Шахтеров и др. Простояв недолго, мы получили назначение выехать в направлении станции Зверево, для ликвидации находившихся там отрядов казаков. Перед этим мы еще с Дебальцева пешим порядком двинулись на Ясиновский рудник (нужно заметить,

что в то время война велась исключительно эшелонная, т. е. за цепью двигались эшелоны наши). На руднике мы обнаружили много изуродованных трупов рабочих, которых казаки расстреливали. Продвигаясь к Звереву, нам по пути пришлось иметь небольшие стычки с казаками. На Штеровке мы соорудили из пульманов броневик и пошли дальше. Не помню точно, на каком руднике в это время был предательски убит тов. Переверзев.

Подойдя к станции Гуково, мы узнали, что в Звереве имеются казаки. Наш военный Совет решил взять станцию Зверево. Ребята были рассыпаны в цепь, и пущен был наш броневик, на котором сидел и я. Было уже темно. Мы ворвались на станцию, открыли ураганный огонь из винтовок и пулеметов, выбили казаков, но ввиду недостатка сил, удержать ее нам не было никакой возможности. Начали отступать. Наш паровоз оказался подбитым, а стоявший на нем тов. Сушинский также был ранен. Необходимо было его заменить. Ночь темная, ничего не видно. С трудом разыскали холодный паровоз; пока растопили, времени прошло много. При подаче нашего эшелона назад от Зверева, случилась катастрофа. Железнодорожная администрация подпустила к хвосту нашего эшелона паровоз, который разбил несколько вагонов. Поднялась паника. Наконец, к утру мы успокоились и начали разбирать битые вагоны и очищать путь. Картина была ужасная. Гвардейцы были в унынии. Часам к четырем вечера разведка донесла, что нас окружили кадеты. Моментально раскинулись в цепь и пошли. Эшелон стоял в середине. Завязался бой. Это было под ст. Гуково. Часть же отряда вела бой в стороне Зверева. Здесь пришлось выдержать бой солидный. В этом бою я был ранен, и меня тов. Холмская (которая была на линии огня) дотащила до вагона (санитарного). Дальнейшего я уже не знаю, так как был уже в санитарном вагоне и направлялся в Харьков. Доехали мы до ст. Должанской. Меня поместили в рудничной лечебнице. Здесь я немного оправился. Рабочие рудников приходили ко мне, и вели разговоры, хотя врач и не велел.

Кушать было вволю, так как рабочие приносили часто. Отсюда я был направлен в Харьков для излечения. Прибыв в Харьков меня поместили в б. офицерский госпиталь в Красном Кресте. Здесь мне пришлось столкнуться с офицерами, которых я всеми фибрами моей души ненавидел, так как в то время у меня было убеждение, что офицеров нужно всех уничтожить, как кадетов. Часть из них отнеслась ко мне дружелюбно, я их впоследствии и привлек для работы в Кр. Гвардии. Часть пришлось отправить к тов. Сурину в Ч. К.

Немного поправившись, я начал работать в организованном тогда Чрезвычайном Штабе Донецко-Криворожской Республики. Это было в марте 1918 года.

Вспоминаю еще один момент. Когда мы стояли на ст. Дебальцево, получилось извещение из Харькова, что тов. Рухимович избран Комиссаром по военным делам. В это время прибыл к нам Антонов. Между Рухимовичем и Антоновым произошел скандал. Пользуясь назначением Рухимовича, он настаивал на скорейшем его от'езде в Харьков. Узнавши об этом, Красногвардейцы подняли шумиху и ни в коем случае не хотели отпустить Рухимовича. Так он и остался с нами.

Началось наступление немцев. Пришлось отступать из Харькова. Помню последнее заседание Совета, на котором тов. Кин дал понять меньшевикам, что пока он в Харькове, власть все же будет Советская, а не меньшевитская. Незадолго перед отступлением, каждый вечер приходил в штаб к тов. Рухимовичу меньшевик Рубинштейн и задавал один и тот же вопрос: «Ну как—скоро? как дела?» и каждый раз тов. Рухимович

ему отвечал со спокойной улыбкой на лице: «Ничего, еще держимся».

Наш эшелон, в котором находилось правительство, ехал на Змиев. Под Змиевом нам пришлось столкнуться с немцами. Всетаки мы не струсили. В то же время тов. Ворошилов ударил по немцам из Основы, и те начали удирать. В результате мы захватили 2 орудия и др. боевое снаряжение. С этих пор прошло все время в боях. Прибыли в Луганск—на Миллерово, с Миллерова—на Лихую, с Лихой—на Царицын. Не доезжая до ст. Глубокая и недалеко от Каменской, нас застал день Первого Мая. Тов. Магидов в это время завел разговор с казаками и мало по малу вокруг Магидова собралась группа казаков и Красногвардейцев, человек 150. Начали петь Интернационал. Оказывается, что Магидов решил устроить праздник Первого Мая. Были произнесены речи и устроено шествие вдоль движущегося черепашьим шагом эшелона. На ст. Каменской наш эшелон переезжал через мост под летящими снарядами. Я был комендантом эшелона. Машинисты испугались стрельбы и начали саботировать. Пришлось взять револьвер и угрожать машинистам. С большим трудом переправились через мост. Дальше двинулись на Лихую. Под Лихой пришлось иметь бой с немцами.

Дело было под Пасху. Аэропланы швыряли бомбы во всю. Рано утром на первый день появился аэроплан и это был первый предвестник. Вскоре завязался бой и нас немцы разбили основательно. Началось паническое бегство в направлении на ст. Грачи, и до Белой Калитвы отступали без остановки.

В Белой Калитве мы остановились и начали группироваться. В это время казаки впереди нас начали разбирать пути ж. д., рвать и сжигать все мосты. Командование армией было вручено тов. Ворошилову. Тов. Рухимович руководил исправлением пути и мостов. Мы были окружены казаками. Позиции были в 8-10 верстах от эшелонов, стоящих на расстоянии 2-3 саж. друг от друга на протяжении 15 верст. С большим трудом добрались мы до Морозовской, пол пути от Царицына. Здесь решено было устроить передышку и перегруппировку оставшихся у нас после разгрома частей войск. Морозовская станция была одна из всех станций, которая нас приняла, даже выделили несколько тысяч казаков, которые бились вместе с нами против Краснова. Каждый эшелон представлял из себя движущееся поселение: тут были семьи рабочих, шахтеров, коровы, овцы, свиньи, лошади, куры, гуси и всякое другое домашнее хозяйство. Все это помещалось под вагонами, на вагонах, на тормазных площадках, между вагонами, на буферах. На платформах были нагружены негодные орудия и передки и рядом же коровы и овцы и пр. животные. В общем картина самая что ни на есть живая и пестрая. Лошади от долгой езды в вагонах так к этому привыкли, что если было нужно куда поехать, то с трудом ее бывало вытащишь из вагона. На Морозовской тов. Рухимович редактировал издаваемый там нашими ребятами юмористический журнал «Шалонщик» (взято от слова «Эшелон)», едущие в нем эшелонщики так у нас назывались.

Формирование закончилось и мы двинулись дальше на Царицын, исправляя линию и мосты впереди себя. В паровозы приходилось воду таскать за версту из какого-нибудь болота. Для этого ребята становятся в цепь и ведрами подают.

Под Обливской или Суриковской, точно не помню, казаки наскочили на наш Санитарный поезд и порубили многих из наших раненых.

Конечно, после такого случая наши «Шалонщики» решили отомстить и выполнили это. Двигались дальше, все время с боем и одновременно исправляя линию и мосты. Дошли до ст. Чир. В 14 верстах от

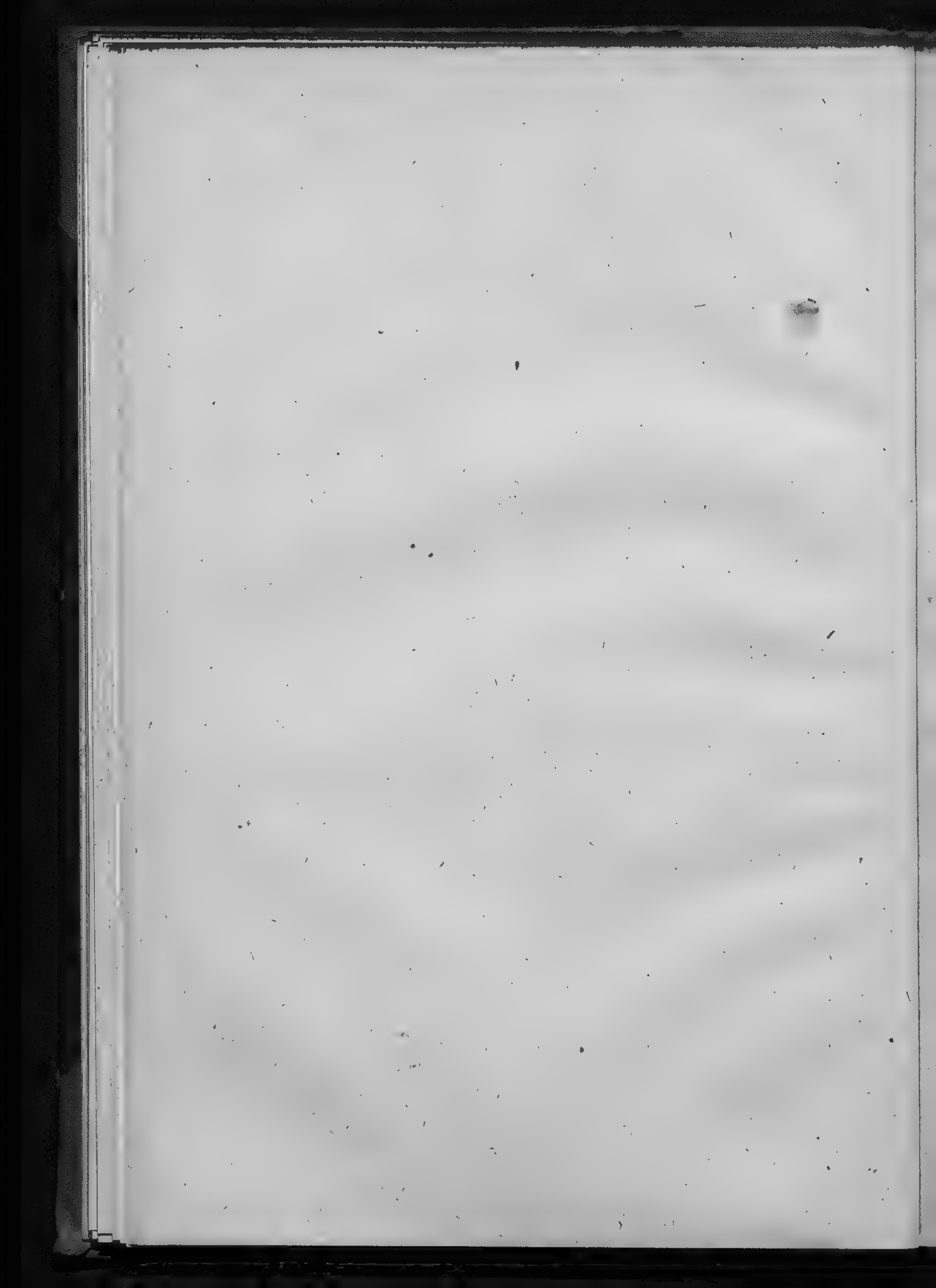
Чира—мост через Дон. Он был разрушен казаками.

Зная, что мост через Дон разрушен сильно, Богаевский разбросал прокламации, чтобы мы сдали оружие и он нас доставит в Царицын благополучно. Пошли к ним на переговоры Руднев, Дед-Куликов. Ло[illegible]ш-Куликов идет и считает молча ш[illegible]и. Потом, возвратясь обратно, Куликов настроил орудия и как открыл огонь, так с тех пор Богаевский уже не предлагал нам сдавать винтовки.

Делать нечего, нужно строить мост и пропускать эшелоны, а у нас их было штук 17, вагонов по 50—60 каждый. Рухимович занялся постройкой. Казаки старались не давать нам строить, путем обстрела из орудий. «Шалонщики» наши разбегались после выстрела, но потом так привыкли, что как только снаряд попадал в воду, то и ловили оглушенную рыбу. 23 дня пришлось провозиться возле моста, но всетаки его закончили, и под общее «Ура» был пропущен через мост бронепозд „Тов. Вадима", который играл у нас не малую роль. На этом бронепоезде был у нас знаменитый матрос Васька Пантелеймонов, по кличке «Квазимода». Это было пугало для царицынской буржуазии, когда их мобилизовали для переноски наших раненых.

Отстроивши мост, мы двинулись на Царицын и на Кривомузгинский. Отступление Украинской армии через Дон на Царицын безусловно исторический момент. Мы были окружены со всех сторон и связи с внешним миром никакой не имели в течение 2-х месяцев.

Руководители наши были: тов. Ворошилов, Рухимович, Руднев и Круссер. Вот те товарищи, которые несли на себе всю тяжесть тяжелого периода. По прибытии в Царицын обстоятельства немного переменились к лучшему.

Тов. АРТЕМ (В. СЕРГЕЕВ).

(БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ ОТНОСЯЩИЕСЯ К ПЕРИОДУ ЕГО ССЫЛКИ И ЭМИГРАЦИИ)

Тов. Артем родился в 1883 г. 7 марта в селе Глебово, Фатежского уезда, Курской губ.

Детство свое Артем провел в гор. Екатеринославе, где и получил первоначальное образование в подготовительной школе Карбоньера. Затем поступил в реальное училище 21 сентября 1892 г. в Екатеринославе, где учился и окончил курс 5 июня 1901 г.

Осенью 1901 г., 1 сентября, он отправился в Москву, поступил в Императорское Техническое училище, где учился по 17 февраля 1902 г.

А во время восстания и беспорядков в Москве в 1902 г. он был арестован и отправлен в Воронежскую тюрьму (г. Воронеж). Просидев в ней 4 месяца, он был освобожден.

Спустя некоторое время, он побывал немного дома, а потом выехал в Париж, где удалось ему поступить в Русский университет имени проф. Ковалевского. Причина выезда из России следующая: для него не было возможности продолжать начатое образование, ввиду того, что после освобождения из Воронежск. тюрьмы его стали преследовать.

Возвратился из-заграницы в Россию в 1903 г. 4 апреля. За это время он побывал в Вене, Париже и Швейцарии, откуда возвратился уже в полном убеждении революционера.

Не теряя надежды он вновь готовился в высшее учебное заведение и в июле 1903 г. уехал в Петербург подать прошение о принятии его в Политехн. Институт. Выдержав конкурсный экзамен, он все-таки не был принят, ввиду своих прошлых действий.

Спустя немного времени он решил поступить помощником машиниста—поступил и раз'езжал по Екатерининской жел. дороге и в свою очередь пропагандировал и делал все то, что его интересовало.

В 1905 г. он поднял восстание в Харькове на Сабуровой даче, где поймать его не удалось; он скрылся, но его поймали в Перми 8-го марта 1907 г., на что имеется судебная следующая заметка, помещенная в газете («Южный Край»), Харьков, среда 28 декабря (5 января) 1909 г.

«Харьковская судебная палата. Дело о принадлежности к с.-д. партии. Третьего дня в уголовном департаменте судебной палаты, под председательством старшего председателя П. М. Лашкарева, с участием сословных представителей, слушалось дело по обвинению Ф. А. Сергеева в принадлежности к соц.-демократической рабочей партии (I ч. 102 ст. уг. ул.), и в произнесении речи (129 ст. уг. ул.).

«Обвинителем выступал тов. прок. А. А. Чигринцев, защищал помощн. прис. пов. А. А. Поддубный.

«В конце 1905 г, в связи с общими безпорядками и волнениями возникли безпорядки среди низшего персонала служащих в Харьковской губернской земской больнице (Сабурова дача). Безпорядки эти выразились сначала в пред'явлении служащими целого ряда требований об улучшении материального их положения, отказе от работы в больнице впредь до выполнения требований и, наконец, в насильственных действиях над старшим врачем Якобием, который был вывезен на тачке и брошен в грязь.

«Во главе движения стоял неизвестный человек, называвший себя Артемом Тимофеевым, который, содействуя безпорядкам, организовал кружок из 18 челов. служащих больницы, занимавшихся выработкой и пред'явлением к администрации больницы и губернской управе требований и называвший себя революционным комитетом и членами временного правительства Сабуровой дачи. 15 декабря 1905 г. в помещении губернской земской управы, под председательством князя Голицына, происходило совещание врачей больницы совместно с комиссией врачей медицинского общества. На это собрание, вначале его, явился Тимофеев Артем. Попросив слова вне очереди он обратился с речью к присутствовавшим, призывал их присоединиться к вооруженному восстанию, указывая на Московское восстание и предложил немедленно приступить к сбору пожертвований на дело восстания оружием и деньгами. На вопросы врачей Тимофеев ответил, что он состоит агентом социал-демократической рабочей партии и в сферу его действий входит паровозостроительный завод и Сабурова дача. Вскоре после этого Артем Тимофеев скрылся и был задержан лишь 8 марта 1907 г. в г. Перми, причем на дворе, в котором он квартировал, были найдены зарытыми в снегу 4 черновика протоколов заседания Пермского комитета Российской соц.-демократич. рабочей партии, из которых видно, что на некоторых заседаниях председательствовал и т. Артем.

«Из имеющейся при деле программы с.-д. партии видно, что она поставила своей целью социальный переворот.

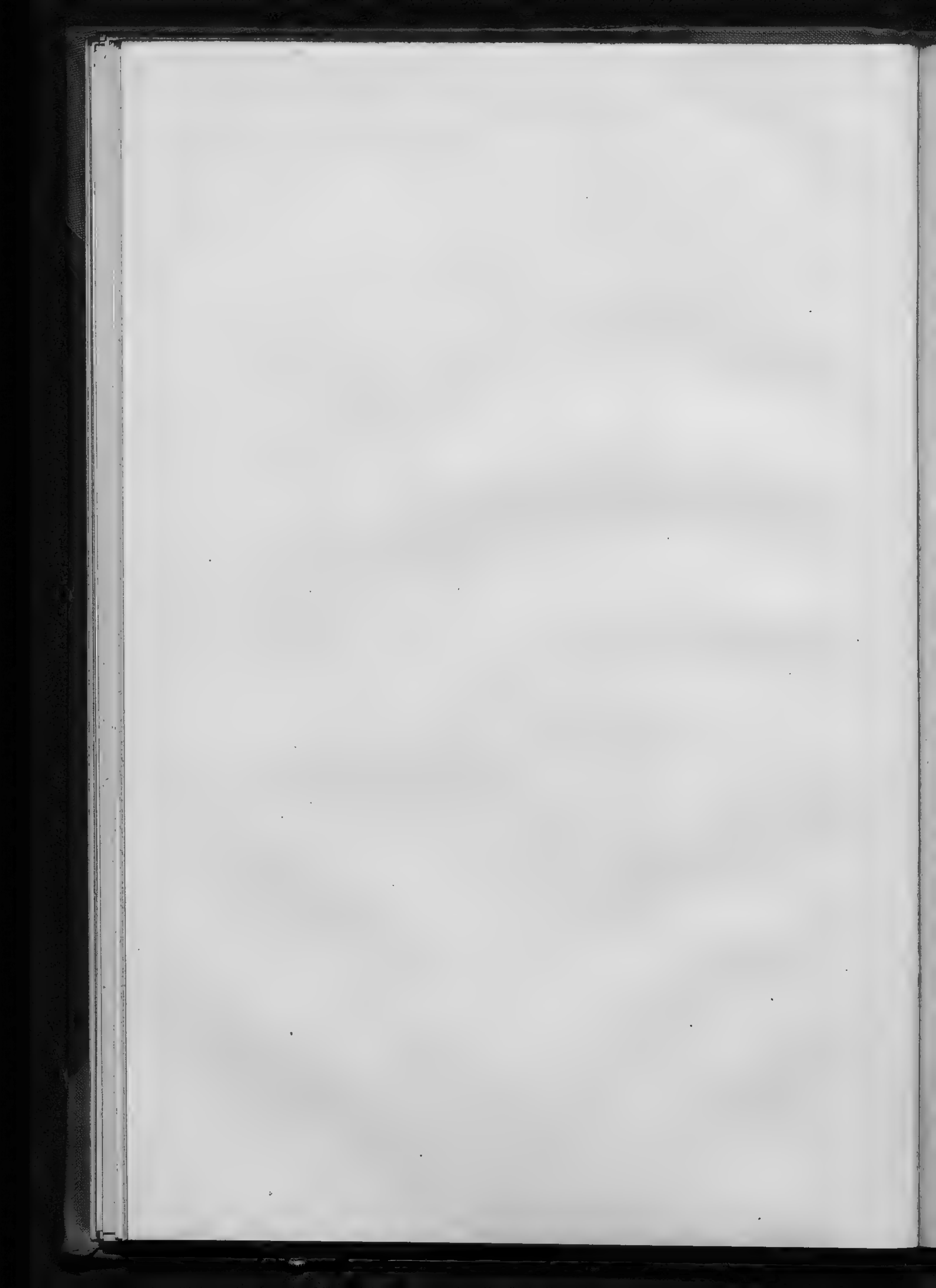
«Ф. А. Сергеев не признав себя виновным в принадлежности к с.-д. партии и в произнесении речи на собраний врачей, заявил, что имени Артема Тимофеева он не носил.

«Особое присутствие судебной палаты приговорило Ф. А. Сергеева к ссылке на поселение в Сибирь, постановив приговор по совокупности с приговором Казанской судебной палаты».

После всего этого его бросали из тюрьмы в тюрьму подряд 3 года. В 1911 г. Артем бежал из Сибири через Японию и Китай в Австралию. Там Артем пробыл шесть лет, занимался физическим трудом и издавал газету. Жилось ему трудно и тяжело в чужой стране Австралии. Только в 1917 году он возвратился в Россию и начал борьбу с врагами народа на пользу рабочих масс.

т. Артем (Ф. Сергеев).

Лебедев.

ВОСПОМИНАНИЯ О СОВМЕСТНОЙ РАБОТЕ С ТОВ. АРТЕМОМ.

Работая на Паровозо-Строительном заводе в Харькове в 1900 году мальчиком 15-ти лет, я стал читать листовки, которые распространялись с.-д. и с.-р. в особенности о значении 1-го мая. 1-го мая все рабочие бросали работу и уходили по домам. Но уже в 1903 или 1904 г.г. 1-го мая со всего завода всех рабочих собрали в одну мастерскую и устроили собрание, на котором выступил тов. Артем, имевший огромный успех.

Тов. Артем быстро завоевал симпатии рабочих, а в особенности молодежи.

Все рабочие старались скрыть Артема от жандармов, сыщиков, которые пытались вырвать его из рабочей среды. Не помню какого месяца была об'явлена всеобщая забастовка, тогда тов. Артем собрал нас, активную молодежь и в эту забастовку он распределял нас по фабрикам и заводам за два дня раньше, чтобы мы и с.д. и с.-р. не приходили на паровозный завод разбили нас по другим заводам, и предупредили: услышим тревожный гудок на паровозном заводе, тогда мы должны срывать те фабрики и заводы на которых мы находились. Я был послан и еще товарищ на Балашевский вокзал в депо. Прийдя утром в 6-ть часов мы ждали до 9-ти часов. Вдруг слышим гудок—мы сейчас-же исполнили свои задания: кричать, свистать и останавливать моторы. Через 10-ть минут сорвали и рабочие вышли, помня, что авангардом каждой забастовки являлся в Харькове паровозо-строительный завод—это плоды тов. Артема в 1905-м году. Мне также вспоминается разговор про таланты тов. Артема среди старых рабочих, которые вели рззговор после митингов и собраний. То было собрание, где выступало много ораторов, а рабочие спрашивали:—„где т. Артем?“ —Он на другом заводе проводит собрание.—«Ах, жалко что его нет, вот бы он этих кадетов покрыл». И вдруг тов. Артем прибегает и, интересно, что тов. Артем не был, когда выступали ораторы, и берет слово и всех кроет и удивляются откуда он знает, что они здесь говорили, что он всем ответы дает. Это разговор старых рабочих, которые не принимали активного участия в революционном движении.

А. Пирог.

ВОСПОМИНАНИЯ О РАБОТЕ С ТОВ. АРТЕМОМ.

Я был 19 летним парнем, когда познакомился с т. Артемом в 1905 г. на заводе Гельферих-Саде. У нас была тогда забастовка на экономической почве, длившаяся 12 дней. Тов. Артем выступал в защиту рабочих. Рабочие Харьковского района любили его и верили в него. По мысли тов. Артема был организован боевой кружок из безработных рабочих; назывался этот кружок кружком «Гарибальдийцев». Много внимания уделял нам т. Артем и, несмотря на то, что среди нас было много рабочих распущенных, не интересующихся ничем, т. Артем сумел воспитать нас политически, и мы все стали сознательными. Любили мы все рабочие его страшно.

Однажды был такой случай: заболел т. Артем и лежал на Журавлевке у одного рабочего (не помню его фамилии). И вот шпионы напали на его след; мы ждали, что жандармы его захватят. Рабочие решили спасти его, перенесли на руках ночью с Журавлевки на Павловку и спрятали его. После 5 года, во время реакции, мы стали собираться в лесах за Ивановкой, и около элеватора. Наших товарищей было много арестовано, и мы не могли провести т. Артема на 4-й с‘езд с решающим голосом, ему пришлось ехать с совещательным голосом.

Приехав со с‘езда он сделал доклад. Впоследствии мы искали тов. Артема, но не известно было где он, и вольно-боевая дружина распалась. Когда началась революция, появился Артем и стал рассказывать, как он работал в Австралии.

Однажды было у нас собрание. Обсуждали травлю эсерами тов. Ленина. Во время выступления ораторов у многих рабочих опустились головы; только тов. Артем весело улыбался. Потом выступил тов. Артем и доказал, что все это неправда, что это клевета меньшевиков и эсеров. После его слов все рабочие получили силу и уверенность в нашей чистой идеальной коммунистической партии.

С. Буздалин.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О СОВМЕСТНОЙ РАБОТЕ С ТОВ. АРТЕМОМ.

Т. Артем приехал из-за границы в июне месяце 1917 года. О его приезде было сообщено предварительно в Харьков. В силу каких-то обстоятельств телеграмму перехватили меньшевики, зная его по 1905 г. по работе на Юге России и в Харькове. Нет сомнения, что они хотели видеть его в своих рядах, а поэтому в их рядах была радость, но вместе с тем и робость: будет ли Артем большевиком?

Спустя два—три дня в праздничный день тов. Артем прибыл. Я встретил его в помещении К-та нашей организации на Костюринском переулке, где помещалась и редакция газеты «Пролетарий».

По приезде тов. Артема меньшевики увидели, что к нашему лагерю прибавилась достаточно крупная сила и популярная личность революционера, которого знал весь юг с 1905 г. и который оставил о себе лучшую память энергичного, неустрашимого и беззаветно преданного рабочему классу революционера.

Наша организация, а также и состав Харьковского Комитета партии, в то время состояли исключительно из рабочих, за исключением двух интеллигентов. Наши противники имели в своих штабах исключительно интелигенцию. Особенно это относилось к меньшевикам. У с.-р. также была интеллигенция, но последние принадлежали зачастую до февральской революции к радикалам больше, чем к революционерам, и борьба с ними для нас подчас была очень тяжела. Приезду тов. Артема мы были рады. С приездом его мы приобретали крупного митингового оратора, тактичного организатора и журналиста. Он занял руководящую роль в нашей организации, которая насчитывала шестьсот человек. Харьков был центром юга России, потому что здесь был областной Комитет нашей организации, об'единяющий Донбасс, Екатеринослав, Харьков. Все другие организации равнялись по Харькову.

Бедность в средствах, а также необходимость непосредственно связаться с рабочими, заставили тов. Артема поступить на русско-французский завод (ст. Основа в 5 верстах от Харькова) в качестве слесаря. Проба была сделана своей публикой. На четвертый день тов. Артему назначили поденную плату 6 руб. 50 коп., а через неделю, когда состоялись выборы в Харьковский Совет Раб. и. Крест. депутатов, тов. Артем прошел в Совет депутатом от рабочих завода. Выборы в Совет дали ему возможность отдаться исключительно партийной работе и руководить идейно нашей организацией, состоя членом и представителем Харьковского партийного комитета.

В июне созывается в Екатеринославе конференция, об'единяющая весь промышленный юг. Конференция была занята организационными вопросами и вопросами тактики. Тов. Артем имел в ней руководящую роль и был избран в Областком с местонахождением в Харькове. В состав исполнительного бюро Областкома, в конце (ноябрь, декабрь) 1917 года входили еще т.т. Васильченко и Жаков. В ноябрьские дни тов. Артеми избирается Председателем Харьковского Совета. Господство меньшевиков и эсеров в Совете было ликвидировано. Работа административная кажется для тов. Артема небольшой и он передает ее заместителю и уходит от нее. Ноябрь, декабрь проходят под знаком лихорадочной организации Красной Гвардии, в которой тов. Артем принимает активное участие и является душой этого дела: к нему приезжают рабочие из Донбасса и ищут его по городу. Он снаряжал и посылал красногвардейские отряды в Донбасс, где уже в ноябре и декабре хулиганили и дебоширили казачье офицерство, а их карательные отряды расстреливали революционную часть рабочих на рудниках и разгоняли советы.

Организация Ц. И. К.

В декабре большевики покидают с'езд Рад в Киеве и переезжают в Харьков в количестве около 60 делегатов, обсуждая, как действовать дальше. Было постановлено не признавать Центральной Рады и ее с'езда кулаков. На этом совещании был избран Центральный Исполнительный Комитет Украины. На означенном совещании принимал участие тов. Артем, который был избран его членом. Таким образом в противовес Центральной Раде существовало украинское советское правительство под наименованием Секретариата.

В январе 1918 года тов. Артем выдвигает мысль о Донецкой Криворожской республике, об'единяющей Донецкий Бассейн, с местопребыванием правительства в Харькове. Вскоре она была создана. Тов. Артем был Председателем правительства Донецко-Криворожской республики, Васильченко был мин. внутренних дел, а Жаков—Наркомом просвещения. От лица этого новорожденного детища тов. Артем дал радио правительствам Западно-Европейских стран о существовании такой республики. Когда войска Вильгельма вступали в Донецкий бассейн, тов. Артем выдвигал мотив, что мол Данбасс отделился и не входит в состав Украины. Немцам нужен был этот район и они его оккупировали.

Февраль, март прошли в действиях самой напряженной нечеловеческой работы: т. Артем по прежнему организовал, снаряжал войска, Харьков представлял военный лагерь, Артем ночевал в штабе за столом. Штаб помещался на Садово-Куликовской в доме Пономарева-Рыжова.

11 апреля тов. Артем отступил с незначительными силами на Змиев, оставив Харьков под натиском превосходившей численностью армии немцев.

Под Змиевом т. Артем участвовал в бою с винтовкой в руках и отступал с армией на Лихую—Царицын.

1918 г. Декабрь. Курск.

В конце декабря в Курск прибыло несколько тов. из Москвы, в том числе тов. Артем.

Происшедшая революция в Германии и образовавшиеся на Украине Советы солдатских депутатов оккупационной германской армии, борьба между Скоропадским и Петлюрой, обусловили для нас благоприятный момент для восстановления советской власти на Украине.

С этой целью когда прибыл т. Комаров и когда повели наступление с Сожного на Белгород—в январе по освобождении гор. Харькова

тов. Артем входит в состав временного рабоче-крестьянского правительства Украины.

Весной 1919 года тов. Артем уезжает в Бахмут и работает там в качестве председателя Донецкого губернского Исполнительного Комитета Советов до занятия Донбасса Деникинской армией, затем вместе с другими работниками тов. Артем вливается в армию в качестве политработника в группе войск Сумского направления, где работал до отозвания его Ц. К. Р. К. П.

Луганск. Июнь. 1920 г.

В июне я прибыл работать из Таганрога в Луганск, и здесь пришлось работать совместно с тов. Артемом.

Везде, где было неладно, работники с мест приходили к тов. Артему со своими радостями и горем: где шахта затопилась, где неправильно работы идут.

Не было шахтера, который бы не знал тов. Артема. Не было человека в Донбассе, в этой черной республике, которого любили бы рабочие больше Артема. Тов. Артем был душой и совестью шахтера. В июне месяце 1920 года тов. Артем уехал в Москву на 2-й С'езд Коминтерна, с которого поехал в составе профессиональной делегации за-границу, и в Донбасс не возвращался, так как остался работать в Москве.

В марте 1921 г. тов. Артем прибыл в Бахмут для об'езда Донбасса как председатель Всероссийского союза горняков, провел конференцию горняков Донбасса.

2-го мая мы проводили его в Харькове на поезд в Москву. После перенесенных болезней (тифа) он выглядел хорошо и обещал много жить и работать для укрепления пролетарской революции и служения рабочему классу. Но, как известно, вскоре он погиб.

Не стало одного из тех немногих, которых знала наша партия. Тов. Артем—это совесть рабочего класса, это беззаветно преданный революции, партии и рабочему классу, подлинный революционер, который никогда не жил личной жизнью. Его жизнь была жизнью нашей партии. Он весь в борьбе, весь в движении.

На протяжении всей работы с ним, вы увидите его на каждом собрании рабочих, в клубе, везде чуткий, мягкий, ровный в обращении со всеми, он никогда не жил замкнутой жизнью, он был типичным революционером, который провел две революции, ссылку, эмиграцию. В рабочей среде он чувствовал себя своим человеком.

Наша партия потеряла со смертью тов. Артема не только одного из крупнейших работников и старого ветерана партии, но и одного из лучших друзей рабочих с чуткой благородной душой.

П. Кин.

ПЕРВОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ С УКРАИНЫ В 1918 ГОДУ. (ВОСПОМИНАНИЯ О Тов. АРТЕМЕ).

Когда выяснилось окончательно, что Харьков мы не можем удержать, был организован Временный Военно-Революционный Комитет из одних уже большевиков, под председательством тов. Артема, на которого была возложена обязанность эвакуировать Харьков, та работа им выполнялась до самого последнего момента отступления. Когда немцы уже были на Сумской улице, Артем был еще на Южном вокзале, отправляя поезда по оставшейся в нашем распоряжении одной Северо-Донецкой жел. дор. Когда мы уезжали последним поездом со ст. Основа, немцы были уже на Екатеринославской.

Несмотря на это, Артемом были приняты меры, и ст. Основа была разгружена до последнего поезда.

Тов. Артем уехал с последним отходящим поездом совместно с коммунистическим отрядом Военно-Революционного Комитета. Между ст. Жихарево и Змиевым немцами были разобраны пути, и начался артиллерийский обстрел данного поезда. Высыпавшаяся цепь коммунистов, во главе с тов. Артемом, повела наступление на немецкие части, у которых было отбито орудие и два пулемета. Немцы оставили на поле убитыми 12 человек. Мы потеряли убитыми 5 человек и до 20-ти человек ранеными. Тем временем были исправлены пути. Таким образом было отбито немецкое нападение, и мы двинулись дальше, т. к. согласно распоряжения Военного Командования мы должны были отступить на Луганск. По приезде в Луганск тов. Артем, как Председатель Совнаркома Донецко - Криворожской Республики, принимает активное участие в обороне Луганска и в нашем наступлении на Харьков. Но под натиском соединенных гайдамацко-немецких сил мы должны были отступить из Луганска на Миллерово, из которой тов. Артем, не оставляя ни на один час ряды нашей Красной Гвардии, в марте с нею должен был отступить по направлению Царицына.

I.

Е. Холмская.

ИЗ ПОДПОЛЬНОЙ РАБОТЫ НА УКРАИНЕ ВО ВРЕМЯ ГЕТЬМАНЩИНЫ (ВОСПОМИНАНИЯ).

Работа Тевелева в Харькове. Его арест.

После эвакуации Украины весной 1918 года я встретилась с Тевелевым в Москве в Украинском Бюро. В Бюро шло распределение работников для рассылки на Украину на подпольную работу. Когда товарищи услышали, что Тевелев собирается ехать в Харьков работать, все страшно удивились и воспротивились этому, зная, насколько Тевелев известен Харькову. Но он был непреклонен. «Я сниму свою рыжую бороду и никто меня не узнает»—говаривал он.

Вскоре я была послана с поручением в Харьков. После недолгого пребывания в Харькове, когда я проходила по Сумской улице, мне навстречу попались два элегантно одетых молодых человека. Один из них совсем бритый, смотрит на меня пристально и улыбается, присматриваюсь и узнаю в одном из них Тевелева. На момент я растерялась; улица кишела гайдамаками и офицерами, и мне было жутко видеть Тевелева в этой толпе. Но он был очень спокоен. Как самый галантный кавалер он взял меня под руку и увел в боковую улицу. Тевелев сообщил мне, что он едет в Донбасс, чтобы наладить там работу и везет деньги. Его товарищ оказался работником Бахмутской организации. Мы распрощались, и я в тот же день уехала в Москву, будучи уверена, что Тевелев останется работать в Донбассе. В Москве мне Семен Шварц сообщил, что я назначена на работу в Харьков, но мой от'езд был задержан эс-эровским мятежом в Москве. Перед от'ездом в Харьков мне Шварц сообщил, что по приезде из Донбасса Тевелев будет работать в Харькове и дал мне явку к нему. Когда я приехала в Харьков, Тевелев был уже там. Были здесь также Николай Безчетвертной, Рафаил, Ваня Смирнов, погибший позже в Одессе, Зуев и др. Ввиду того, что конспиративная квартира была у них провалена, обсуждался вопрос о таковой. Тевелев сообщил мне, что у него налажена прекрасная явка-лавочка на Москалевке, где содержатель был свой человек. Повел он меня в эту лавочку, где к 5-6 часам обыкновенно по уговору собирались «покупатели». Когда я приходила с кувшином для молока в руках, там уже бывало тесно. Публика сидела за тремя крошечными столиками и вела беседу довольно неосторожно, так как тут же вертелись настоящие покупатели. Было несколько раз указано на то, что Тевелев был почему—то так уверен в этой лавке, так беспечен, так успокаивал нас, что мы и сами переставали опасаться. В лавке обсужда-

лись главным образом вопросы организационные. Обсуждался вопрос о конспиративной квартире, где бы можно было жить приезжей публике, о типографии, о связи с товарищами, сидящими в тюрьмах Харькова и находящимися в отчаянном положении: без пищи, без одежды и под страхом каждую минуту быть расстрелянными и т. п. вопросы.

Сказать по правде, лавочка устроенная Тевелевым была страшно неудобна во всех отношениях: кроме того, что входили каждую минуту посторонние покупатели, приходили часто гайдамаки из соседней казармы и видели ежедневно в положенное время одни и те же лица, но так как мы надеялись, что скоро от этой лавочки избавимся, так как я уже под'искивала квартиру для собраний, где я должна была быть хозяйкой, то мы продолжали собираться в этой лавочке.

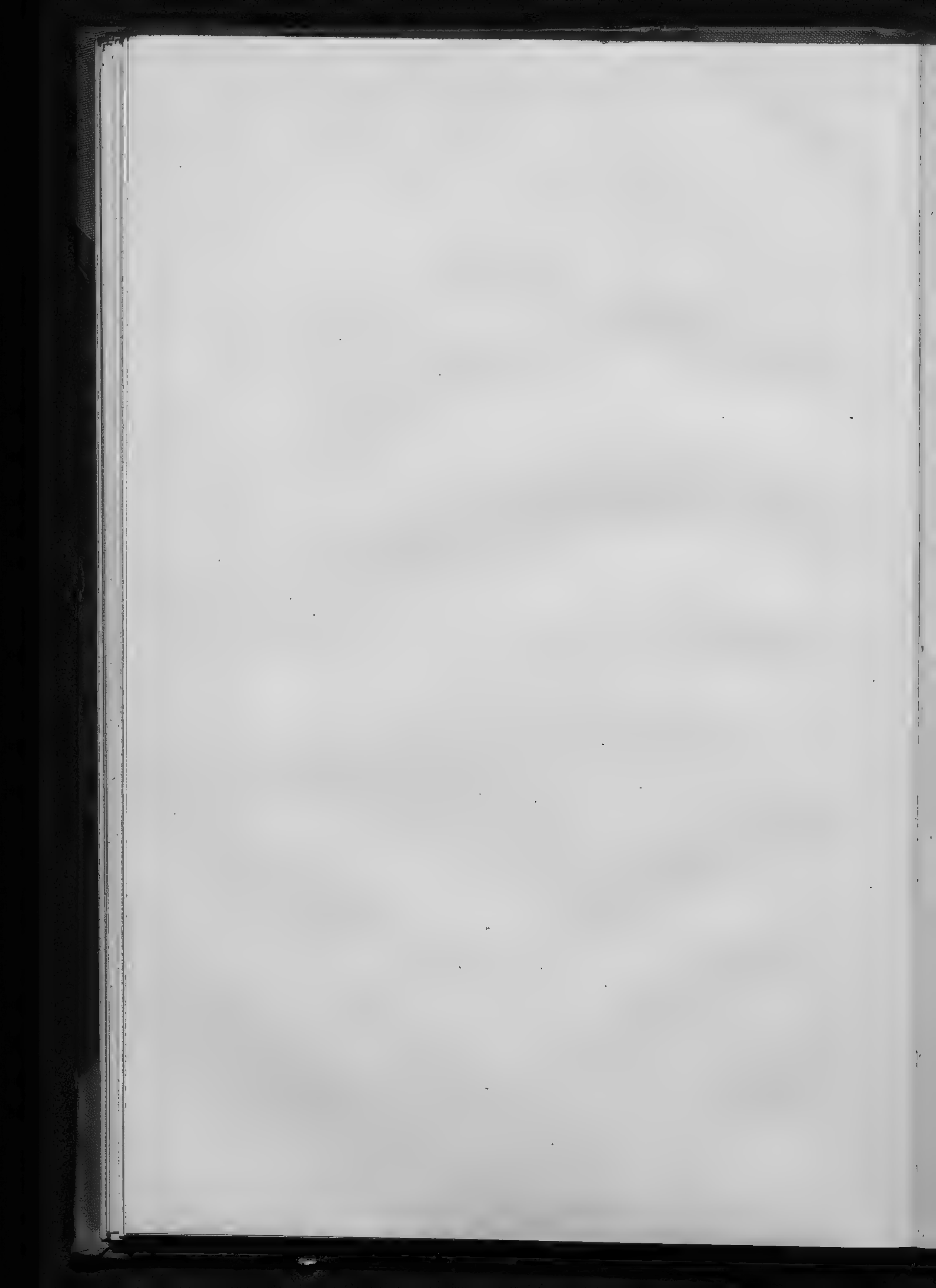
Между тем работа у нас двигалась. Была намечена квартира для типографии на Основе. Мне удалось наладить связь с тюрьмой и наладить систематические передачи голодавшим товарищам. Рафаил носился с проектом организации магазина для приема заказов платья, как конспиративной квартиры.

Вскоре приехал Юрий Лутовинов. Встретив его на улице вместе с Тевелевым, мы сделали вид, что друг друга не узнаем. Когда мы встретились на «явке», то выяснилось, что у него нет квартиры и его пришлось устроить в каком-то притоне мешочников на Конторской ул. С квартирами у нас у всех дело обстояло не важно. Мне приходилось жить в гостиннице «Виктория» на Клочковской, где кишело белогвардейцами и контр-разведчиками, и мою комнату никак нельзя было использовать, несмотря на то, что я имела солидный семейный вид, так как со мною жило двое детей. Помню, мы вместе с Тевелевым и Лутовиновым устроили летучее совещание в одном из переулков Клочковской ул. после того, как отвратительные пристанища Лутовинова посетила варта после какой-то драки мешочников, и Лутовинов боялся туда вернуться. После совещания выяснилось, что Лутовинова никто не может принять на ночевку без риска для него, и ему пришлось кажется всю ночь прогулять по улицам. Я теперь еще не знаю, была ли за нами и за нашей лавочкой на Москалевке слежка, но мы были как то тревожно настроены. Один раз возвращаясь с явки, мы заметили, что за нами идет какой-то хорошо одетый полный господин. Я, Лутовинов и Тевелев свернули на Набережную, кружили часа два и избавились от этого господина. Был ли это шпион, я не знаю. На границе два товарища провалились с литературой, но как мы узнали,—по собственной оплошности, так как границу в общем не так трудно было проехать и даже с литературой, как мне несколько раз удавалось. В Харькове были даже подпольные газетчики, продававшие Московские газеты, которые преследовались гайдамаками страшно. Мне даже удавалось передавать несколько раз газету в пересыльную тюрьму, завернув в нее хлеб, за что получала восторженную благодарность из тюрьмы.

В общем начало работы было довольно благополучно, тем более неожидан был провал нашей лавченки. Было это так: подходя раз вечером в условленное время к лавченке, я нашла ее запертой на замок, хотя этого еще ни разу не случалось Но так как вокруг лавченки ничего подозрительного не было, я решила, что на сегодня собрание отменено и, желая узнать причину, направилась к Тевелеву на квартиру. Подходя к нему, я издали увидела его квартирную хозяйку, стоящую у ворот на часах. Это уже было подозрительно. Подойти к воротам она мне не дала. Пошла мне навстречу и стала быстро говорить: «Уходите, Тевелев арестован, у него идет обыск».

М. Тевелев.

Я успела только спросить: «Кто, немцы или гайдамаки»? — «Немцы» ответила она. Это меня несколько успокоило, так как гайдамаки имели милое обыкновение сейчас же расстреливать, а немцы отправляли в тюрьму, и все тюрьмы были в руках у немцев. Возвращаясь я не могла придумать. как это случилось и кто нас предал. Я не знала, кто с Тевелевым арестован и какие против него есть улики. Но ввиду того, что арест исходил от немцев, я знала, что улики вероятно серьезны, так как, немцы по одному оговору не арестовывали. Я решила предупредить кого можно. Направляясь на одну из квартир для встреч, я на Екатеринославской ул. столкнулась с Лутовиновым. И без того бледное лицо его было бледно, и взглянув друг на друга, мы поняли, что все известно. Нечего говорить. Останавливаться было опасно, он мимоходом сообщил мне, что уезжает «на дачу». Больше Лутовинова в Харькове я не видела. Встретила я его спустя долгое время в Москве.

На квартире для встреч я узнала, что арестованы с Тевелевым еще 3 товарища и что, нужно предполагать, будут обыски. Ввиду того, что у Тевелева были мои письма и расписки, подписанные моим именем и фамилией, мне оставаться в городе нельзя было с этими документами и я на свою квартиру уже не вернулась, послав товарища, который незаметно вывел девочек из квартиры. Я в тот же вечер уехала в деревню к товарищу.

Через две недели я уже была в Курске. Вскоре мы узнали все подробности ареста. Подробности приблизительно таковы: из Орла, где помещалось потом Украинское Бюро, ехал парень в Харьков и без деньги. На вокзале он каким то образом провалился, выдал явку на Москалевку и пароль. Шпион явился в лавочку, сказал пароль и содержатель лавочки сказал ему: явиться в 6 часов. В 6 часов явились немцы и арестовали, кого нашли. Надо полагать, что Харьковская немецкая охранка была не сильно искусна в делах сыска, так как не оставила засады в лавочке. Оставь немцы засаду хотя бы на два часа, они бы поймали и Лутовинова и меня и еще несколько человек, опоздавших на явку. Так от слабохарактерности какого-то мальчишки, выдавшего нашу явку, погибло несколько прекрасных товарищей.

Из всех товарищей взятых в лавочке, я хорошо знала только Тевелева и по работе в Харькове до эвакуации и по подпольной работе. Его неустрашимость, уменье владеть собой, хладнокровие было поистине изумительно. Коммунистическая партия в лице Тевелева понесла громадную утрату. Было сделано несколько попыток спасти его. Из Курска приехала его жена, снабженная деньгами, для организации побега, завела сношение с немцами из тюрьмы на Холодной горе, где он последнее время сидел, переведенный из дома Саламандра, где была немецкая контр-разведка. Но ничего из этого не вышло, так как все было не организовано, работать было некому, подпольная организация была сильно ослаблена арестами, и дело подвигалось очень вяло. У жены Тевелева было достаточно средств, чтобы подкупить падких до денег немцев, и дать ему возможность бежать, но почему то это не вышло. Подробности его расстрела я уже узнала в Курске, когда после немецкой революции и организации в Харькове немецких Советов приезжали в Курск немецкие делегаты на переговоры с Украинским Советским правительством. По словам немецких депутатов, подтвержденных приехавшим вместе с ними Николаем Бесчетвертным, Тевелева узнали в тюрьме, когда у него отросла борода, и он вместе с другими был предан суду, как большевик.

Когда началось движение среди немецких солдат, они прежде всего хотели освободить большевиков, на-

ходящихся в тюрьме, но их предупредили немецкие белогвардейцы совместно с гайдамаками и поспешили расстрелять наиболее видных большевиков. Так погибли прекрасные товарищи.

Папков.

ИЗ МОИХ ВОСПОМИНАНИЙ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Тов. САПЕЛЬНИКА.

В день 5-ти летнего юбилея Октябрьского переворота, пролетариат Украины и России, подводя итоги 5-ти летнего существования Соввласти, должен вспомнить о тех безчисленных жертвах, которые были им понесены за время гражданской войны. Жертвы были не малые: кто пал на поле брани, кто погиб в контр-разведке, кто был убит из-за угла. К последним принадлежит и тов. Сапельник Максим. Я познакомился с тов. Сапельником в июле 17 года, когда он подал заявление в Петинский район о желании вступить в партию. В то время он работал на Паровозостроительном заводе конторщиком. Через короткое время т. Сапельник, как активный член организации, проходит в Совет завода и впоследствии работает в Исполкоме и завкоме. После октябрьского переворота, когда началось наступление полчищ Каледина и Краснова, тов. Сапельник вместе с пролетарским отрядом т. Рухимовича направляется на фронт. Но и здесь Сапельник не был рядовым, он по целым вечерам просиживал в Оперштабе и изучал оперативные задания. Во время боев и наступлений он находился в первых рядах; особенно это было заметно под ст. Гуково, где мы потерпели поражение. Сапельник держался до последней минуты, едва спасши себя и забрав с собою раненого. Нередко после боя у него шинель оказывалась простреленной. На вопросы товарищей, Максим смеясь отвечал: шинель простреляна, а я невредим.

Сапельник довольно глубоко разбирался в политических и военных вопросах. Когда ему предложили уйти с фронта и работать в тылу, он отказался. До самого взятия Новочеркасска в феврале 18 года тов. Сапельник участвовал в боях и бодростью своей заражал стоящих с ним рядом красногвардейцев. Нужно было видеть тов. Сапельника когда он допрашивал однажды пленного офицера, который всячески старался отпереться от каких бы то ни было показаний. Сапельник своим умелым подходом заставил офицера стать разговорчивым и получил от него все нужные сведения.

Сапельник был беспощаден к трусам, которые в самый трудный момент бросали на произвол судьбы своих товарищей.

На долю тов. Сапельника выпало политвоспитание бойцов, и нужно сказать, что работа им выполнялась блестяще.

После взятия Новочеркасска тов. Сапельник возвратился в Харьков и до самого отступления работал в качестве Заместителя Председателя Чрезвычайного Штаба (т. Рухимовича). Тов. Сапельник отступал из Харькова с армией по направлению

на Царицын до ст. Чира, откуда перебрался через неприятельский фронт и направился на Кавказ, где сражался в кавказской армии.

В 19 году при занятии Украины красными он возвращается в родной город, где работает в соворгане. В момент отступления из Харькова он снова на военной работе в Сумгруппе в качестве Военкома Б-ды. Полученный опыт на калединском фронте он здесь использовывает полностью; он является примерным, выдержанным Военкомбригом, он всегда впереди своей Бригады и участвует почти во всех боях. Отступал он со своей бригадой до Брянских лесов, откуда был откомандирован в Москву лечиться, так как организм его был уже окончательно изношен. Как только нашими войсками был взят Харьков, в конце 19 года он был направлен сюда для работы. Поехал он совместно с тов. Кином и по дороге в Лебединском уезде был убит бандитами.

Так умер храбрый, беззаветный воин Советской Республики. Тов. Сапельник с первых же дней вступления в нашу партию (а вступил он в самую трудную минуту) показал себя активным, непоколебимым коммунистом. У тов. Сапельника не было другой жизни, кроме жизни партии.

Умер тов. Сапельник, но дело его бессмертно.

Папков.

ПАМЯТИ Тов. ДАНИЛЕВСКОГО (ИЗ МОИХ ВОСПОМИНАНИЙ).

Гражданская война вырвала из наших рядов не мало преданных и старых членов партии. Ряды наши редеют. Но мы именно теперь должны знать, что было сделано этими старыми членами. К одним из таких старых и испытанных бойцов принадлежит Николай Степанович Данилевский.

Сын приказчика, он с ранних лет лишился отца, с 10 лет был отдан в магазин мальчиком для поручений. Молодым юношей восемнадцати-девятнадцати лет, работая приказчиком, тесно связался он с обществом приказчиков, познакомился с партработниками, вошел в кружок, а затем в начале 13 года вступил членом в организацию Р. С. Д. Р. П. (большевиков) в Харькове.

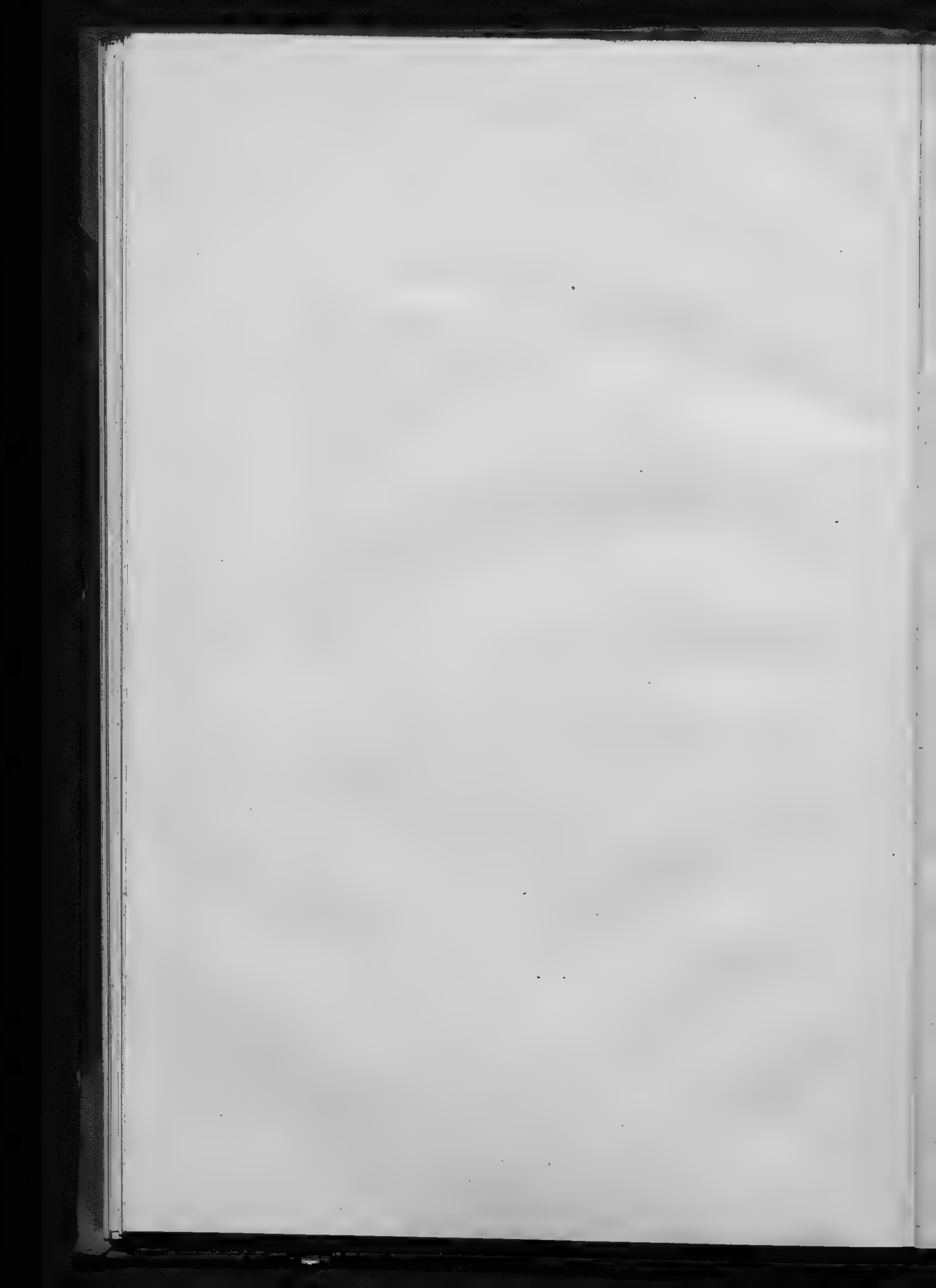
14-15-16 годы он работал в Харькове, будучи активным членом подпольной организации. Вместе с группой товарищей его арестовали и приговорили к двум годам крепости. С первых дней революции Николай (подпольная кличка—Мыкола) был освобожден из тюрьмы группой товарищей; его кипучая натура нашла применение в революции. Данилевский не работник Всеукраинского масштаба, его имя широко не известно, но его хорошо знают и помнят рабочие и красноармейцы, с которыми вместе приходилось ему работать. Я с Данилевским познакомился еще на нелегальной квартире, в первые дни Февральской Революции, когда он только что был освобожден из тюрьмы. Жизнерадостный, энергичный и хороший товарищ он был очень предан делу. С ответственным поручением он был послан в Донбас. Провожая его на вокзал и разговаривая о предстоящей работе в Донбассе, я поразился той яркостью и ясностью понимания задач, которые он проявил, и сразу почувствовал, что говорил с товарищем сильной воли, на которого в самый трудный момент партия смело может положиться. По дороге Николая арестовали, он успел все же передать поручение другому товарищу. Освободившись в июне 17 года, он снова вернулся в Харьков, где принимал активное участие в работе Харьковского Исполкома. От Харьковской же организации он был введен в Городскую Думу.

В сентябрские дни по поручению организации Данилевский отправляется в Тулу с группой товарищей за оружием и руководит этой экспедицией. Задача им была выполнена блестяще.

В 18 году во время наступления немцев Данилевский организует боевой отряд Харьковского Комитета и во главе его отправляется на фронт.

Н. С. Данилевский.

Многие товарищи помнят смелого храброго красногвардейца и комиссара Данилевского. Мне помнится бой под Радаковом, где наш отряд буквально был окружен со всех сторон, и только благодаря умению Николая нам удалось прорваться и двинуться дальше.

Николай принадлежал к числу тех людей, которые не любят отступать. Не мало было случаев, когда группка товарищей во главе с Николаем отстреливались до последней минуты, выполняли самые трудные поручения и разведки. Так было под Белой Калитвой и ст. Лихой. В минуты окружения неприятелем Данилевский не задумывался ни минуты о себе, все внимание направлял на то, как бы нанести удар неприятелю и удачным маневром прорваться.

Любили Данилевского красногвардейцы. В минуты сомнения, отчаяния его горячее слово убеждало всех; забыв самих себя, самые отсталые красногвардейцы рвались в бой. Я помню, раз один командир, бывший старый офицер, спросил Данилевского: «почему вы скрываете то, что вы опытный офицер»—Данилевский только засмеялся. Не только никогда он не был офицером, но и просто не служил на военной службе. Уметь руководить и владеть винтовкой его научила Революция. Способный и талантливый, он сделался активным бойцом и руководителем отряда. Прибыв с отрядом в Царицын после нескольких месяцев боев, он работал в военно-контрольном отделе по снабжению оружием и снарядами передовых частей.

Надо было связаться с Кавказом, и тов. Сталин, тогда председатель Реввоенсовета Севкавокра, назначает Николая. С небольшой группой он выполняет поручение, устанавливает связь, переводит деньги.

Прошло немного времени. Положение Царицына осенью 18 года было чрезвычайно тяжелым, он был окружен со всех сторон. Выручить должна была остальная часть дивизии. По предложению Реввоенсовета тов. Данилевский отправляется с ответственным заданием и для связи в Дивизию. Под'ехав к назначенному месту они чуть не попали в ловушку. Берег и село были заняты белыми. Решили прорваться. Патруль заметил их и через несколько минут послышалась стрельба. Не успел пароход отчалить, как началась не только пулеметная, но и орудийная пальба. Пули свистели. Снаряды рвались над пароходом. Дальше двигаться нельзя было. Повернули назад. Во время перестрелки Данилевский был ранен. Тяжелое ранение вырвало Данилевского из рядов армии только на несколько месяцев. В 19 году Данилевский снова активно работает в Наркомвоене, как председатель высшей кассационной комиссии, и состоит членом Киевского Комитета партии. С наступлением Деникина на Украину, он вступает в ряды армии, как комиссар Бригады, выдерживает целый ряд трудных и ожесточенных боев. Перейдя на польский фронт Данилевский геройски погибает 5 марта 1920 г. в Мозыре: когда штаб окружили и началась паника, Данилевский, оставшись, сжег все бумаги штаба и, отстреливаясь до последней минуты, погиб. Храбрость и стойкость поражали и вдохновляли красноармейцев. Рассказывают оставшиеся в подпольи в Мозыре товарищи, что даже поляки были поражены такой храбростью и верностью делу.

Я всего в нескольких словах остановился на том, что знаю о Данилевском. О нем говорить можно много. Это один из тех работников, которые с'умели многое дать революции, и потеря которых—тяжелая потеря для рабочего класса. Я думаю, что товарищи старые члены Харьковской организации дополнят мои воспоминания и скажут о нем гораздо больше. Весть о его геройской смерти тяжело отразилась на харьковцах, знавших и любивших Николая.

Бушев.

Н. ДАНИЛЕВСКИЙ.

(БИОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ).

В 1912 году на горизонте профсоюза торговых служащих гор. Харькова появился молодой активный работник Н. Данилевский.

Уже 17 лет от роду он поражал своей энергией и способностями многих членов Правления Союза. Особенно почувствовали «его» меньшевики, которых в Союзе было очень много и которые видели в нем своего молодого и активного политического противника. Они не ошиблись.

Тов. Николай не любил много говорить, но зато очень много любил делать. Работая в складе до 8 часов вечера, после закрытия склада, он не стремился домой, чтобы хотя немного перекусить; нет, о себе он не думал, а скорее бежал в Союз, где его ожидали и дело, и товарищи. Это повторялось изо дня в день. Вплоть до смерти он был одинаков, и не только в профработе он был таким, но и в кружках и на массовках. Если он выступал на заседании Правления Союза, он всегда делал то, о чем говорил. При выступлении, он никогда не сворачивал в сторону, и если он говорил, то говорил деловито и резко. Не раз Правление, руководимое меньшевиками, чувствовало «острые шпильки», которые пускал тов. Данилевский по их направлению, и чем дальше он работал, тем больше он вносил в Союз оживления и революционности.

Его деятельность стала настолько чувствительна в Союзе, что неоднократно в Правлении ставился вопрос об угрозе существования Союза. Работая, как член Правления и как член многих комиссий, он часто попадал под подозрение меньшевиков. Говорили про него, что он хранит в Союзе оружие, литературу (нелегальную) и т. п., благодаря чему может погибнуть Союз.

Да и как не бояться: Николай был очень молод, горяч и главное, бесстрашен, никого не боялся, и ничего не страшился; видя его таким постоянно, я говорил ему не раз: «Николай, тише, тише... а то напрасно сломаешь себе шею». Но это на него мало влияло и он отчечал: «Я иначе не могу». И действительно—он иначе не мог поступать.

Он был рядовым служащим одной крупной оптовой фирмы (Котляревского) где служащих было около ста человек. К белой кости относились служащие первого разряда, чувствующие себя на положении старших и даже мечтавшие в будущем иметь свои магазины. Этот переходной (служащий, потом хозяин) элемент, через который предприниматели эксплоатировали всех остальных, т. е. рабочих и рядовых служащих, был самым отвратительным: он никогда не был против хозяина, а всегда с ним и за него. К черной кости относились

рабочие и рядовые служащие. В числе последних был и Николай. И, конечно, видя такое противоречие: с одной стороны богатство и роскошь, с другой—нищету и горе, Николай искал выхода из этого и он его находил в профдвижении и революции, во имя которых он себя и отдал.

В 1914 году перед империалистической войной через ряд товарищей, в том числе и Николая, получилась из Петрограда и других мест литература для распространения. Зная его горячность и неосторожность, в особенности в момент активной подпольной работы, я не раз просил его об осторожности, но он не только открыто распространял литературу, но и постоянно хранил ее у себя в складе в конторке. При первом обыске он был взят (арестован).

Вскоре я был мобилизован и отправлен во Владимир, потом на фронт. Только в 1917 году, по прибытии моем в Харьков, я встретил Николая. Он не изменился, был таким же, как и прежде.

Как только стала организовываться контр-революция, Николай участвует в создании при районе коммунистического отряда и отправляется с ним против контр-революции.

В 1919 году я встретил Николая опять в Харькове. Он уже имел ранение. Несмотря на болезнь, Николай так же, как и раньше, показался бодрым, активным и энергичным.

Последний раз я видел Николая в 19 г., но по возвращении с фронта в 21 году, я узнал от товарищей, что Николай, будучи на Польском фронте, при окружении его части поляками, не желая попасть в плен, застрелился, хотя его части после того вышли из окружения.

Товарищи очевидцы часто вспоминали о нем, как об одном из лучших коммунистов.

Папков.

ВОСПОМИНАНИЯ О КОЛЕ РУДНЕВЕ.

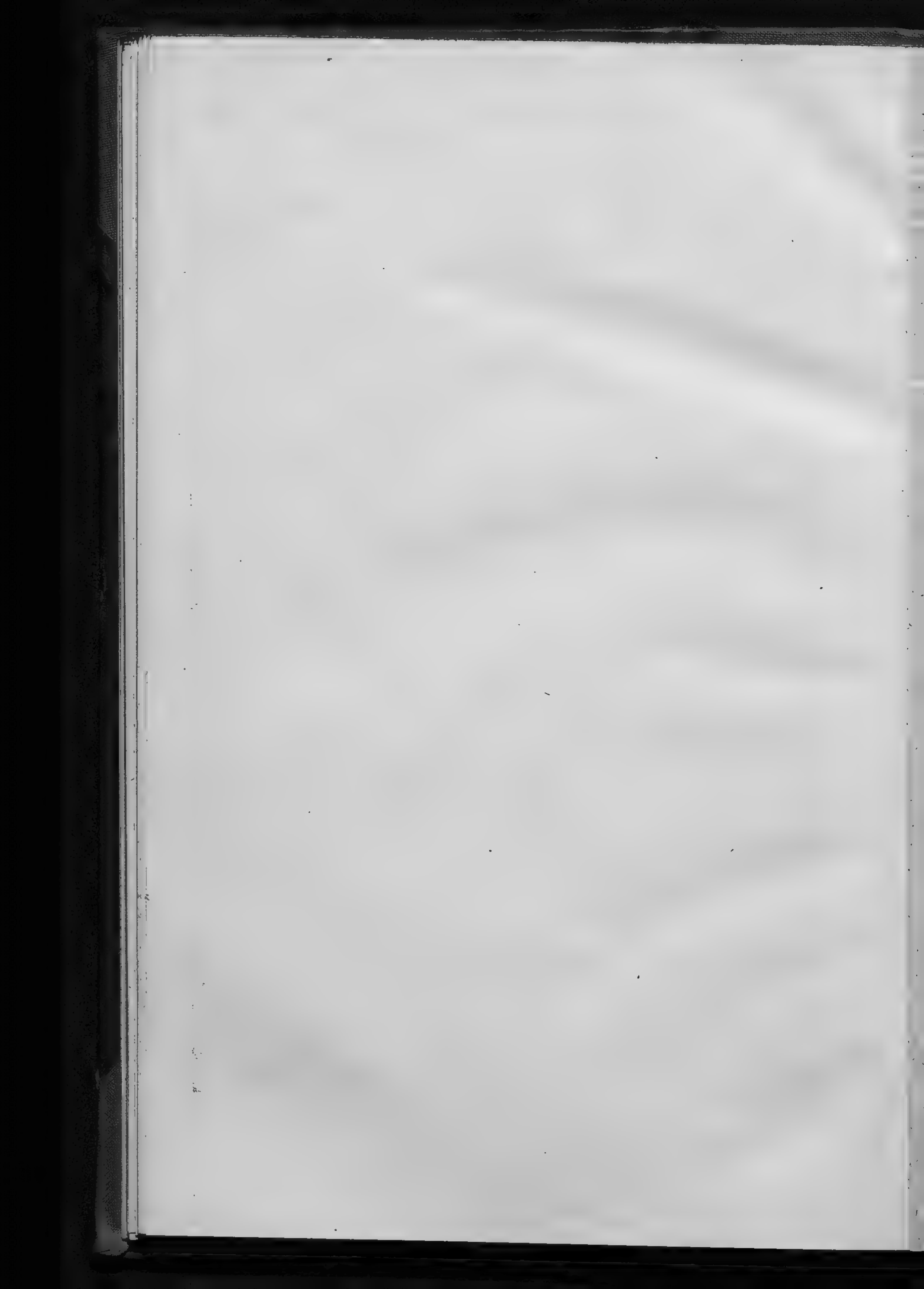
Коле Рудневу, сыну священника Тульской губернии, в 1917 году исполнилось 23 года. Тов. Руднев появился в Харькове в июльские дни в 17 году с 30 полком. Он был переброшен с линий огня, так как он не согласился принимать участие в знаменитом июльском наступлении. В первый же день по прибытии сюда, полку пришлось участвовать в грандиозном собрании всех солдат гор. Харькова. Выступали за и против наступления. В числе ораторов на трибуне появился молодой, худощавый высокий товарищ с золотыми погонами (прапорщик). У присутствующих сложилось определенное мнение, что и он, как и предыдущие офицеры, будет громить большевиков и призывать к наступлению. Но они ошиблись. С редким энтузиазмом и искренностью он выступал против приказа Керенского и за лозунги большевиков. Во время речи тов. Руднева ряды солдат шевелились.

В момент, когда происходили выборы комсостава полка, тов. Руднев, всеми любимый и уважаемый, был выбран командиром полка, взамен старого контрреволюционера. К этому времени в полку сорганизовалось крепкое ядро большевиков, сгруппировавшись вокруг тов. Руднева. Пробыв несколько недель в Харькове, 30 полк заставил о нем говорить буржуазию. Разговоры были не только в частной беседе, но и в Думе, где было внесено предложение о выводе этого полка из Харькова. Но предложение это было отвергнуто.

Под идейным руководством тов. Руднева, который был в то время председателем военного бюро большевиков, велась агитработа не только в 30 полку, но и во всем гарнизоне г. Харькова. В момент организации в Харькове Ревкома из 9 входит и тов. Руднев, который проводит оперативную работу. В момент наступления гайдамаков, на ст. Лозовую отправляется 30 полк под непосредственным руководством тов. Руднева. Вместе с ним еще был отправлен отряд Красной Гвардии, состоящий в большинстве из рабоч. зав. ВЭК. Здесь тов. Руднев своей необычайной храбростью вызывает энтузиазм и у тех, которым никогда не приходилось участвовать в бою. Впереди всех бросается в атаку при взятии станции Лозовой. Занимает станцию и руководит дальнейшим наступлением. К вечеру противник делает неожиданный налет и заставляет наши части отступать. Тов. Рудневу удается отступить под сильным пулеметным и оружейным огнем. Он взбирается на бронепоезд, его останавливает и начинает вести контрнаступление, которое заканчивается нашим успехом. Он остается руководить боевыми действиями до его вызова в Харьков. После чего все время работает по формированию Красной

Тов. Коля Руднев в гробу.

Гвардии. С того момента, как организовывается Чрезвычайный Штаб Донецко-Криворожской Республики, председателем которого состоял тов. Рухимович, — тов. Руднев является членом Чрезвычайного Штаба, где ведет оперативную работу и работу по формированию.

Тов. Руднев буквально не знал часа отдыха. Кому приходилось бывать в Штабе, тот помнит, что тов. Руднева можно было застать и в 3 часа ночи за рабочим столом. Тов. Руднев сыграл огромную роль в момент отступления 5 армии с Украины до Царицына, под командой тов. Ворошилова, где Руднев был начальником штаба. Необходимо отметить, что тов. Руднев не только как н-к штаба армии хорошо разрабатывал оперативные приказы, но и сам участвовал в первых рядах боя. Всегда впереди был в разведках. Во всех боях, имеющих огромное стратегическое значение участвует и руководит тов. Руднев. Как только армия прибыла в Царицын (июнь 1918 г.) тов. Руднев получает назначение н-ка формирования 10 армии. Оперативный приказ тов. Руднев выполнил раньше срока, к этому времени положение Царицына стало угрожающим. Сам тов. Руднев со своей частью отправляется на фронт на ст. Саренты, а на рассвете к 3 часам вступает в бой с противником. После упорного боя противник заставляет наши части в безпорядке отступать и оставить орудие. Участвующий здесь тов. Руднев тяжело ранен и через несколько часов умирает. Это было в сентябре 1918 г. Так погиб на боевом посту один из честнейших бойцов Революции. За время гражданской войны от нас уходило много товарищей. Геройская смерть тов. Руднева, его друзей, заставила с еше большим энтузиазмом сражаться с противником.

Тов. Руднев был похоронен на братском кладбище в гор. Царицыне. После взятия Харькова, тело его было привезено в Харьков, где он и был похоронен в феврале 1919 года в саду на Скобелевской площади. Когда Харьков был взят Деникинцами тело его было вырыто.

У тов. Руднева была одна мечта. Он всегда в разговоре твердил, что недалек день, когда Советское Правительство приступит к мирному строительству. Его слова сбылись после необычайно тяжелой борьбы рабочего класса.

Да будет памятно имя Коли Руднева в рядах рабочего класса.

М. ЯКОВЛЕВ.

Киркиж.

ПАМЯТИ ТОВ. ЯКОВЛЕВА.

Не стало еще одного товарища в наших рядах. Тов. Яковлев был один из активных работников нашей партии. С детства работал тов. Яковлев на заводе. Старый партийный работник, он в 1905 году вместе с тов. Артемом выступал на баррикадах. В Харькове в 1917 г. тов. Яковлев ратотая на заводе ВЭК, был членом Завкома, и как таковой входил в Конфликтную Комиссию и был членом кооперативного совета «Об'единение». Пользуясь большой популярностью среди рабочих, он активно выступал в кампании по выборам в Городскую Думу. В тяжелые июльские дни, когда коммунистов преследовали буржуазия и их прихвостни, тов. Яковлев неутомимо и успешно выступал среди солдат, всегда рассеивая злостные нападки против большевиков. В партии

состоял тов. Яковлев оффициально с 1917 года. Он был членом Петинского Райкома и председателем К-та Журавлевского Подрайона и в своей работе всегда являл пример стойкости и выдержанности. Активным работником является тов. Яковлев на фронте. В 1918 году при оккупации Харькова немцами он с коммунистическим отрядом последним оставил город. Переброшенный на Царицын он опять таки увлекает за собою широкие красноармейские массы своей разумной убедительностью. И всегда в самые опасные моменты своей самоотверженностью он увлекал за собой. В феврале 1919 года он оставив семью на произвол судьбы, отправляется рядовым красноармейцем на махновский фронт, где, находясь на передовых позициях, в энтузиазме ожидает младших своих товарищей. В 1920 г. тов. Яковлев выдвигается на губернскую работу в РКИ, потом его избирают на ответственную работу в Губ. К. К., где он работает до 1922 г. После V Губернской Конференции ему на короткое время удается вернуться на производство на завод Гельферих-Саде. Но вскоре завод избирает его в члены Горисполкома. В последнее время тов. Яковлев заведывал Кладбищенским Отделом Гороткомхоза. На этой работе неутомимый товарищ заразился сыпным тифом и умер. Перестало биться это чуткое, отзывчивое сердце. Не стало в наших рядах стойкого, выдержанного коммуниста, хорошего, отзывчивого товарища.

Буздалин.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ТОВ. ФЕДЕ ТИНЯКОВУ.

Впервые я встретился с тов. Тиняковым в сентябре 1916 г. по приезде из Питера: к нему я нес письмо от тов. Медведева Алексея. Из тогдашней Харьковской организации, насчитывавшей 120 человек, тов. Тиняков произвел на меня наилучшее впечатление революционера рабочего, энергичного способного оратора и организатора. И, действительно, он был любимцем и душой организации, он, вечно веселый, горящий верой в свое правое дело, в его неизбежную и скорую победу.

Тов. Тиняков по профессии был портным. Среди рабочих портных он был организатором забастовок и часто выходил с честью из боев. Рабочие видели в нем своего вождя, выдвинувшегося из их среды, обладающего недюжинными способностями организатора и оратора. Тов. Тиняков пользовался безграничным доверием и уважением среди рабочих портных до самой своей смерти, играя руководящую роль в профсоюзе портных, состоя членом правления союза.

Со времени первого моего знакомства с Харьковской организацией с ним я подружился больше всего, и через него был связан с другими, так как я в то время жил нелегально, прописан был под фамилией Гончаров, а в организации числился под фамилией Иванова. До февральской революции участвуя в массовках, устраиваемых в окрестностях гор. Харькова, а также работая в городе в рабочем доме, я часто поражался неутомимой энергии неутомимого Тинякова. Он был первоклассным мастером, но вечно не имел работы, так как хозяева увольняли его. Всегда нуждаясь в средствах к жизни, не выходя из положения безработного, он все же не терял веры и мужества в борьбе.

К 9 января 1917 г. мы готовились провести забастовку и обратить ее главным образом против войны; провокатор Козловский проваливает забастовку: 5 января, арестовываются тов. Тиняков, Ярослав и др. и, арест их срывает всю подготовленную работу. Их освободила из тюрьмы февральская революция.

Февральская революция предоставила возможность развернуть во всю ширь способности этого неутомимого революционера, способного митингового оратора на фабриках и площадах и организатора союза портных.

В мае 1917 г. мне пришлось участвовать вместе с т.т. Тиняковым, Скороходом и Плохотниковым от нашей организации, в делегации от Харьковского Совета, посланной на фронт. В этой делегации участвовали также меньшевики и эс-эры, всего нас было 30 человек. Наша делегация провела блестящую кампанию по расшифровке правительства Керенского за братание. Мне как раз пришлось об'езжать дивизию с тов

Тиняковым. И тут более рельефно выявился его талант оратора, который подкупающе действовал на солдат своей искренностью, живостью и простотой речи. Не было митинга, после которого его не носили бы на руках солдаты. Когда командующий фронтом хотел арестовать нашу большевистскую фракцию за то, что она ведет кампанию за братание и агитацию против министров капиталистов, солдаты заявили, что они не дадут арестовать их делегатов, и в силу этого командующему пришлось отказаться от своего плана.

Вторая половину мая и июль 17 г. прошли в спорах о слиянии с меньшевиками. Тов. Тиняков, Лугановский и Алексей Иванов в Харьковском комитете стояли за слияние, противников было больше на два—три человека. Споры главным образом шли только в комитете. Позже к первой группе примкнул тов. Кин. По вопросу о блоке на выборах в городскую думу меньшевики об'единяли собою различные группы:—от интернационалистов (Попов, Кон и др.) до радикалов или архи-оборонцев (Поддубный, Рубинштейн и др.). Если последние с социализмом ничего не имели, кроме вывески и названия, то и первые недалеко от них ушли, ибо правая группа, более многочисленная, влекла их фатально вправо, и наши «Интернационалисты» во время прихода немцев в апреле 18 года нашли возможным стать в водевильную позу нейтралитета. Но в июне на этот счет еще были иллюзии в нашем комитете, однако группа большинства Харьковского комитета победила на общем собрании в последних числах июня всего несколькими голосами, и намечавшийся блок с меньшевиками на выборах в городскую думу был разрушен.

Все лето и осень тов. Тиняков провел в об'езде губерний, сборе денег для типографии, проведении агитационных кампаний и в работе по вооружению рабочих Харькова и Донбасса.

Работа эта его не удовлетворяла, он рвался в непосредственный бой с врагом, на все наши советы остаться в Харькове, он отвечал отказом, и в декабре с группой тов. он уехал в Донбасс, захватив транспорт оружия. В январе он приехал на несколько дней в Харьков получить директивы и оружия и вновь уехал; он весь ушел тогда в эту работу, чувствуя себя и здесь на своем месте, он долго боролся словом и делом, теперь же счел нужным вести людей и самому бороться непосредственно с оружием в руках с гидрой контр-революции.

В конце января 1918 года пришло смутное известие о том, что тов. Тиняков погиб в неравном бою, борясь плечо с плечом с Донецкими шахтерами. Мы долго не хотели этому верить, но время подтвердило наши опасения.

Тов. Тинякова больше нет.

Революция потребовала много жертв для окончательного торжества пролетарской революции, она вырвала из наших рядов одного из лучших Харьковских работников старой гвардии, одного из тех, кому была так много обязана Харьковская организация. Тов. Тиняков отдал делу, которое он любил и за которое боролся, всю свою жизнь. И когда борьба звала в первые ряды сражающихся, он пошел туда и умер смертью храброго достойного революционера.

Смерть лучших представителей нашей коммунистической партии призывает нас еще более неустанно продолжать то дело, за которое они умерли.

Память о тов. Тинякове у тех, кто его знал и работал с ним, сохранится навсегда, как об одном из наиболее преданных героев революции.

Харьковский губком, членом которого он состоял до февральской революции, должен увековечить память о нем.

Сербиченко.

ИВАН ФЕДОРОВИЧ КОТЛОВ.

(БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ).

Сын крестьянина Костромской губернии, Котлов воспитывался в довольно бедной семье до 10-тилетнего возраста. Испытав рано тяжесть найма в кулацком хозяйстве, он страшно рвался в город учиться ремеслу на фабрике и заводе. Долго не хотели родители отпускать умного и резвого, но еще совсем молодого мальчика в город; но его настоятельные просьбы склонили родных, и его отправили в шумный столичный город Петербург.

В Питере жили тогда далекие родственники И. Ф. Котлова. Он поселился у них и стал готовиться к поступлению в школу. Очутившись в большом городе и поселившись в рабочем районе, И. Ф. не мог не ознакомиться быстро с рабочей молодежью своего возраста. Плохо шло учение и очень хотелось ему итти на завод. Поучившись три года и почувствовав, что его присутствие у родственников становится для них обременительным, он окончательно решил поступить на завод. Но так как крупные заводы в таком возрасте не могли принять его на работу, то ему пришлось итти к подрядчику и работать в порту. С 13-тилетнего возраста познакомился с тяжелым трудом И. Ф. Котлов; условия его работы как маляра сильно повлияли на его молодой организм и, с трудом проработав до глубокой осени, он слег в постель. Провалявшись зиму в больнице он по выздоровлении ранней весной пошел на работу опять; и здесь уже начал прислушиваться он к тому, что говорят о жизни рабочих. Будучи смышленным и вполне уже сознательным, хотя и молодым мальчиком, И. Ф. сразу же обратил на себя внимание передовых рабочих. Члены Партии начали заниматься с ним, и в 15-тилетнем возрасте он уже состоял в Партии, имея связь с многими заводами, так как ему поручалось распространять прокламации по заводам. Проработав до 17-тилетнего возраста в Питере, он в силу сложившейся обстановки должен был переехать на юг.

Котлова увезли в Николаев, где он сначала работал в порту, а затем поступил на железную дорогу. Здесь то и началась его самостоятельная организационная работа.

Очутившись среди отсталых рабочих железнодорожников после бурлящей среды портовых рабочих, он сразу же приступил к организации Партийного кружка, что ему и удалось, хотя и с большим трудом. Любили рабочие железнодорожники тов. Котлова, много хорошего рекомендовал он им, требуя от администрации улучшения экономического положения рабочих и технического усовершенствования мастерских.

Будучи связанным с рабочими—членами Партии, работающими на других заводах, он был хорошо осведомлен, что делается в Питере, Москве и других городах. Так протекала его работа до 1900 года. Вырос он возмужал и там-же женился на дочери своих далеких родственников. Только перед женитьбой он узнал от своих воспитателей, что они ему не родственники и что те, кого он, считал отцом и матерью,—ему чужие люди, и что он не кто иной, как подкидыш, которого и воспитали, найдя в степи, эти хорошие люди. Будучи вполне сознательным и уже возмужалым, он совершенно не смутился таким известием и был весьма благодарен людям, которые смогли его вырастить и воспитать.

Наступил 1900 год, закончилась постройка новых главных мастерских в Крюкове, Кременчугского уезда, и со всех концов туда начали переводить рабочих железнодорожников, часто против их воли; главным образом администрация старалась переслать туда наиболее революционных рабочих. В это число попал и Иван Федорович Котлов.

Приехав в Крюков, не смущаясь новой обстановкой, он сейчас же связался со многими рабочими и организовал кружок. Уже тогда шла некоторая работа по подготовке массового рабочего движения. В революции 1905 года Иван Федорович принял активное участие, за что едва не поплатился не только службой, но и жизнью. С огромным трудом ему удалось остаться на работе. Хотя реакция господствовала во всю, все же через небольшой промежуток времени кружок возобновил свою работу, и И. Ф. повел ее еще шире, чем раньше.

Хорошо, может быть, шла бы работа, если бы в кружок не затесался лакей буржуазии и предатель рабочего класса—провокатор. В 1907 г. весь кружок арестовывается, и Иван Федорович опять в тюрьме. Много хлопот и ходатайств стоило рабочим выручить И. Ф., очень любили они его и, использовав все тогдашние возможности и средства, добились его освобождения. Был установлен специальный контроль и наблюдение за ним, но, не смотря на это, в конце 1907 года он организовал опять новый кружок, в котором впервые мне пришлось как члену этого кружка познакомиться с рабочим движением и неустанной работой И. Ф. Котлова. Отсюда уже началась его систематическая работа в области организации кружков и массовок, а также общих собраний рабочих. Он был несменяемым выборным старостой от цеха, ему всегда поручали все свои дела рабочие.

Хорошая связь была у И. Ф. с другими городами и со многими товарищами. Ему удалось добиться, что проездом через Кременчуг Г. И. Петровский, тогда член государственной думы, остановился в Крюкове и посетил кружок. Так продолжалась его руководящая работа до 1915 года.

Будучи передовым рабочим, настойчивым в своих требованиях, для администрации он становился нетерпим, и после неоднократных предупреждений ему в 1915 г. в своем кабинете начальник мастерских, пригрозивши уволить без права поступления на желез. дорогу, об'явил переход в Харьков в вагонные мастерские в 3-х дневный срок.

Имея семью в семь человек, он должен был срочно покинуть пределы Полтавской губернии и выехать в Харьков.

Через 5 месяцев приехал я к нему и узнал, как тяжело живется ему здесь. Закрытое секретное письмо н-ка Крюковских мастерских, на имя Н-ка Харьковских мастерских и Управления дороги, создало для него ужасную обстановку. Мастер цеха старался компрометировать его в глазах рабочих, прежде чем он успел организовать партийный кружок. Расценки были низки и рабочие из кожи лезли вон, чтобы заработать на существование. Несмотря на все это,

когда мне пришлось приехать через 8 месяцев в Харьков, Иван Федорович уже организовал кружок из 12-ти человек, и жизнь пошла веселей.

После этого мне пришлось с июля 1916 года работать уже с ним вместе в Харькове и разделять работу. Он был одинаково серьезен, заботлив и нетерпелив, чувствовало его революционное сердце, что близок час расплаты: часто он это говорил не только нам в кружке, но и всем рабочим, и как-то все торопился и торопился.

Наступил 1917 г. Он, как лев, почувствовавший добычу, кинулся в бой. Нам было очень страшно за него, но его уверения, что вот уже пахнет в воздухе Революцией, нас успокаивало. Наконец, время настало: наступило 27-е февраля 1917 г. К нам приходит с города товарищ, которым мы были свезены на квартиру И. Ф., и сообщает, что в Питере революция. Рано утром мы уже в мастерских сообщили в депо, паровозное и сортировку. Повсюду И. Ф. приказал передать о революции и призвать прекратить работу. Много труда пришлось положить, никто не хотел верить этому сообщению. День прошел жутко и в большем волнении. Жандармы ходили по пятам; но вот второй день, сведений больше, шевелятся городские рабочие, остановили работу, Иван Федорович руководит работой; строят трибуну, пишут знамена на железных листах, он бежит в город, приходят т.т., назначается митинг и демонстрация. Он все впереди и уже руководит выборами в Совет Рабочих Депутатов.

Немедленно по его инициативе организовали коллектив мастерских, Районный Комитет Партии, Совет Депутатов Юж. жел. дорог и Районный совет Депутатов. Повсюду—его инициатива и директива, повсюду его руководство. Так продолжалось до тех пор, пока не окрепла контрреволюция. Наступила эвакуация. Он переносит большое горе, мытарствует по дорогам, возвращается вместе с армией в Харьков и становится опять во главе работы по восстановлению организаций. Потом вторая эвакуация, и опять мытарства по дорогам. Проехал он Вологду, Вятку, Пермь, Екатеринбург, работая во всех этих мастерских, как уполномоченный Н. К. П. С. и, возвратившись в Москву, был назначен в Курск, а оттуда в Харьков. С занятием Харькова он опять начал организационную работу. Но не долго ему пришлось работать. Заразившись тифом, он на 49-м году своей жизни умер, не перенеся тяжкой болезни.

Деникинская контр - революция унесла много товарищей. Потеря Ивана Федоровича Котлова явилась большой потерей как для коммунистической партии, так и для рабочего класса, и особенно для железнодорожников, которые и теперь часто вспоминают борца за рабочее дело.

В последних числах февраля 1920 года он умер.

Память о нем и его партийной революционной работе надолго останется в рабочих и партийных кругах.

ПЯТЬ ЛЕТ ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ.

Консультационный отдел Губпарт-библиотеки в списки рекомендуемых книг включил только ту часть литературы, которая прошла через экспедицию Губкома и имеется в уездных партбиблиотеках.

I. ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

Бухарин. *Классовая борьба и революция в России.* В небольшой компактной книжке тов. Бухарин делает исторический анализ эпохи Февраль—Октябрь, вскрывает общие факторы Октябрьского переворота и доказывает историческую неизбежность этого переворота. Книга состоит из двух частей: I—от Февральской революции до Корниловского восстания. II—от Корниловского до Октябрьского переворота.

Луначарский. *Великий переворот.* Ч. I. В первой части своей книги тов. Луначарский дает очень четкую, яркую характеристику наиболее крупных фигур Октябрьских дней. Ленин, Троцкий, Зиновьев, Каменев, сам Луначарский, и, наконец, Мартов,—проходят яркой вереницей перед читателями.

Любопытно, что о себе Луначарский пишет: «я интуитивно уверился, что она (русская революция К. О.) призовет меня на какой-нибудь ответственный пост, и что пост этот будет иметь отношение к народному просвещению».

Кроме характеристики, книга Луначарского дает много ценных материалов по дореволюционной и революционной деятельности Коммунистической партии.

Новицкий. *От самодержавия к диктатуре пролетариата.* Книга Новицкого дает очерк эпохи развития классовой борьбы в России от Февраля 1917 года, до конца 1918. Эта книга отличается, главным образом, большим содержанием фактического сырого материала. Но и в «сыром виде» эта книга будет прочитана рядовым читателем с несомненной пользой.

Ларин. *Крестьяне и рабочие в русской революции. „Октябрьские дни в районах Москвы“.* (По воспоминаниям участников).
„Октябрьское восстание в Москве“. Восстание в Москве сыграло не менее важную роль, чем восстание в Питере. Обе книги являются воспоминаниями участников восстания—организаторов боевых частей районов и т. п.

Статьи о Военно-Революционном Комитете, о Московском Совете в период Октябрьской революции, о Городской Думе, и, что особенно ценно, о рабочих кварталах в момент восстания,—все это составляет цельную, яркую картину моментов Октябрьской революции в красной Москве.

Невский. *Как образовалась Советская Власть.*

Троцкий. *Октябрьская революция.* «В этой книжке восстановлена в самых общих чертах история возникновения и первых четырех месяцев существования Советского режима».

«Книжка написана не по документам, а по памяти»—пишет тов. Троцкий в предисловии. Книжка написана обычным для ее автора блестящим языком и может быть рекомендована для всех лекторов, докладчиков и агитаторов в качестве основного пособия к докладам об Октябрьской революции.

ЖУРНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ.

Анулов. Тактика Октября. «Пролет. революция» № 4.
Аросев. Октябрьский рассвет. «Красная Новь» № 4.
Благонравов. Октябрьские дни в Петропавловской крепости. «Прол. рев.» № 4.
Бубнов. Октябрьские бюллетени Ц. К. большевиков «Пролет. revol.» № 1.
Быстрянский. Буржуазия и социалистич. революция. «Красн. летопись» № 2—3.
Виленский. Октябрьские дни в Сибири. «Пролет. революция» № 1.
Дрезен. Революционная демократия в дни Октября. «Пролет. revol.» № 3.
Иорданский. Октябрьские дни и Плеханов. «Пролет. революция» № 3.
Карзыкин. Расстрел юнкерами арсенальцев. «Пролет. revol.» № 5.
Петровская. Царское село в ноябре 1917 г. «Красная летопись» № 2—3.
Шлихер. Октябрьские дни. «Пролетарская революция» № 5.

II. ХОЗЯЙСТВО Р. С. Ф. С. Р. ЗА 5 ЛЕТ.

1917—1921 г.г. (до нов. экон. политики).

Бухарин. *Всеобщая дележка или Коммунистическое производство* 1918 г. Брошюрка представляет собою перепечатку одной главы из «Программы Коммунистов» того же автора. В ней вкратце говорится о том, что подробнее разъяснено в других главах программы, например, об уничтожении деления общества на классы и т. д. Но все же, несмотря на краткость изложения, эта брошюрка заслуживает внимания.

Милютин. *Современное экономическое развитие России и Диктатура Пролетариата.* (1914—1918 г.г.) 1918 г. Эта книга состоит из двух частей: I. Экономическое положение России до октября 1917 г. и II. Экономическое положение России после Октября. Экономическое развитие России до октября 1917 г. распадается на 3 периода: первый — охватывает вторую половину 1914 и первую 1915 г.г.; в этот период совершается переход производства на удовлетворение нужд войны и соответствующее перераспределение рабочих. 1915—1916—являются годами наибольшего военного размаха России. В 1917 году экономическое положение приходит все в большее расстройство. Наконец, Диктатура Пролетариата. Она дала возможность власти приступить к новому строительству, к проведению в жизнь новой определенной экономической программы.

Степанов. От рабочего контроля к рабочему управлению в промышленности и земледелии 1918 г. Говорится в ней о неизбежности, с которой рабочие должны прийти к общему регулированию народного хозяйства. Далее автор говорит о необходимости урегулирования отношений между деревней и городом. Говоря о последовательности в урегулировании различных отраслей промышленности, автор указывает на необходимость «возсоздания всей экономической жизни по единому общему плану». Далее следуют главы о «регулировании экомомических отношений в переходную эпоху», о «коммунистической и социалистической экономии» и т. д.

Осинский. Строительство социализма. 1918 г. Четыре первых главы говорят об условиях, делающих возможным строительство социализма и об общих задачах строительства. Далее автор говорит о строительстве ВСНХ и его органов. Особенно интересна первая часть.

Ленин. *Великий почин.* (О субботниках) 1919 г.

Троцкий. Труд, дисциплина, порядок—спасут Социалистическую Советскую республику. (Доклад на Московской Горпартконференции. 28 марта 1918 г.).

ХОЗЯЙСТВО И ЕГО ОРГАНИЗАЦИЯ.

Серия брошюр на самые разнообразные темы (напр.: *Богданов.* С.-х. производство. *Крумин.* Организация производства. *Каплун.* Труд прежде и теперь. *Михайлов:* Пути сообщения в жизни народов и т. д.).

«Вопросы хозяйства и его организации являются основными вопросами в советском строительстве. Сознательное участие всех рабочих в восстановлении хозяйства—неот'емлемый принцип Коммунистического развития. Необходимо, что-б вопросы хозяйства, причины его разрухи и ход его восстановления освещались, изучались и захватывали самые разнообразные, самые отсталые слои трудящихся». Так об'ясняется цель издания этих брошюр. Издатели—(полит.-просв. отд. Моно, совместно с Рио ВСНХ).

Ларин и Крицман. Очерки хозяйственного развития Р. С. Ф. С. Р.

Кржижановский. Об электрофикации. (Речь на 8-м С'езде Советов).

Электричество является великой силой для под'ема производительности труда. Оно сможет быстро ликвидировать наш топливный кризис. Электрофикация транспорта неизмерно облегчит новое строительство Коммунистического Государства.

Если удастся осуществить намеченный Гос. Элек. Комиссией проэкт, то только в одной промышленности это будет равно прибавлению 15 миллионов рабочих, не говоря уж о тех грандиозных результатах, которые удастся достигнуть в сельском хозяйстве.

Книга тов. Кржижановского, написанная ярким, интересным языком, должна быть рекомендована для самого широкого распространения.

Степанов. Электрофикация России. «Автору удалось дать замечательно удачное изложение труднейших и важнейших вопросов. Автор прекрасно сделал, что решил писать книгу не для интеллигентов, а для трудящихся, для настоящей массы народа, для рядовых рабочих и крестьян. Особо отметить надо начало шестой главы, где автор дает прекрасное изложение новой экономической политики, а затем превосходно опровергает ходячий «легонький» скептицизм насчет электрофикации: скептицизм этот прикрывает отлично отсутствие серьезного размышления о предмете, (если этот скептицизм не является, что тоже иногда бывает, прикрытием вражды белогвардейцев, эс-эров и меньшевиков к советскому строительству вообще)».

(Из предисловия к книге Степанова, написанного тов. Лениным).

III. НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА.

Стенографический отчет 10 С'езда Р. К. П.

Стенографический отчет 11 С'езда Р. К. П.

„Новый курс экономической политики", изд. Харьковского Губкома.

Сборник статей и тезисов.

СОДЕРЖАНИЕ:

1. Переход к новой эконом. политике.
2. Новая эконом. политика, сельское хозяйство и продналог.
3. Новая хозяйственная политика в производстве.
4. Задачи финансовой политики в новых условиях.
5. Тезисы.
6. Профсоюзы.

„Новый курс экономической политики" изд. Ц. К. КПУ. В этой книге сконцентрированы доклады т.т. Ленина, Богданова, Кржижановского, Красина и др. Относится она ко времени начала новой эконом. политики.

Крумин. Новая экономическая политика в промышленности. Главполитпросветом Р. С. Ф. С. Р. выпущена целая серия брошюр, освящающих ряд вопросов в свете новой экономической политики. Книжка Крумина написана простым понятным массовому читателю языком. Основная мысль следующая: новая экономическая политика приведет и уже приводит к поднятию материального положения трудящихся масс. Путь этот длинный и трудный: через увеличение производительности труда каждого отдельного рабочего, при органической и тесной связи во всех отношениях производительности его труда с величиной оплаты—к общему благосостоянию; через максимальное развитие всякой инициативы—к увеличению богатства республики.

Книга рекомендуется для самого широкого распространения.

Из той же серии изд. Главполитпросвета следует отметить еще:

Сарабьянов. Промышленность.

Виноградов А. Пути восстановления народного хозяйства и электрофикация.

„Русская промышленность в 1921 г. и ее перспективы". Отчет к 9 С'езду Советов.

Солидный сборник, около 500 страниц, освещающий положение русской промышленности за отчетный период. Богатый цифровой материал делает сборник незаменимым во всякой работе о русской промышленности. К числу достоинств сборника принадлежит также его наглядность, заключающаяся в сравнительных цифрах прошлых лет.

„Промышленность и торговля". (Материал к XI Парт. С'езду). Материалы изд. В. С. Н. Х. для делегатов XI Парт. С'езда являются первым суммированием результатов новой экономической политики. Книга является попыткой дать хотя-бы иллюстрационный материал теперешнего состояния нашей промышленности, доказавшей, что в новых формах ее организации, вне зависимости от общих тяжелых обстоятельств, она продолжает таить большие потенциальные возможности. Такой материал дает книга. Остается пожалеть, что подобное суммирование итогов новой экономической политики не сделано за больший срок и закончено только XI Парт. С'ездом.

Журналы: Народное хозяйство, Известия В. С. Н. Х., Хозяйство Украины.

IV. МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА.

Каменев. Борьба за мир.

Сокольников. Брестский мир. Первые дни Советской власти Красной Армии еще не было. Остатки старой русской Армии бежали при появлении малейших частей немецкой армии. Вот те условия существования Молодой Республики, когда немецкий империализм вел переговоры с Россией.

Любопытны те места, где т. Сокольников сопоставляет явно благожелательное отношение к русской делегации со стороны немецких солдат — и презрительно-боязливое отношение немецкого офицерья, смутно чувствовавшего] приближающийся конец.

Написанная в виде личных воспоминаний, книга будет прочитана с удовольствием всяким желающим вспомнить первые диплом. шаги Советской России.

Чичерин. *Внешняя политика Советской России за два года.* Очерк, составленный к двухлетней годовщине рабоче-крестьянской революции.
Много времени прошло с тех пор, как написана эта книжка. Колоссальный путь Брест—Гаага пройден с честью русской дипломатией, и книга Чичерина—очерчивает первые этапы этого пути. Тяжелое кольцо блокады, в которое была загнана республика, как раз к тому времени, в которое написана книжка, было сжато особенно сильно. «Внешне-политическая история Советской России за эти два года есть трагическая и в то же время полная неистощимой бодрости и лучезарной надежды повесть о непрекращающейся ни на единую минуту борьбе против бесчисленных врагов», пишет тов. Чичерин в предисловии.

«Красные Книги». Изд. Наркоминдела. Книги содержат очень интересные документы дипломатических переговоров У. С. С. Р. Первая книга—«в защиту Советской Украины»—переписка, сборник дипл. нот между Сов. правительством и Французским оккупационным отрядом. Вторая книга—«Сов. Украина и Румыния»—дипломатическая переписка У. С. С. Р. с Румынией и, наконец, третья — освещает Украино-Польские отношения. Каждая книга снабжена еще вступительной статьей и различного рода приложениями, (фотографиями с документов и т. п.).

Штейн. Генуэзская Конференция.

Генуэзская Конференция. Стенографический отчет, материалы и документы. Вып. I.

Сапронов. Генуэзская конференция. Записки рабочего на Генуэзской Конференции. Книга тов. Сапронова, посланного в Генуэю, как представителя ВЦСПС, является высшей степени интересным документом, так сказать, закулисной жизни русской делегации. Да и сама конференция в высшей степени «не дипломатично» освещается тов. Сапроновым. Книга написана чрезвычайно просто и увлекательно. Когда читаешь ее, то чувствуешь, что буквально не можешь оторваться. Книга может быть рекомендована для самого широкого распространения среди рабочих кругов.
Журналы: «Вестник Наркоминдела».

V. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО СОВЕТСКОЙ РОССИИ.

«Конституция Р. С. Ф. С. Р.» (Лучшее издание ВЦИКА).
«Конституция У. С. С. Р.».
«Сборник декретов и постановлений».
«Сборник Узаконений и Распоряжений Правительства Р. С. Ф. С. Р.

Стучка. Конституция в вопросах и ответах.

Гуревич. Основы Советской Конституции. Вып. I. Книжка проф. Гуревича является одной из первых книг, делающих опыт научного изложения основ Советской Конституции. Рассчитана книга на читателя подходящего по своему уровню к слушателю парт. школы. Исследует она лишь основные черты Конституции. Содержание ее следующее: Понятие Конституции, как основного закона. Сущность Конституции и ее содержание. Государство, его происхождение и характер. Уничтожение государства, как конечная цель пролетариата. Особенности пролетарского Государства. Диктатура в Советском Государстве. Государственная власть, диктатура и т. д.

Стучка. Учение о Государстве и Конституция Р. С. Ф. С. Р.

Драницын. Конституция Р. С. Ф. С. Р. в вопросах и ответах. Стенографические отчеты С'ездов Советов.

Владимирский М. Организация Советской власти на местах. Есть два издания этой книги—1919 и 1921 г.г. Последнее является дополненным и значительно расширенным. Содержание: Основные положения и общий план строения Советской власти. Сельский Совет и сельский Исполком. Посадковый Совет. Горсовет. Волсоветы и Волисполкомы. Уезд. и Губерн. Исполкомы и т. д.

Гойхбарг	Социальное законодательство Советской Республики.
Гойхбарг.	Брачное, семейное и опекунское право Советской Республики.
Теттенборн.	Советское законодательство о труде. «Законы о трудовом Землепользовании». Москва 1922 г. Изд. «Новая Деревня».

Журналы: Советское право.

VI. ПРОФДВИЖЕНИЕ.

Общий с'езд профсоюзов.

Томский — Принципы организационного строительства профессиональных союзов.

Рязанов — Задачи профсоюзов до и в эпоху диктатуры пролетариата. Книга представляет сборник статей и речей, написанных и произнесенных с 1906 г. включительно по 8-й с'езд Советов. Книга написана легко с большим под'емом. Знакомство с ней необходимо профессиональным и партийным работникам, желающим уяснить своеобразную точку зрения т. Рязанова на вопрос о профсоюзах.

Лозовский — *Профсоюзы в Советской России.* Брошюра т. Лозовского расчитана, главным образом, на массового читателя и дает изложение истории профдвижения *до* и *после* октябрьской Революции. Автор подробно останавливается на предшественниках профсоюзов— всякого рода организациях экономической борьбы рабочего класса. Далее выясняется значение революции 1905 г., пред'октябрьский период 1917 г. и, наконец, освещается Октябрьская революция, поставившая совершенно новые задачи перед нашим профдвижением.

Томский — *Профсоюзы на новых путях.*

Изменение обще-хозяйственной структуры государства не может, конечно, не изменить деятельности профсоюзов.

Тов. Томский в своей небольшой, разбитой на 4 главы (Новые задачи союзов, Работа союзов в новых условиях, Стачки и Методы работы профсоюзов), книге указывает простым, вполне понятным массовому читателю языком новый путь профсоюзов, путь, диктуемый, как пишет тов. Томский, обстановкой противоречий, вытекающих из наличия товарного рынка и возрождающегося капитализма в государстве, где власть принадлежит рабочим.

Книга может быть рекомендована в качестве простого и вместе с тем много дающего пособия по вопросу нашего современного профдвижения.

„Партия и союзы“ — Сборник статей, тезисов, проектов постановлений X с'езда Р.К.П. по вопросу о взаимоотношениях партии и союзов.

Всякому члену партии хорошо памятна дискуссия, разгоревшаяся вокруг X с'езда Р.К.П. Сборник составлен таким образом, что включает материалы всех групп и направлений. (Статьи: т. Ленина, Зиновьева, Милютина, Лозовского, Цыперовича, Троцкого, Мясникова, Шляпникова, Ногина и др.)

Лозовский — *Верен ли путь?* (Русские профсоюзы в новой обстановке).

Брошюра имеет целью указать на органическую связь между задачами профсоюзов и международным и внутренним положением Советской России.

Крутой поворот в нашей экономической политике вызвал поворот в задачах профсоюзов. Но наша экономическая политика является не первичной причиной, а производной двух моментов: медленного темпа развития революции в Западной Европе, и значения русской промышленности и русского пролетариата в экономике страны. Эти две причины определили собою новую экономическую политику, которая со своей стороны автоматически вызвала и перемену задач наших профсоюзов.

Журналы: «Коммунистический Интернационал Профсоюзов», «Вестник Труда», «Вестник профдвижения Украины».

VII. ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО

Гойхбарг *Обобществление сельского хозяйства*

Книга т. Гойхбарга и следующие за ней книги Гурова, Осинского и Эрде дают, так сказать, идеологическое обоснование первому периоду земельной политики Советской Власти: если техническая подготовка для введения социализма в промышленности была дана самим капиталистическим обществом, то в сельском хозяйстве этого нет, эти предпосылки еще нужно создать—организовывая сельско-хозяйственные коммуны.

Гуров *О сельско-хозяйственных коммунах.*

Мировая война повела за собой уменьшение рабочей силы крестьянского хозяйства. Уменьшилось число работающих, уменьшился живой инвентарь. Только об'единенное в коммуны крестьянство, соединившее все имеющиеся у него возможности, средства для хозяйственной деятельности, сможет повысить производительность крестьянского хозяйства. Книга т. Гурова—стенограмма его речи на крестьянском собрании; написана она соответственно ясным «крестьянским» языком.

Эрде *Советский закон о земле.*

Инструкции по применению положения о социалистическом землепользовании.

Осинский *Государственное регулирование крестьянского хозяйства.* Сборник статей, печатавшихся в 1920 г. в «Правде».

Книга т. Осинского является наиболее ярким характерно-показательным очерком нашей старой политики в деревне. Максимум государственного вмешательства—вот что, по мнению Осинского, является единственным верным путем. «Не создание отдельных советских хозяйств даст возможность достигнуть создания социалистической деревни,—только массовое принудительное вмешательство государства, только в государственном регулировании крестьянского хозяйства—центр работы социалистического строительства», пишет т. Осинский.

Дышлер *Как устраивать сельско-хозяйственные коммуны.*

Житур *Организация сельско-хозяйствен. коммун.*

Обе книги являются практическим руководством для устройства сельско-хозяйственных коммун и рассматривают целый ряд практических вопросов старого земельного строительства. Постройка зданий, сельско-хозяйств. инвентарь коммуны—все это находит место для детального разбора в указанных книгах.

„Законы о трудовом землепользовании“. Со стенограммой отчета заседания III сессии В. Ц. И. К. IX созыва по земель) ному вопросу.

„Постановление ВЦИК о трудовом землепользовании“. Принятое 3-й сессией ВЦИК 22/5—1922 г.

Митрофанов. *8-й и 9-й с'езды о сельском хозяйстве.* Настоящая книжка тов. Митрофанова рассматривает вопрос о селькомах, признавая их необходимой формой организации крестьянства,

Книга говорит о значении селькомов, о методах и целях их работы и заканчивается постановлением ВЦИК и Совнаркома о расширении прав крестьянских комитетов по улучшению сельско-хозяйственного производства (селькомов).

Гуров. *Как разрешен земельный вопрос на 9-м Всероссийском С'езде Советов.*

Гуров, *Крестьянское хозяйство и новый закон о трудовом землепользовании.* Обе книги тов. Гурова являются *образцовой* попыткой изложить основы нашей новой земельной политики.

Первая книга популярно разбирает постановления 9 с'езда об'ясняя тот или иной пункт принятой с'ездом резолюции. Особенно ценна вторая книга. «Политическая власть рабочих и

крестьян установлена на твердом материальном основании. Рабоче-Крестьянское Государство, стремясь вызвать инициативу, интерес к труду и созиданию у всех слоев населения, может устанавливать и видоизменять правовые нормы, но основа остается неприкосновенной и незыбленной—права собственности на землю и леса, на фабрики и заводы и различные полезные ископаемые, находящиеся в недрах земли, останутся за государством, без'условно, раз существует власть рабочих и крестьян», пишет т. Гуров. Особенно хорошо написана глава о порядках трудового землепользования. Снабженная многими интересными и понятными диаграммами, книга т. Гурова может смело *рекомендоваться* для самого широкого внимания парт. работников села.

Месяцев. *Что говорит крестьянину Советская Власть о земле.* Книга т. Месяцева написана более трудным и тяжелым языком, чем книга т. Гурова, но все-же она вполне пригодна для ознакомления с основными принципами нашего землеустройства (идеологическим их обоснованием).

Чем отличается новое землеустройство от старого? Прежде всего тем, что оно проводится не государством по своему плану, а становится делом самого населения. Государство-же сохраняет свои формы землеустройства главным образом — на землях бывшего не трудового владения.

«Новые земельные законы вносят большую ясность в вопросы земельных отношений: они дают уверенность крестьянину в том, что его права на землю являются достаточно устойчивыми. А все это, несомненно, в очень сильной степени будет способствовать поднятию и развитию сельского хозяйства и поможет нам выйти из разрухи на просторную дорогу народного благополучия» заканчивает т. Месяцев свою брошюрку. Эту брошюрку необходимо прочесть вместе с вышеуказанной книжкой тов. Осинского.

Осинский. *Восстановление крестьянского хозяйства.* В настоящей книге подробно раз'ясняются постановления восьмого и девятого с'езда советов по сельскому хозяйству.

VIII. КРАСНАЯ АРМИЯ.

Берзин. Этапы в строительстве Красной Армии. Книга написана в 1920 г., ко времени двух-летней годовщине Красной Армии.

Красная армия это дитя революции. Революционный порыв пролетариата (по проэкту — кстати сказать, т. Шляпникова) создать Красную Гвардию. Брест — показал необходимость иметь революционную армию. Банды Семенова и Дутова, уже тогда начавшие свою работу, еще сильнее эту необходимость подчеркнули. Чехо-Словацкое выступление вызвало приказ ВЦИК'а о создании Губ.-Уездн. и Вол. военных комиссариатов и первой мобилизации в Красную Армию.

«Достигнутыми результатами мы можем гордится перед всем миром. Достигнутое заставляет нас еще усиленней работать, еще увереннее итти вперед по намеченному пути, зная, что он приведет нас к победе, зная, что Красная Армия превратится в вооруженный Коммунистический Народ»—заканчивает т. Берзин свою книгу.

Т. В. Георгиевский. *Очерки по истории Красной Гвардии.* Содержание: Что такое Красная Гвардия. Как родилась Красная Гвардия. Красная Гвардия Парижской Коммуны. Красная Гвардия в 1905—6 годах. Красная Гвардия в 1917 в Москве, Петербурге и в провинции.

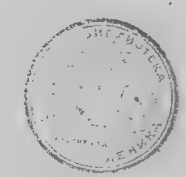
Раковский. Красная Армия и борьба с бандитизмом (доклад на Харьковской губернской Красноарм. партийной конференции) 15 февраля 1921 г.

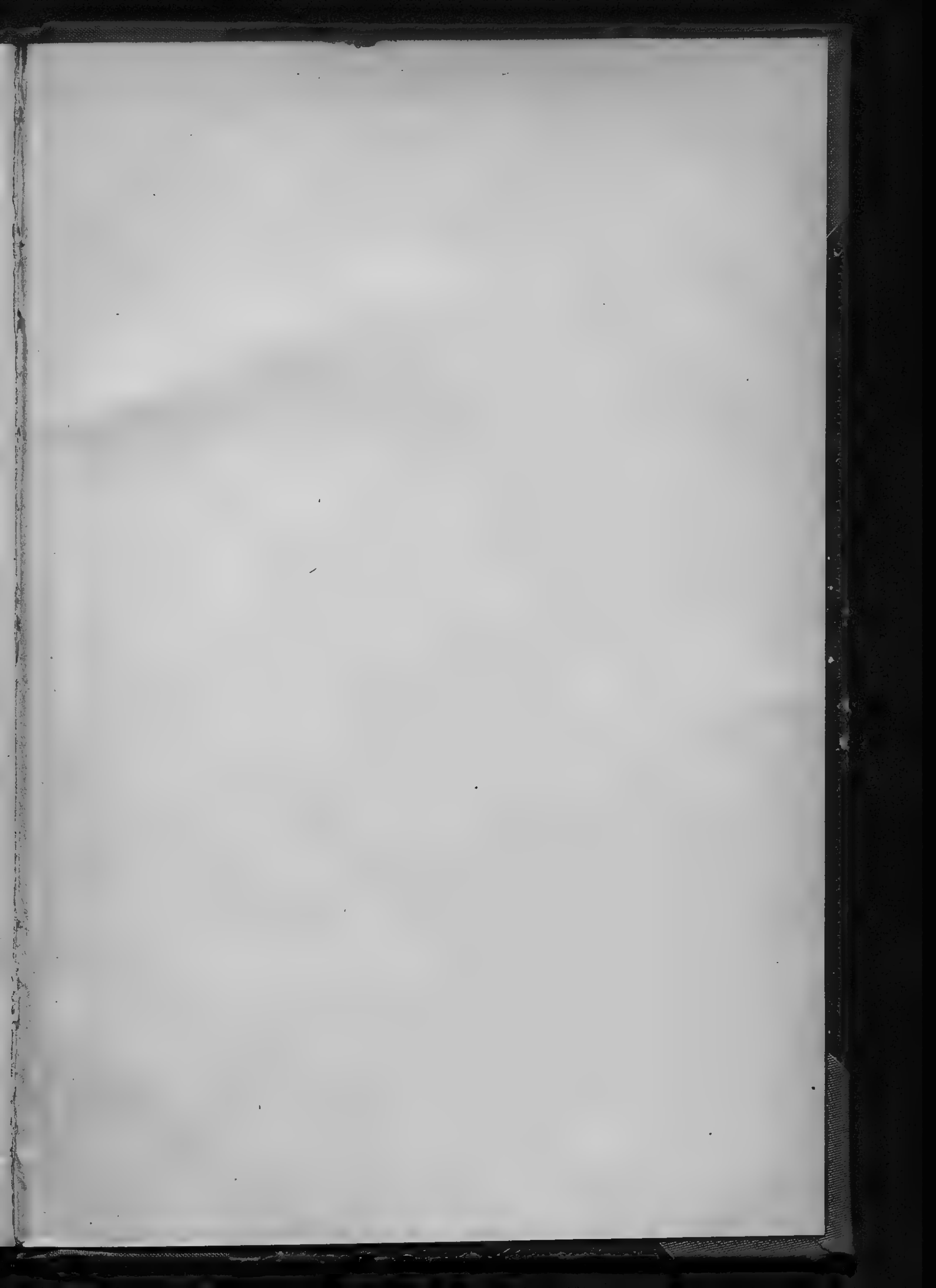
Степанов. С Красной Армией на Польшу.

Эйдеман. Борьба Красной Армии с кулачеством и бандитизмом.

Фрунзе. Единая военная доктрина и Красная Армия. (*«Красная новь»* № 2 за 1921 г.).

ОГЛАВЛЕНИЕ.

3-я Гос. типография
Ул. Революции (быв.
Губернаторская) № 8.

